A detailed illustration of a man with a thick, light-colored beard and a blue eye. He is wearing a brown fur hat and a red garment. He is holding a wooden staff or pole. The background shows a stylized illustration of a wooden fence and a building with a pointed roof.

Алексей
Воронков

*

Албазинец

RUSTORY
рустория

Рустория

Алексей Воронков

Албазинец

Издательство "Руда"

2021

УДК 82.3 + 94 (47)
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Воронков А. А.

Албазинец / А. А. Воронков — Издательство "Руда",
2021 — (Рустория)

ISBN 978-5-9073550-3-3

Захватывающий роман повествует о героической обороне первого русского укрепленного поселения на Амуре. Албазинский острог (ныне село Албазино Сковородинского района Амурской области) был основан в середине XVII века гонимыми на восток в поисках вольной жизни русскими людьми – беглыми казаками, среди которых были участники восстания Степана Разина, разного рода авантюристами, бедными земледельцами. Царские власти, дабы не портить отношений с соседним Китаем, тоже претендовавшим на эти земли, долгое время не признавали Албазин, однако его обитатели продолжали считать себя подданными России, отсылали в центр пушную дань и отважно обороняли крепость от многократно превосходящих сил грозного соседа. Увы, в 1689 году Московское государство и Цинская Империя заключили Нерчинский договор, по которому русские вынуждены были оставить приамурские земли... Для широкого круга читателей.

УДК 82.3 + 94 (47)
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-9073550-3-3

© Воронков А. А., 2021
© Издательство "Руда", 2021

Содержание

Напутное слово	6
Вместо предисловия	7
Часть первая	9
Глава 1. Казачья вольница	9
1	9
2	12
3	15
Глава 2. Дело державное	18
1	18
2	19
3	22
4	26
Глава 3. Под сенью святых образов	30
1	30
2	32
3	36
4	38
5	41
Глава 4. Богдойский берег	45
1	45
2	46
3	48
4	52
Глава 5. Принцесса	56
1	56
2	57
3	59
Глава 6. Сборный день	63
1	63
2	65
3	67
4	69
5	72
Глава 7. Темные ночи	76
1	76
2	79
3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Алексей Воронков

Албазинец

© Издательство «Руда», 2021

© А. А. Воронков, 2021

© Е. Г. Чижевский, иллюстрации, 2021

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, обложка, 2021

* * *

*Шуми, Амур, шуми, наш батюшка,
Таежная река.
Гуляй, гуляй, гуляй, безбрежная,
Э-эх, родная на века!..*

Народная песня

*Не волнуясь большие злобами
Завоеванной реки,
Спят под снежными сугробами
Беспробудно казаки.
И поет им память вечную
Диким голосом пурга.
Да беседу бесконечную
О былом ведет тайга...*

Леонид Волков, амурский казачий поэт (1870–1900)

Напутное слово

Славным нашим прадедам, собирателям земель русских, посвящаю

Славна наша Русь подвигами во имя Отечества, только, увы, не все из них остаются в памяти народной. Ибо коротка бывает память человека. Уверен, мало найдется среди моих читателей тех, кому что-нибудь известно о трагической судьбе Албазинской крепости – первой, построенной нашими предками на Амуре. А ведь подвиг горстки ее защитников, выстоявших в кровавых битвах против несметных орд захватчиков, можно смело поставить в один ряд с подвигами защитников Брестской крепости и Сталинграда, Ленинграда и Севастополя. Действие моего романа разворачивается на фоне важных исторических событий, коими был богат XVII век. Его герои – русские люди, которых разные обстоятельства вынудили оставить родные места и в поисках лучшей доли отправиться «встречь солнца», к тем далеким и неведомым землям, где одни из них обретут славу, другие же найдут вечный покой. Многие из них представлены в книге под вымышленными именами или же вовсе являются собирательными образами, однако есть в этом списке и немало известных исторических фигур, ставших символами своей эпохи.

Буду рад, если после прочтения романа у кого-то из моих читателей вдруг появится желание еще больше узнать о великих деяниях наших пращуров – славных собирателей земли русской. Беда в том, что мы зачастую не стремимся к этим знаниям, оттого и пасуем перед фактами и впадаем в пессимизм, когда речь заходит о будущем нашей родины. Мол, Россия уже не та, что прежде, она обескровлена, а потому, хотим мы этого или нет, но нам однажды придется расстаться с большей частью своей территории. И в первую очередь-де это будут Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток.

Но разве можно отдать в чужие руки то, что веками потом и кровью завоевывали наши предки? Ведь были и хуже времена. И ничего – выстояли. И сейчас выстоим. Только надо в это верить...

Вместо предисловия

Шел 1601 год. Пала на миллионы людей казнь страшная. Весною небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили в течение десяти недель беспрестанно так, что жители сельские пришли в ужас, не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать. А 15 августа жестокий мороз повредил как зеленому хлебу, так и всем плодам незрелым. Голод усиливался и наконец достиг крайности столь ужасной, что нельзя без трепета читать ее достоверного описания в преданиях современников.

«Свидетельствуюсь истиною и Богом, – пишет один из них, – что я собственными глазами видел в Москве людей, которые, лежа на улицах, подобно скоту щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено». Мясо лошадиное казалось лакомством: ели собак, кошек, стерво, всякую нечистоту. Люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись хозяев, и гостиницы стали вертепами душегубства. Давили, резали сонных для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках! Матери глодали трупы своих младенцев! Злодеев казнили, жгли, кидали в воду, но преступления не уменьшались. Гибло множество в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях.

Голод и непогода продолжались два года. Рухнули реформы Бориса Годунова, а вскоре страна впала в хаос Смутного времени.

Не было у многострадальной Руси счастливых времен, вот и новый, семнадцатый век, который мы населили героями своего романа, явился с великими напастями.

Казалось, страна, вытерпевшая столько при царе Иоанне, должна была отдохнуть, ослабиться – да куда там! Тот пир, который бояре на радостях устроили после кончины Ивана Васильевича, обернулся несчастьями. Ударили в колокол на исход души, а получилось, что этим накликali новые беды. Волнения, начавшиеся в народе, который оказался без кормчего, а значит, неуправляемым, готовы были превратиться в бунт. Только вот некому было этот бунт возглавить. Приближенным покойного царя было ни до чего – власть делили. А чтобы охотников до этой власти было не столь много, в ночь после смерти царя Ивана служивые люди по чьему-то распоряжению стали хватать всех, кому покойный государь перед своей кончиной оказывал милости, и заточать в тюрьмы, отбирая у них поместья и вотчины в казну и разоряя их дома.

После великого, хотя и кровавого правителя, на трон сел его слабовольный и тщедушный сын Федор. С того все и началось. Власть-то, по сути, принадлежала не ему, а кучке князей и бояр, у которых были свои виды на трон. В конце концов управление всеми делами в государстве захватил Борис Годунов, потомок татарского мурзы Чета, принявшего в четырнадцатом веке в Орде крещение от митрополита Петра и поселившегося на Руси под именем Захарии. Тот построил близ Костромы Ипатьевский монастырь, ставший фамильной святыней его потомков, который они содержали и в котором их несколько веков погребали. Фамилия Годунов пошла от внука Захарии – Ивана Годуна. Годуновы владели вотчинами, но не играли важной роли в русской истории до тех пор, пока один из правнуков первого Годунова – Борис – не стал тестем царевича Федора Ивановича.

Найдись тогда на Руси крепкая рука, может быть, меньше выпало на ее долю страданий в новом веке. Ведь когда у тела несколько голов, им трудно договориться. А желающих править было много. Тут обычно в выигрыше тот, кто коварнее, проворнее и хитрее. Таким человеком оказался Годунов, который потихоньку расправился со своими соперниками. И снова, как при Грозном, Русь залили реки крови.

В общем, в новый век государство российское вступило не обновленным, а погрязшим в сварах и распрях, окруженным со всех сторон врагами. Годунов, будучи человеком разумным, все-таки пытался что-то сделать, чтобы сохранить русскую государственность, но враги державы, объединившись, уже жгли русские города и села. Им нужна была эта богатая черноземами и недрами земля. Каждый из правителей Европы спал и видел себя на русском троне.

А кто-то смотрел уже дальше. В конце шестнадцатого века английская королева Елизавета в своем письме к Годунову пыталась не только вытребовать у него привилегий для своих торговых людей, но и просила разрешения с помощью русских искать Китайскую землю. То есть, в ее планах было добраться до Сибири и Дальнего Востока и попытаться взять эти земли в свое правление или хотя бы для начала использовать их в своих целях.

Борис отклонил эти требования, однако все-таки дал право беспопытной торговли одной из английских компаний. О чем он тогда думал, никто не знает. Только, видно, он уже понимал, что будущее государства русского будет связано с новыми землями, которые нарекли Сибирью, где, по слухам, лежала нетронутой плодородная земля и было много иного чуда. Понял, видно, что на эти земли свой глаз положили и другие монаршие особы. Значит, их надо опередить.

Но только Борису не суждено было прикоснуться к сибирским тайнам. Новый век преподнес ему много сюрпризов. Но мысль покорить и освоить дальние сибирские земли не сгорела в пламени войн и розней, которыми был богат этот век. Пришел час, и, справившись со смутным временем и восстановив Царский Престол, русский народ дал выход своей духовной силе в укреплении соборного духа во всех областях своего бытия, что активно проявилось и в собирании отдаленных земель. Загадочная Восточная Сибирь открывалась для героизма первопроходцев, устремившихся, как говорили в старину, «встречь солнца»... Однако дело присоединения и освоения новых земель в суровых и необжитых местах могло быть выполнено только крепкими, сильными духом, терпеливыми и смекалистыми людьми. Но разве мало таких людей рождается на святой Руси?

Часть первая

Глава 1. Казачья вольница

1

Весь май в тот год природа гуляла ветрами, принося с морей мокроту, пока наконец в начале июня не показалось злое амурское солнце и не обожгло люто землю. Оно выпило влагу с полей, остановило бег ручьев и небольших речушек, повергло ниц спеющие тяжелые травы и нивы. Воздух стал сухим, раскаленным и недобрым. В этом нещадном пекле страдали не только люди, но и все живое. И лишь дети не замечали того, что вызывало у взрослых ощущение ада. Загоревшие до угольной черноты, с шелушащимися носами и потрескавшимися белесыми губами, они весь день не вылезали из воды. Их звонкое многоголосье было слышно далеко округ. И так продолжалось до самого вечера, пока на берегу не появлялись родители и не прогоняли своих заигравшихся чад с реки.

– А ну Васька, марш домой! И не канючь! А то обедать не обедал – и от ужина, что ль, решил отказаться? – заведет какая-нибудь баба.

– А ты, Емелька, чего ждешь? Али хочешь, чтоб я выпорол тебя? – А это уже албазинский казак пытается выудить из реки своего мальчика. – Смотри, коль не слушаешь отца-матери, послушаешься телячьей шкуры.

Тут же со стороны крепостных стен прозвучит призывное:

– Манька-а-а! Слышь меня? Ночь на дворе. Гляди, утащит тебя басурман – будешь знать...

Басурманов, а так в крепости называли маньчжуров, дети боялись пуще всего на свете. Бывало, увидят на другом берегу спускающихся к реке конников в воинских доспехах – тут же с криками врассыпную. А вслед им хохот, вслед громкая непонятная речь. Река здесь неширокая – хорошо все слышно. Страшно! А вдруг эти вороги пришли их, детишек, воровать, чтобы потом продать в рабство? Так, по крайней мере, объясняли детворе взрослые каждое появление маньчжуров, пытались приучить своих чад к бдительности. Дескать, нехристию что – у него нет жалости к православному. Были бы крещеными, жалели бы нас, русичей.

Оттого, видно, и пытались здешние святые отцы распространить православную веру по всему Амуру. Будет одна вера – будет и мир, говорили они. Так что крестили всех подряд, не разбирая, кто какого рода-племени.

Вот и на Иванов день были назначены крестины. И то: на Предтечу никто не работает. Не рубят капусту, не берут в руки косаря, топора, заступа. Потому лучшего времени не найдешь.

Однако охочих набралось так много, что их не смогла бы вместить ни одна здешняя церковь. Потому и решили поступить так, как поступил в свое время Иоанн с Иисусом, – крестить всех в реке.

В день Рождества честного славного пророка Предтечи и крестителя Господня Иоанна с самого раннего утра далеко по берегу разнесся медный звон единственного в Албазине колокола, установленного на колокольне Воскресенской церкви. Народ поспешил в храм, у входа в который, стоя на высоком крыльце, их уже поджидал облаченный в золоченую ризу с епитрахилью и скуфьей приходской священник отец Максим Леонтьев. С ним были диакон Иона в мятой длинной рясе и похожий на филина псаломщик Мирошка, одетый в сермяжный кафтан. И если Леонтьев с Мирошкой гляделись довольно свежо и молодцевато, то Ионова морда походила на жеваный сапог. Этот боров буквально засыпал на ногах вместо того, чтобы, подобно своим спутникам, приветствовать входящих поклоном. Ну ладно, если б это происходило после всеобщего бдения, а то ведь не было такового, поэтому любой завидевший Иону мог предположить, что тот еще не просыхал с прошлого дня.

Впрочем, не он один пьянствовал в эту ночь, встречая приход Ивана Купалы. Весь острог гулял на берегу, а с ним и монастырские. Спать пошли только с рассветом. Потому даже колокол, созывавший народ на литургию, не смог разбудить иных гулен. Бабы ладно, тем не привыкать вставать рано. А тут нужно и на обед что-то сытное приготовить, да и укруту¹ подходящую подобрать. Чай, праздник, а в праздник наряжаться положено.

Наладив женские дела, стали мужей своих и чад поднимать. А те брыкаются, что-то бормочут бессвязное во сне. Пришлось кого холодной водой обливать, кого веником сгонять с мягких перин.

Ох, и трудно мужику вставать с похмелья! Не зря же в Европе эту мужскую беду кличут не иначе, как «русской болезнью», от которой всяк «прихворнувший» лечится по-своему. Одни снимают похмелье с помощью чесночного или лукового супа, другие – горячей овсяной кашей с кислым молоком, третьи – просто кружкой рассола. А иной придет в себя только после того, как ему на голову выльют ведро ледяной колодезной воды.

---

¹ Укрута – платье, одежда.

Что до казаков, то в таких случаях они обычно с силою брали себя за шкуру и так держали до тех пор, пока не проходила головная боль. А то прикладывали монетки к глазам и ждали, когда им станет легче.

Накануне старец Гермоген, бывший ярим противником пьянства, призвал к себе в келью атамана.

– Слышал, ноне костры жечь на берегу собрались... Снова бражничать будете, да черными словами ругаться? – нахмурил он седые брови.

Никифор улыбнулся на всю ширину своих желтых прокуренных зубов.

– Ну да, пропустим жбанец-другой – не без того, чай ведь Купала.

Старец с укором смотрит на атамана.

– Купала!.. – передразнил он его. – Да вам, казакам, лишь бы повод был. Пьете, пьете, никак насытитесь не можете. А того забыли, что вино уму не товарищ. Пропьете ведь ум-то, что будете делать?... Ладно, празднуйте, но чтоб без мордобоя, слышишь меня? А то ведь вы не можете по-человечьи праздники-то гулять. Обязательно шуму наделаете. Ну что за люди, ей-Богу!

Он сокрушенно покачал головой, потом глянул подслеповато на атамана и строгим голосом сказал:

– И чтоб завтра все на литургии были, ты понял меня? А то с вас станется. Говорю, негоже православному против церковных правил идти. Сам тоже не забудь в церкву прийти. Запомни: ни с кого-нибудь – с тебя твои люди пример-то берут.

Что и говорить, казаки – народ конобойный², особо когда напьются. Но что поделаешь – уж такими их вольница воспитала. Люди-то они лихие и смелые, но уж шибко буйные.

Однако Никифор твердо пообещал старцу, что на этот раз все обойдется без шуму, ну а коли кто из его товарищей вздумает кулаками махать, того он самолично перед всем казацким строем нагайкой отстегает.

Чуть за вечерело, на берег Амура высыпал народ. Тут и албазинские были, и слободские, и те, что пришли из ближних заимок да селищ. Молодежь уже загодя натаскала хворосту для кострищ, и теперь ждали только темноты.

Казаки, как водится, гуляли отдельно от всех. Подобрал по-турецки ноги, они сели кружком на траву, достали кисеты с махрой и кресала, а потом, попыхивая трубками, стали ждать своего часа. Чуть поодаль расположились их жены и дети. Тут же двое кашеваров готовили тавранчуг – уху из разнорыбицы. Из-под крышки стоявшего на тагане большого медного котла, в котором, побулькивая, варилась ушица, вырывались убийственные запахи, вызывая у казаков голодную слюну.

Как только запыхали на берегу костры, атаман велел казакам открыть приготовленный загодя бочонок меда, после чего назначенный им кравчий наполнил большую атаманову братину. Взяв ее в руки, Никифор поднялся с земли. Казаки поняли, что атаман собрался держать речь, и последовали его примеру.

– Братья мои, казаки! Товарищи и боевые друзья! – начал атаман. – Первый кубок на этом празднике я бы хотел поднять за родную нашу отчизну. Коль не было бы ее, не было бы и нас – тогда кто бы праздновал Ивана Купалу а, братцы? Так что за Русь-матушку!

– Любо! – дружно грянули казаки, заставив всех, кто находился на берегу, вздрогнуть.

– Так вот, товарищи мои, – продолжил атаман. – Без державы нашей мы ничто. Может даже обыкновенные черви. А потому мы должны как зеницу ока охранять ее и беречь от любого врага.

– Любо! – снова бурно согласились с атамановой правдой казачки.

---

² Конобойный – буйный.

– Тогда выпьем же, братья, за державу нашу любимую, а еще за волю вольную, без которой нет казака!

– Любо-о! – разнесся мощный казацкий глас над озаренной светом костров рекой, повторяясь эхом где-то в бездонной глубине звездного неба.

2

Покончив с речью, атаман с чувством перекрестился, и, сделав жадный глоток, пустил кубок по кругу.

Тут же кашевары разнесли по деревянным чашкам да щаным горшкам уху. Достав из-за пояса припасенные для этого случая березовые ложки, казаки сели вокруг большого вышитого цветами столечника, на котором покоились приготовленные их женами праздничные яства – сычуг, гужи с чесноком, векошники, кундумцы, леваша, мазуни, сочни, стапешки, – и принялись жадно ее хлебать. Глядя на казаков, потянулись за ухой и жонки с ребятишками.

– Еще бы юшки! – первым справившись с горшком ухи, попросил Иона.

– Что, святой отче, гляжу, понравилась тебе наша уха-то? – улыбнулся пожилой кашевар Гордейка Промыслов.

– А то! – облизывая языком ложку, ответил тот.

– Ну тады подставляй посудину.

– И мне давай, – протянул свою чашку молодой розовощекий казак Мишка, сын убитого богдойцами в одной из стычек доброго казака Остапа Ворона.

И снова гуляет братина с сивухой по кругу.

– Зело изрядно! – сделав долгий жадный глоток, блаженным басом издает диакон Иона и вытер рукавом своей выдавшей виды ряски мокрые от меда губы. Душа у него широкая, точно тот блин на сковородке.

– Господи, прости меня грешного! – перед тем как сделать глоток, перекрестился сидящий с ним рядом псаломщик Мирошка, слышавший тем, что хорошо читал шестопсалмие.

– Эх, да чтоб не в последний раз! – следом, осенив себя крестным знаменем, припал губами к братине казак Васюк Дрязгин.

– Нет браги, нет и отваги! – принимая у него из рук чашу, молвил пожилой казак Нил Губавин.

Гуляет, гуляет братина по кругу. Повеселели казаки, зарумянились. Хмельная кровь заиграла в их жилах.

– Эх раз, по два раз, расподмахивать горазд, кабы чарочка винца, два жбаночечка пивца, на закуску пирожка!

– А ну давай, братцы, еще по одной! Негоже казаку в праздник быть трезвым и гунявым.

Кравчий не успевал наполнять ходившую по кругу атаманову братину. А тут еще казачки, которым надоело пить с детьми ячный квас, стали подходить со своими жбанками да ставчиками. Пот тек ручьем по лицу бедного виночерпия; уже и рубашка взмокла, и душа запарилась, а казаки кричат одно:

– Давай!

Так продолжалось долго, пока казаки не набили едою свои желудки и не отвалились от стола. Тут же задымили набитые ядреным табачком трубки и начались обычные пьяные речи. Казаки наперебой рассказывали о своих подвигах, где-то стараясь что-то приукрасить, а где-то и приврать. Как говорится, во хмелю, что хошь намелю. Кто-то вспоминал лихие походы на туретчину, другие – на крымского хана, третьи – на шведов. А в основном недобрым словом поминали маньчжуров, которые непрестанно совершали набеги на русские селенья, сжи-

гая их дотла и убивая или уводя в полон³ их жителей. Маньчжуры ловко уводили в плен, воруя застигнутых врасплох людей. Оттого люди и боялись их. «Луче же бо потяту быте, неже полонену», – говорили албазинцы.

– И неимется же этим бесам! – пьяно возмущался кто-то из казаков.

– А вот пойдем на них войной – тогда и расквитаемся! – восклицал другой.

– Да нет, братья, война нам не нужна – нужно мир сохранить на державных границах, – говорил атаман. – Так царю-батюшке угодно.

– Ну, коль царю угодно, тогда ладно, но проучить этих басурманов надо, – воинственно заявил сидевший подле атамана пожилой казак.

Неожиданно кто-то из казаков запел:

Как у нас на свадьбе
Хмель да дуда-а.
Ду-ду-ду...
Хмель говорит: я с ума всех сведу!
Дубовая бочечка, бочечка, бочечка...
Верчена в ей дырочка, дырочка, дырочка.
Кто вертел, тот потел да потел.
Стенько, ты не потел, да свое проглядел.
Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду.

Тут и другие подхватили знакомую им песню:

Гей, у Дону камышинка заломана.
Старым дидом девка зацелована.
Ду-ду-ду-ду-ду-ду,
Дубова бочечка, бочечка,
Верчена в ей дырочка, дырочка!..

С земли поднялся Игнашка Рогоза. Тряхнул своими черными кудрями и, топнув ногой, крикнул:

– Эх, забодай меня коза!.. А ну давай плясовую!

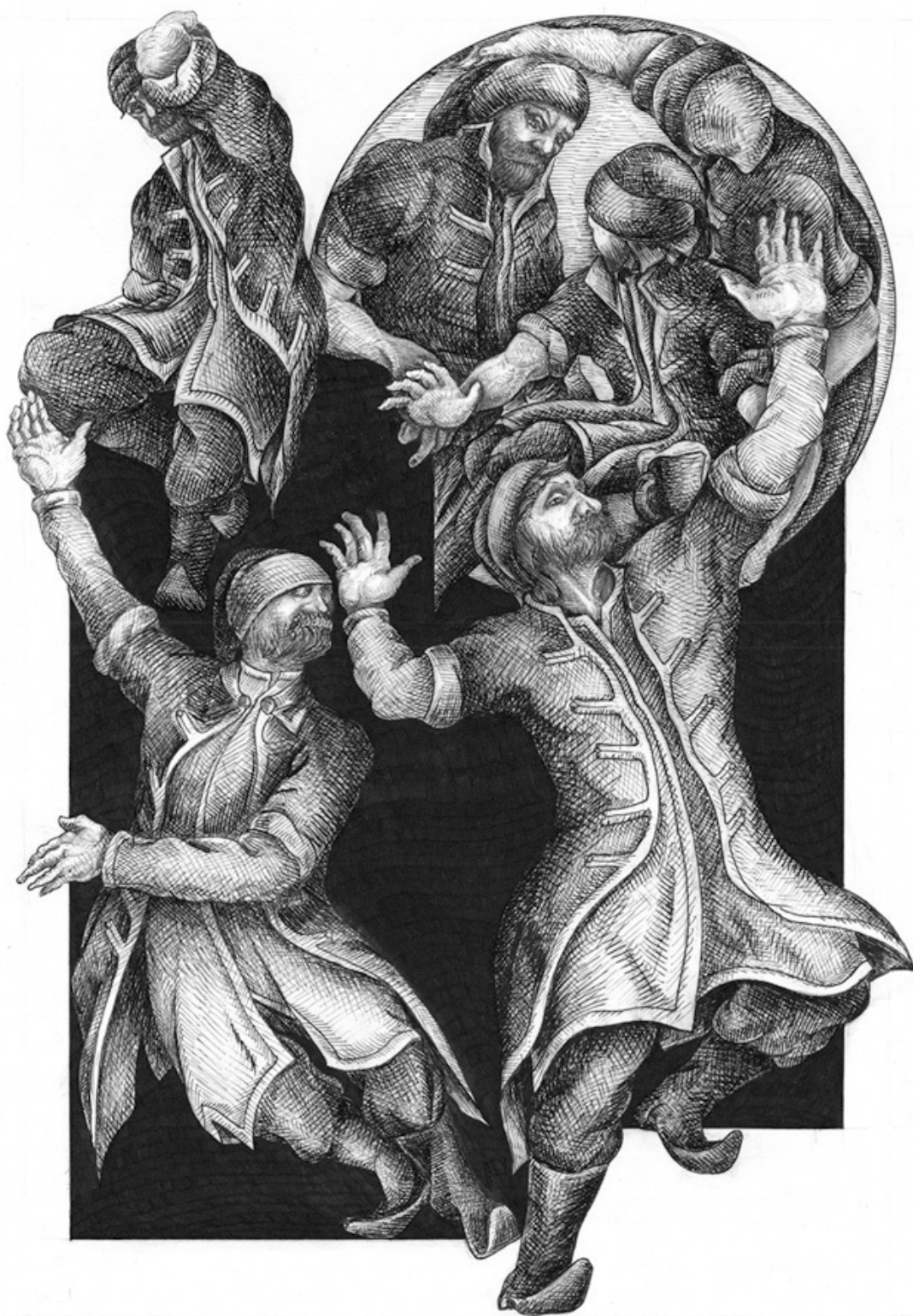
И запел:

Гех, свиня квочку высыдела,
Поросеночек яичко снес!..

Казаков не надо было долго упрашивать. Тут же вскочили на ноги и, шатаясь, пустились в пляс. Завидев пляшущих мужей и женихов, к ним присоединились и бабы с девками. И пошла плясать казачья душа! Долго плясали, пока, устав, не повалились на траву.

---

³ Полон – плен.

– Ну что же ты стоишь – наливай! – поднимая над головой братину, приказал кравчему запыхавшийся атаман. – Помянем наших товарищей, сложивших головушку на поле брани.

И в который уже раз братина пошла по кругу. Потом пили за будущие свои победы, за родителей своих, жен и детей, за хороший урожай, здоровье и благополучие. Вконец казаки

насыропились так, что принялись вздорить, пустив в ход кулаки. Кто там начал первый – теперь никто и не вспомнит. Только били морды друг другу отчаянно, при этом сами не понимая за что. Бабы и девки визжали, глядя на этот смертобой, но поделать ничего не могли. Знали, что в таких случаях казаку лучше не попадаться под руку – зашибет ненароком. Слава Богу, Гермоген всего этого не видел, а то бы не миновать атаману сурового разговора. Ведь он за все тут в ответе. На то он и атаман. Тем паче, что он обещал старцу, бывшему непререкаемым авторитетом на всем Амуре, следить за порядком. Но что поделаешь: во хмелю да во сне человек себе не волен. Тогда какой с казака спрос?

А тем временем берег жил своей жизнью. Больше всего, казалось, радовалась празднику молодежь. Эти, в отличие от взрослых, не стали делиться на группы. Все – и албазинские, и монастырские, и те, кто пришел из ближних и дальних заимок, – гуляли всю ночь сообща. Пели песни, прыгали через костер, играли в салочки. Когда наступила полночь, девки, следуя давнему обычаю, сняли украшавшие их головы венки из полевых цветов и со словами «плыви, веночек, туда, где живет мой суженый, подай ему весть обо мне» стали опускать их в воду. Парни бежали вслед течению, хватили эти венки, а потом искали тех, кому они принадлежали.

Бывало, разбившись на парочки, молодые убегали в лес и там упоенно грешили. Ведь с древних пор это была единственная ночь в году, когда разрешалось бесстыдно грешить, при этом, не боясь огласки.

Ночь пролетела быстро, а с рассветом берег опустел, и лишь догоравшие угли в кострах да пустые винные бочки напоминали о недавнем веселье...

3

После литургии народ потянулся к реке, где в урочный час должен был начаться обряд таинства. Кто-то решил спуститься поближе к воде, однако большинство все ж предпочло наблюдать за происходящим с крутого берега, так что уже скоро у крепостной стены, мрачно взиравшей на реку своими пустыми глазницами, собралась большая толпа зевак. Кого только не привело сюда любопытство. Здесь были и казаки с женами, служилые и ремесленные люди, торговцы и даже промысловый народ из близких и дальних тунгусских улусов и стойбищ. Были и крестьяне из окрестных деревень, из слобод да ясачных заимок, которые, как и большинство здесь, явились целыми семьями.

По случаю праздника многие бабы и девицы выкудезелись⁴, надев лучшие свои наряды. То здесь, то там мелькали домотканые распашные паневы⁵ с яркими кушаками, саяны⁶ с широкой полой орнамента по подолу, сшитые умелой рукой длинные косоклинные верхницы⁷, сарафаны с лифом, на кокетке, прямые из льна с малиновыми шерстяными передниками, отделанными шелковыми галунами и парчой. Все, как водится, при поясах – кто тканых, кто вязаных, кто плетеных. На головах – платки, кокошники, сороки, повойники, кички, петухи⁸. В общем, были здесь фасоны со всех уголков Московии, которые переселенцы привезли с собой в эти далекие необжитые края.

Мужская половина гляделась не столь ярко. Особо что касается пашенных крестьян. Обычная сермяжная картина: свитки, зипуны с наголовниками из грубого толстого сукна поверх штопанных посконных рубах, такие же штопанные портки, насунутые глубоко на глаза магерки, татарки⁹, суконные и войлочные шапки. Ноги в опорках¹⁰, но чаще в лаптях, подвя-

⁴ Выкудезиться – вырядиться.

⁵ Панева – шерстяная юбка.

⁶ Саяна – сарафан с помочами.

⁷ Верхница – будничный сарафан из посконного холста.

⁸ Старинные бабы головные уборы.

⁹ Старинные мужские головные уборы.

занных к икрам оборами – кто в лычных на колодке, кто в простоплетках без обушника. Одним словом, беднота сиротская. Да вот ходит по Руси пословица такая – не будь-де лапотника, не было бы бархатника, то есть того же боярина с дворянином.

Совсем иначе выглядел промышленный, торговый и ремесленный люд. На большинстве из них были камзолы или сносного вида полукафтаны с отложными воротниками, пошитые женами полотняные штаны да смазанные дегтем сапоги.

Что до разгульной братии, до казаков, то у тех свой порядок. Бывшие якутские служивые все безбородые, словно те тунгусы, в мохнатых шапках, на плечах камлея¹¹, а то и сюртук; вместо привычных штанов – нагольная сутура из выделанной оленьей кожи.

Енисейские же, шилкинские и те, что с Дону и Яика, наоборот, при бородах; на одних длиннополые казацкие жупаны из серого или голубого сукна, на других же, а это в основном была пешая казацкая братия, форменные халаты. Все в широких шароварах и при саблях, на ногах красные сафьянные сапоги с подковами или самодельные олочи¹². Из-под их бараньих мохнатых шапок с червонным верхом бежали струйки липкого пота, оттого ратные люди то и дело снимали их, чтобы проветрить чубы.

В основном то были старые покрытые глубокими шрамами рубаки, которые не могли жить без войны, ибо война для них была главным смыслом их жизни. Рядом с бывалыми крутилась молодая порось, чьи подвиги были еще впереди.

Среди всей этой разношерстной толпы выделялся чернобородый атаман в своем казакине из красного сукна, подпоясанном узорчатым серебряным поясом, на котором держался кривой турецкий ятаган. Его цыганскую кучерявую голову покрывала баранья папаха с золотым верхом.

Утреннее солнце, стряхнув с небес ночную свежесть, начинало потихоньку жечь землю. Становилось жарко, и народ маялся. Кто-то из казаков, не выдержав испытания, уже успел рассупониться, сняв с себя или ж распахнув жупаны.

Вдоль крепостной стены бегала ребятня, играя в салочки. Дымили люльки, наполняя речную свежесть едкими запахами табака. Плакали малые детки на руках молодых матерей, пришедших крестить своих чад. Раньше-то было все недосуг – хозяйство не отпускало. Привяжут бывало дитя платком к спине – и в поле. А, вымотавшись на ниве, идут в свои огороды – и там для них работы хватало. А ведь еще была скотина, которая тоже ухода требует. Вот и не до Бога было. А тут вдруг заговорили о том, что в праздник Святого Иоанна Предтечи иеромонах Гермоген надумал устроить крестины на Амуре – вот и хлынул охочий люд к реке, чтобы, точно Иисус, принять крещение в иордани.

Помимо баб с младенцами, были тут тунгусы из ближних улусов и стойбищ, разноперый бродячий народец, решивший на старости лет приобщиться к Богу. Даже был один беглый татарин по имени Равилька, который зимой и летом ходил в одном и том же стареньком армяке, сшитом еще дома, в Казани. Зарезал по злобе сына какого-то тамошнего вельможи и, чтобы не лишиться головы, сбежал в Сибирь.

Впрочем, были среди этих людей и такие, что, как и прежде, не веря ни в Бога, ни в черта, пришли к реке ради скуки или из-за интереса.

Ожидание начала таинства затягивалось и народ, еще недавно пребывавший в хорошем расположении духа, занервничал.

– Ну где же Ермоген? – недовольно ворчала какая-то баба.

– И впрямь, что это он вдруг решил нас томить? – поддержала ее другая.

---

¹⁰ Опорки – изношенные сапоги с отрезанными голенищами.

¹¹ Камлея – верхняя одежда с капюшоном.

¹² Олочи – грубые шерстяные чулки с кожаной обшивкой и подошвой.

– Да придет наш старец, придет, чиво загоношились? Может, он еще в кельице своей молится, – пытался кто-то уречь самых нетерпеливых.

– Тогда долго ждать придется, – с чувством вздохнув, произнес долговязый безусый казачок. – Чай, пехом потопают, а это ни много ни мало три версты.

– Бери больше! – усмехнулся кто-то в толпе.

Так оно и было. Монастырь во имя Всемилоостивейшего Спаса, который в 1671 году построил иеромонах Гермоген, находился в четырех верстах выше Албазина по течению Амура, возле устья реки Ульдугичи в урочище Брусяной Камень. Там он и жил в своем ските, там и проповедовал, оттуда потихоньку и растекалась теплыми волнами на восток и даже в Китай святая православная вера.

Глава 2. Дело державное

1

Гермоген прибыл в Албазинский острог в 1666 году с отрядом беглых казаков, предводителем которых был некто Микифорка Черниговский. Говаривали, что тот увез старца силком. В это можно было поверить, зная про лихое прошлое атамана.

По слухам, он был сыном польского пленного, многие из которых после войны 1612 года так и прижились на чужой стороне. В 1638 году Никифор вместе с другими земляками был послан на Лену в Усть-Кутский острог, надсмотрщиком над соляными варницами.

Так бы, поди, и тянул эту лямку до конца дней своих, кабы не встретился на его пути илимский воевода Лаврентий Обухов, слывший большим охотником до праздной жизни. Он намеренно приезжал со своими сподручниками в Усть-Кутск, где много бражничал и безнаказанно насильничал жонков, а какие сопротивлялись, тех убивал. Также как убивал их мужей и братьев, пытавшихся заступиться за несчастных.

В числе пострадавших от произвола воеводы был и служилый илимский человек Никифор Черниговский, у которого Обухов украл красавицу жену а затем, попользовавшись ею, зверски убил.

Собрав небольшой отряд из якутских служилых и верхоленских казаков, разгневанный муж решил отомстить воеводе. И когда однажды тот, возвращаясь с ярмарки, плыл на дощанике по Лене, заговорщики напали на него, перебив охрану и забрав у него тридцать сороков соболей да к сему триста рублей денег. Сам же Обухов попытался сбежать, но его догнали на лодке и закололи копьями.

После этого мятежникам ничего не оставалось, как идти на Амур, слывший казачьей вольницей. Туда со всех уголков Московии стекались обиженные судьбой люди. И то были не только мечтавшие о лучшей доле казаки. Шли на Амур, пробираясь по таежным тропам, беглые крестьяне, каторжники, испугавшиеся расправы участники всевозможных бунтов и волнений, шли лихие люди, промышлявшие на лесных дорогах разбоем. Шли семьями, а то и деревнями. Было даже, что целый полк около трехсот человек из Верхоленска во главе с казачьим пятидесятником Михайло Сорокиным, не получив на то дозволения, отправился на Амур. Дошло до того, что якутские и сибирские воеводы вынуждены были поставить заставы на дорогах и перехватывать беглецов.

Но разве есть на свете такая сила, которая была бы способна унять человеческую стихию? Люди продолжали бежать на Амур, где, по слухам, царили вольные порядки, где не было ни злых и безжалостных чиновников, ни тюрем, ни царских указов. Вновь прибывших в Албазин зачисляли в войско или же отправляли по многочисленным острожкам и заимкам. Живите, мол, как Бог на душу положил.

При царе Михаиле Федоровиче к беглым отношение было суровое. Их заточали в остроги, отправляли на каторгу, а кого и на плаху. А вот при Алексее Михайловиче все пошло по-другому. Он не стал препятствовать переселению русского люда на Амур, углядев в этом разумное начало и выгоду для государства. Недаром его так любил народ, называя незлым царем-батюшкой, и даже прозвище ласковое придумал ему – Тишайший.

Но это он только с виду таким был, благочестивым да кротким. Делами государства он управлял жестко. При нем усилилась центральная власть и оформилось крепостное право, при нем Русь воссоединилась с Украиной, были возвращены захваченные некогда недругами Московии Смоленск и Северская земля, подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове и на Дону. Ко всему прочему, в годы его правления произошел раскол русской церкви.

Но эти великие дела мало занимали тех, кто искал лучшей доли и спасения от чиновного ярма. Кто-то для того, чтобы обрести свободу, бежал на казачий Дон, другие на север, а иные уже нашли другой путь – на Амур.

Среди них было немало уставших от непосильной барщины крестьян, душимых налогами посадских людей, а также бесправных холопов, однако главное место в этих стихийных людских потоках все ж занимали казаки. В отличие от остального охочего народца, они находились на государственной службе и двигались на Амур организованными экспедициями, получив на то высокое царское позволение. Неслучайно, прежде чем затеять новое дело, многие промышленные люди обращались в казаков. Таким был Василий Поярков, а позже и Ярко Хабаров, обратившийся из промышленника в предводителя казачества. Царь внимательно следил за продвижением своих служилых на восток. Наиболее отличившихся в походах казаков возводил в сословие детей боярских и даже дворян.

Зачастую вслед за казаками на Амур шел пашенный люд. В основном то были крестьяне Архангельской и Вологодской губерний. Ратникам, воюющим новые земли, нужен был хлеб и другое продовольствие. Но не только это. Земля без изб да пашен – это мертвая земля. Потому и нужно было вдохнуть в эти далекие окраины жизнь.

2

Впервые русские слышали об Амуре от эвенков, живших на берегах таежных сибирских рек. Это они поведали якутским казакам о том, что за южными горами течет большая река, которую они называли Шилькаром. Это было в 1636 году от рождества Христова, а спустя два года небольшой отряд под предводительством казачьего атамана Ивана Москвитина двинулся по Алдану на восток. Перевалив громаду Джугджура, казаки достигли Охотского моря и основали на его берегах первое русское поселение. Отсюда отряд Москвитина совершил путешествие на юг, первым из русских землепроходцев достигнув устья Амура.

Другим первооткрывателем великой реки был якутский казак Максим Парфильев. Странствуя по Витиму, он проник далеко вглубь Восточного Забайкалья, где и узнал от живших там тунгусов о существовании Шилькара.

Сопоставляя сведения, доставленные открывателями новой земли в Якутск, бывший в то время главным городом Восточной Сибири, здешние воеводы поняли, что южнее Станового Камня лежит обширная страна, пересекаемая множеством рек и населенная неведомыми народами. Эвенки и нивхи называли обитателей этой страны даурами.

Слух о даурской «изобильной земле» быстро разнесся по всей Восточной Сибири. Чтобы обстоятельно изучить этот край, якутские воеводы велели готовить экспедицию, возглавил которую якутский письменный голова Василий Данилович Поярков, человек большого ума и редкой отваги.

Собрав отряд из ста тридцати двух человек, тот отправился в свой долгий путь. Шли они по Лене, Алдану, притоку его Учуре Там, где в Учур впадает река Гонама, часть отряда стала на зимовку, а Поярков с остальными людьми пошел дальше. Оставшимся казакам было приказано весной двигаться на Зею – Жи, как ее называли тунгусы, один из самых могучих притоков Амура.

Перевалив через Становой хребет, Поярков с товарищами вышел к истокам реки Бранты, правого притока Зеи. Там они построили дощаники – небольшие плоскодонные лодки – и по ним спустились по Бранте и Зее до даурского селения Умлекан, построив здесь острожек.

Весной к ним присоединилась зимовавшая на реке Гонаме часть отряда, и все вместе они поплыли по Зее, наконец выйдя на большую реку Амур, где, по слухам, в недрах лежали огромные запасы серебра и золота. Именно это, в первую очередь, интересовало московское правительство, позволявшее посылать экспедиции на восток. Русь уже долгие годы вела кро-

вопролитные войны с Польшей и Швецией, что требовало больших денежных расходов. Пришел день, когда стало нечем платить жалованье ратным людям, и государь Алексей Михайлович вынужден был издать указ «кликать в Сибири через биричей¹³», чтобы каждый, кто ведает где-нибудь по рекам золотую, серебряную и медную руды и «слюдные горы», приходил бы в съезжую избу и доносил о том воеводе.

Однако вместо того, чтобы искать драгоценную руду в верховьях реки, где жили дауры, Поярков поплыл вниз, туда, где обитали дючеры¹⁴.

Быстрые воды Амура стремительно несли дощаники, и через три недели отряд достиг устья реки Сунгари, по берегам которой видны были распаханые земли и большие и малые селения.

Отсюда Поярков отправил вперед небольшую группу в двадцать пять человек во главе с Илейкой Ермолиным, которые должны были разведать путь. Однако через три дня вернулись только два человека – служилый Панкрат Митрофанов и промышленник Лука Иванов. Они сообщили, что все остальные люди перебиты дючерами во время ночевки, и только им двоим удалось бежать.

Это известие не остановило Василия Даниловича. Смелости ему было не занимать, а к тому же он был человеком упрямым. Коль поставил перед собой цель пройти Амур до конца, от этой затеи он не откажется.

Поплыли дальше. Прошло несколько недель, прежде чем отряд добрался до устья реки. Здесь жил никому не известный и никому не подвластный народ – гиляки. Поярков обложил их ясаком¹⁵ и объявил подданными русского царя.

Только в середине июня 1646 года, после трехлетнего отсутствия, возвратился Поярков с остатками команды в Якутск, где его уже давно считали погибшим. Затаив дыхание, слушали люди его рассказ о богатом амурском крае. Среди этих слушателей был и промышленный человек Ерофей (Ярко) Хабаров, недавно прибывший в Якутск по своим делам.

Говорили, что родиной Хабарова было далекое Поморье – строгая, работающая, терпеливая, умная, страдальческая и волевая Северная Русь с ее холодным морем, суровыми реками, заснеженными берегами и деревянными церквями, где жили сильные люди, славившиеся своей предприимчивостью и знавшие толк в ремеслах. Они были хорошими земледельцами и мореходами, занимались торговлей, зверобойным и пушным промыслом.

Таким был и Ерофей Хабаров, с детства впитавший в себя все премудрости жизни. До прибытия в Сибирь он жил с семьей в Сольвычегодске, где держал соляные варницы. В 1628 году ходил он в Мангазею, на реку Таз. Оттуда дальше на реку Пясину целовальником. Брат его Никифор нанял на Енисейском волоку шесть покручников¹⁶, с которыми братья добыли восемь сороков соболей. В 1630 году Хабаровы вместе с племянником Артемием Филипповичем Петриловским обосновались на реке Енисей, вблизи устья реки Тиса.

Здесь Хабаров занялся хлебопашеством и нажил достаточное состояние. Однако по всей Сибири гремела слава о реке Лене, о богатых пушных промыслах на ней, и Хабарова потянуло на новые места. А что? Он еще был достаточно молод, при нем силушка могучая, а уж интересу до всего нового ему было не занимать. Человек, говорил он, вообще такое существо, которое должно мечтать. Ибо только мечта делает человека человеком. Без нее – пресно, скучно, тоскливо.

Но мечтать тоже, оказывается, надо уметь. Ведь иные люди желание мечтать ощущают, но саму мечту «нащупать» не могут и становятся похожи на мужика, которого спросили, чего

¹³ Бирич – глашатай.

¹⁴ Дючеры (дучеры) – народность, жившая в 17 веке на реке Амур.

¹⁵ Ясак – натуральная подать, которой в России облагались нерусские народы Поволжья и Сибири.

¹⁶ Покручник – рабочий на промыслах, бывший на хозяйском содержании.

б он сделал, если бы вдруг стал царем. Мужик почесал бороду и ответил честно: «Сто рублей бы спер и убег».

Подав Хабаров челобитную и вскоре получил проезжую грамоту.

Все лето провел Хабаров в пути. Плыл по Ангаре, по притоку ее Илим. Небольшой отряд Хабарова обосновался сначала в Усть-Кутском остроге, откуда ходили по Лене к Якутску. Хабаров и здесь основал соляные варницы, которые в 1639 году начали снабжать солью не только близлежащие остроги, но и Якутск. Однако он не остановился на этом. Стал заниматься одновременно еще и хлебопашеством и очень выгодным пушным промыслом, а покрученики его извозом через Ленский волок – от Илимска до Усть-Кутского острога.

Вскоре Хабаров стал одним из самых знатных хлеботорговцев в Якутском уезде. Первые якутские воеводы Головин и Глебов забрали у него в государеву казну безвозмездно целых три тысячи пудов хлеба, а после отписали в нее без всякого вознаграждения и его соляной завод. Отобрали у Хабарова и земли. Горько было на душе Ерофея Павловича, но что делать? Власть она есть власть. Недаром же в народе говорят: власть – наесться властью.

Пришлось Ерофею поселиться на устье реки Киренги, где он в 1641 году основал селение, впоследствии названное Хабаровкой. Там он тоже развернулся – на новых землях завел обширное хозяйство. Но и тут его не оставил в покое якутский воевода. В 1643 году он снова отобрал у Ерофея Павловича все его владения, а самого за отказ снабжать якутскую казну деньгами посадил в тюрьму. Из тюрьмы Хабаров вышел только в конце 1645 года. Вернулся в Усть-Киренгу и принялся восстанавливать свое разрушенное хозяйство.

А мысль его уже была о другом. Он наслышан был о богатых землях за реками Витимом и Олекмой, о чем в красках рассказывали ходившие туда с отрядами казаков и промышленных людей енисейский казацкий атаман Максим Перфильев и якутский письменный голова Еналей Бахтеяров.

А когда Ерофей послушал Пояркова, и вовсе загорелся мечтою идти на Амур. Ведь, по словам Василия Даниловича, выходило так, что на тех малонаселенных землях всего вдоволь, и земли эти никому не принадлежат. Ерофей Павлович был человеком головастым с большим житейским опытом. Он знал сибирскую географию лучше других, поэтому, изучив случайно попавший ему в руки чертеж с описанием похода Василия Даниловича, тут же сообразил, что есть гораздо короче и удобнее путь на Амур, чем тот, которым ходил Поярков. Но как добиться разрешения у властей пойти в поход на эту загадочную реку?

А тут как раз случай подвернулся. В 1648 году якутский воевода Дмитрий Андреевич Францбеков по пути из стольного града остановился на зимовку в Илимском остроге. К нему-то и обратился с челобитной Ерофей Хабаров. В ней он писал, что знает короткий путь на Амур, и просил дать ему сто пятьдесят человек, которых брался снарядить за свои деньги, и обещал прибыль великую русскому царю. Воеводе Францбекову показались заманчивыми его слова, и через несколько дней он дал оптовщику Ерофею Хабарову «наказ» о походе в Даурскую землю. В этом наказе говорилось, что он, воевода Францбеков, и дьяк Степанов «велят ему Ерофейку идти, и с ним охочим служилым и промышленным людям сту пятидесяти человек, или сколько может прибрать, которые похотят без Государева жалованья идти по Олекме и по Тугирию рекам, и под волок Шилской и на Шилку, на Государевых непослушников».

Речь шла о даурских князьях Лавкае и Батогу, которые отказывались платить ясак русскому царю. Хабарову предписывалось по возможности миром достичь своей цели. И только в крайнем случае ему разрешалось «прося у Бога милости, над ними поиск чинить и промышленять войною». Сам же Ерофей Павлович в своих отписках заявлял о большом желании закрепить на Амуре «без всякой драки».

Хабарову не удалось собрать нужного числа людей. Только семьдесят человек разного сословия не устрашили идти с ним вместе в далекий поход.

В конце марта 1649 года отряд Хабарова вышел из Илимского острога и все лето провел в пути. К осени добрались до устья Тугира – правого крупного притока Олекмы. Здесь построили острожек, где и решили зимовать. Но до весны Ерофей не смог усидеть в своем теплом таежном срубе – мечта звала его вперед. Так что в январе 1650 года отряд на нартах со всем своим скарбом отправился вверх по Тугиру. Перевалив через Олекминский становик – отроги Станового хребта – Хабаров с товарищами весной того же года добрались до реки Урки, впадающей в Амур. Там они вскоре вышли к стольному городищу царства Лавкая, который находился на самом берегу этой реки.

Но город будто бы вымер. Куда подевались его люди? – недоумевал Ерофей. Может, Лавкай решил нарочно заманить чужаков вглубь своих владений, чтобы затем бой им учинить? Однако в тот же день к лагерю Хабарова подъехало пять всадников. Это был сам Лавкай с двумя братьями, зятем и слугой. Тут и выяснилось, что до Хабарова в этих местах побывал казак Ивашко Елфимов Квашнин, покрученик промышленного человека Ивана Беляша Ярославцева. Он промышлял в этих местах и даже поставил зимовье на Тугирском волоке. Лавкай поведал о том, что Квашнин вел торговлю и говорил о скором приходе на Амур великого множества русских, которые хотят всех их побить и пограбить, а жен и детей «в полон иметь». Не иначе, как Ивашко хотел тем самым устрасшить дауров, но Лавкай отказался платить ясак русскому царю и увел людей из города.

Сидеть на одном месте Хабаров не стал и пошел с отрядом вниз по реке – нужно было изучить ее берега и добыть пропитание. На их пути попадались даурские городища, жители которых были настроены воинственно к чужакам. Пришлось вернуться в Лавкаев город и там укрепиться. Не дожидаясь весны, Ерофей с небольшой партией казаков из двадцати человек решил идти к Якутску. Надо было набрать поболее людей и заготовить припасы для нового наступления на Амур.

3

26 мая 1650 года Хабаров был уже в Якутске и докладывал воеводам о своем походе. Он привез с собой чертеж разведанного им левого берега Амура, где были обозначены пять даурских крепостей, коих, по его словам, нужно было взять, чтобы укрепиться на новых землях. Воеводу Францбекова убедил рассказ Хабарова, и он тут же сел писать доклад царю. «Тебе, государю, будет прибыль большая, и в Якуцкой, государь, острог хлеба присылать будет не надобно, потому что из Лавкаева города с Амура реки волок на Тугирь реку в новый острожек, что поставил Ярко Хабаров, переходу только со сто верст, а водяным путем из того Тугирского острожку на низ Тугирем рекою и Олекмою и Леною до Якуцкого острогу поплаву на низ только две недели; а сказывал он, Ярко, нам холопам твоим, что та Даурская земля будет прибыльнее Лены и что против всей Сибири место в том украшено и изобильно».

Однако воевода не стал дожидаться решения царя. Медлить было нельзя, ибо уже не только Русь проявила интерес к землям, граничащим с царством маньчжуров. Иные европейские государства тоже были не прочь продвинуться на восток. Бросили клич, и сто десять человек добровольно согласились отправиться с Хабаровым, а еще двадцать семь служивых людей дал воевода. Как говорится, кот наплакал, однако, заручившись словом воеводы, обещавшим, что уже скоро к ним подойдет помощь, Ерофей с новоприборными охочими людьми двинулся в путь.

Осенью 1650 года Ерофей Павлович встретился со старыми соратниками. Все они были живы и здоровы, хотя и выдержали немало стычек с даурами. Не теряя времени, Хабаров поднял все свое небольшое войско и пошел «на великую на Амур реку, в княж Лавкаево княжение, в их Даурскому городу». Дауры поджидали чужаков. Увидев их, они вышли из стен острога князя Албазы, что находился напротив впадения реки Амурхэ в Амур, и, отказавшись

от мирных переговоров, решили перебить всех казаков. Тогда и Хабаров показал им силу и «бился с ними с половины дни до вечера». Обратив дауров в бегство, казаки овладели крепостью Албазин.

Укрепив ее и захватив с собой большую часть отряда, Ерофей с двумя пушками двинулся вниз по Амуру. На десятый день пути он встретил многочисленное даурское войско и смело вступил с ним в неравный бой. Дауры не выдержали натиска русских и отступили. Рядом с этим местом Хабаров велел поставить острог, в котором остались двадцать казаков и еще столько же служилых людей для сбора ясака под началом Дуная Трофимова и Тренки Ермолина Чечигина. В том же году Хабаров отправил в Якутск богатый ясак: четыре сорока и шесть соболей.

Зима прошла в обычных заботах, в сборе ясака, в укреплении Албазина. А весной, когда река очистилась ото льда, Хабаров стал готовить сплав по Амуру. Главным его желанием было еще дальше продвинуться на восток, установив на дальних землях власть русского царя. 2 июня 1651 года Ерофей Павлович начал свой героический поход.

Двигались целой флотилией на дощаниках и стругах. Бородатые, крепкие русские мужики, готовые порадеть за царя и отечество. При появлении отряда дауры оставляли берега Амура и уходили в леса. Через два дня добрались до города князя Дасаула, расположенного на левом берегу реки, а на третий подплыли к городу Гайгударову. Дауры встретили отряд на берегу и не давали ему пристать. И только ружейные выстрелы заставили их отступить и запелиться в крепости. Началась осада.

У Ерофея не было особого желания воевать. Надеялся на переговоры. Случается, сказанное веское слово стоит сотни пушек. Потому перед боем Хабаров обратился к осажденным с речью, в которой через толмача Костку Иванова призывал их добровольно «без драки сдаться и давать ясак государю по своей мочи». Однако ответа не последовало. Несколько раз ходили казаки под непрерывным градом стрел на приступ. «Всю ночь до схожево солнца», как писал Хабаров в своей отписке воеводе якутскому, шла осада. В конце концов дауры не выдержали и обратились в бегство. Но только «десятка полтора, лишь те и ушли из города», остальные же были окружены и взяты в плен. Отряд захватил много трофеев, знамена и лошадей. И то: добыча воинская – добычка праведная.

Так и шли они от городища к городищу, огнем и мечом, а где удавалось – и словом прокладывая себе путь. Труднее всего было взять город, где правил князь Банбулай, что стоял по реке за впадением в нее Зеи. «Город крепкой и укреплен накрепко, а крепили тот город всею Даурской землею», – написал в своем отчете воеводе Ерофей. А тогда, увидев эту крепость, он понял, что она являлась оплотом дауров на Амуре и что взять ее будет непросто.

Однако казаки уже рвались в бой. Подойдя к городу, обнесенному бревенчатой высокой стеной, они прямо с судов стали палить из пушек. Дауры дрогнули и обратились в бегство. Подойдя к берегу, люди Хабарова сели на коней и стали преследовать отступающих. В полон тогда были взяты три даурских князя – Туронча, Толга и Омутей, которые, испугавшись за свою жизнь, тут же согласились платить ясак русскому царю и быть под его «высокою рукою в вечном ясачном холопстве». Чтобы их слова были услышаны многими, Хабаров заставил князей дать присягу при всем народе. Оставив главных князей у себя атаманами, Ерофей, посоветовавшись с ратными людьми, служилыми и с вольными казаками, всех остальных дауров отпустил по своим улусам. И с тех пор, как позже вспоминал Ерофей, «они жили в тех своих улусах у города с нами за един человек и корм нам привозили, и они к нам в город ходили беспрестанно, и мы к ним тоже ходили».

Русским и впрямь тогда быстро удалось найти общий язык с даурами. Это был трудолюбивый народ. Они сеяли ячмень, овес и просо, имели большие стада, ездили на волах и лошадях. В отличие от живших выше по Амуру братских и намясинских тунгусов, которые нередко нападали на селенья казаков, уводя у них скот и лошадей, эти, напротив, делились с русскими

всем, что имели. Более того, будучи отличными стрелками из лука, они часто вставали на сторону казаков, когда тем приходилось отражать нападения кочевников и маньчжуров.

Так бы, наверно, и продолжалось, если б однажды люди Хабарова вдруг не обнаружили, что дауры ушли из своих улусов. А впереди зима – где взять пропитание? Пришлось снова садиться на весла и двигаться вниз по реке. Четыре дня плыли до того места, где Амур течет, стиснутый Хинганским хребтом. Через ущелье плыли два дня и ночь, лишь изредка останавливаясь в улусах, чтобы пополнить запасы продовольствия, а еще через два дня достигли устья реки Сунгари. После короткой остановки снова двинулись в путь и потом семь дней плыли мимо берегов, населенных дючерами. Ниже по Амуру встретили новый народ – гольдов, которых Ерофей называл ачанами. Землю они не пахали, скот не держали, занимались только рыболовством.

29 сентября увидели селение на левом берегу Амура, где и решили поставить острог и зазимовать.

А рано утром следующего дня около тысячи дючеров и ачан подошли к острогу и подожгли его со всех сторон. В остроге в это время оставалось чуть больше сотни русских. Устоять против ружей и пушек нападавшие не смогли – бросились к реке, где у них наготове стояли большие струги.

После этого крепость основательно укрепили. А в конце ноября уже зимником сто двадцать казаков были отправлены в улусы, откуда они возвратились с богатым ясаком.

Больше казаков никто уже не трогал. Зима прошла в сборах ясака и поисках пропитания. Местные князцы, поначалу испугавшиеся чужаков, вконец поняли, что особо-то их никто неволить не собирается, поэтому и пошли под высокую руку русского царя, за что их людям была обещана защита от маньчжурских набегов.

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Но вот в конце марта к стенам крепости с маньчжурской стороны подошла, как писал Хабаров в своей отписке якутскому воеводе, «сила богдойская, все люди конные и куячные¹⁷». На вооружении двухтысячного маньчжурского войска были пушки, скорострельные пищали и петарды. Командовал им военачальник Хайсэ.

Дежуривший на подзорной башне казак первым заметил маньчжуров и забил тревогу. Тут же крепость пришла в движение.

– Братцы-казаки! – гремел есаул Андрей Иванов. – Ставайте наскоре и оболкайтесь в куяки крепкие! Не посраим же Русь святую! Ура-а! – закричал он.

– Ура-а-а! – подхватили его клич казаки.

Но не все казачки успели надеть доспехи, потому как богдойцы, даже не встав лагерем, сходу начали штурмовать крепость. Потому многие бились, как отписал Хабаров в Якутск, «в единых рубашках».

Свист пуль, взрывы петард, крики, стоны раненых...

– За Русь-матушку! – кричали казаки. – За веру нашу православную!

Кричали и падали, сраженные свинцом.

– А ну не дадим узкоглазым поизгаляться над нашими мертвыми телами! – взывал голос есаула Андрея Иванова.

– Бей их! Бей проклятых басурман! – в ответ несло со всех сторон.

В какой-то момент казаки дрогнули. Это когда богдойцам удалось сделать пролом в крепостной стене, и они ворвались в город. В тот момент богдойский князь Исинеи стал кричать своим воинам:

– Не жгите и не рубите казаков, емлите их казаков живьем!

Люди уже было стали мысленно прощаться с жизнью, когда вдруг услышали зычный голос атамана.

---

¹⁷ Куяки (куячные одежды) – латы из кованых пластинок.

– Казачки! – взывал Ярко Хабаров. – Братушки мои! Ну же, соберитесь с силами! Не таких врагов били – и этих побьем! Только в полон не сдадимся! Лучше смерть, чем позор!

Слова атамана подняли дух казаков. Там, где был пролом в стене, они выставили большую медную пушку и стали бить по врагу в упор. Били они и «из иных пушек железных» и «из мелкого оружия». Маньчжуры в конце концов не выдержали и отступили. Но казаки не дали им опомниться. Поздно вечером, надев на себя железные куяки, они предприняли смелую вылазку во вражеский стан, где нагнали на богдойцев такого страха, что те, бросив все свое оружие и снаряжение, дали деру. Тем и закончилась битва при Ачан-городке. Отряд Хабарова, уступавший в силе маньчжурскому войску, потерял в ней убитыми только десять человек, тогда как богдойцы оставили на поле брани около семисот своих людей.

Трофеи достались казакам богатые – несколько сот лошадей с хлебным запасом, оружие, а ко всему прочему еще и восемь боевых знамен. Были и пленные.

Один из пленников рассказал, что за продвижением русских по Амуру давно и внимательно следили маньчжурские соглядатаи, которые каждый день посылали свои донесения в город Нингута, к тамошнему посаженнику, который, в свою очередь, извещал обо всем императора. И однажды в Нингуту пришел приказ – немедленно собрать войско великое и идти на казаков, чтобы одних, как показал пленный, побить, а других вместе с оружием живыми доставить в Пекин.

После той кровавой битвы с маньчжурами Хабаров понял, что закрепиться русским на Амуре удастся только в том случае, если все его левобережье будет обустроено крепостями и на помощь первопроходцам прибудет большое войско. Об этом Ерофей сообщил якутскому воеводе в подробной отписке. В ней же просил о помощи и сообщал о своих дальнейших планах.

Однако воевода понимал, что у него не хватит сил, чтобы закрепиться на Амуре, и, в свою очередь, обратился за помощью к царю Алексею Михайловичу, для чего отправил в Москву верного сподручника Хабарова Дружинку Васильева Попова.

Царь обещал помочь. Однако вместо обещанного им войска в Даурию в 1653 году прибыл его личный посланец московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев, которому было приказано собрать подробные сведения о новых землях, о возможностях их освоения и потребных силах для обороны.

Четыре недели находился Зиновьев на Амуре, после чего отбыл в Москву, захватив с собою Ерофея. Прямой и честный Хабаров не пришелся по душе спесивому и властолюбивому вельможе, а ко всему прочему не понравились ему и вольнолюбивые порядки на Амуре, вот он и решил предать того суду. Вроде как заподозрив в утайке ясака. А перед тем царский посланец и в лицо Ярке Хабарову плевал, требуя отчета, и за бороду драл, при этом пытаясь вооружить против него его товарищей. Вот так, пережив на Амуре три тяжелейших года ратных трудов и добившись немалых успехов в деле освоения Приамурья, Ерофей Хабаров по прозвищу Святицкий впал в опалу. По пути в Москву и в самом стольном граде, претерпев унижения, он прожил два года, может быть, самых трудных в своей жизни.

Но Хабарову повезло. Ему удалось избежать дальнейших злоключений. Отчасти в этом ему помог его недруг Зиновьев, который в своем докладе государю отметил, что, несмотря на вольницу, дела на Амуре идут полным ходом. Растут крепости, отстраиваются села, возводятся повсюду православные храмы.

Опалу сняли, Хабарова возвеличили, наградили званием сына боярского за успешное приведение народов Приамурья в российское подданство и отправили в родные приленские места, откуда он несколько лет назад пошел на великий Амур для поиска новых земель, казны и мягкой рухляди¹⁸. Однако душеньку-то ему измотали, прежде чем назначить приказчиком поселений между Леной и Илимом, от Усть-Кута до Чечуйского волока. Имущество, которое

¹⁸ Мягкая рухлядь – пушнина.

успел отобрать у него Зиновьев, было ему возвращено. Но по прибытии на Лену Хабарова вскоре арестовали и отправили в Якутский острог, так как он не мог сразу рассчитаться с долгами, сделанными перед даурским походом. Однако ему удалось найти поручителей, и лишь тогда он смог возвратиться на свои родовые земли. В 1667 году Хабаров просил тобольского воеводу Годунова снова отпустить его на Амур, но получил отказ. Видно, такой ответ велела давать ему Москва. И это в самый разгар строительства приамурских городов и весей, которое затеял Хабаров!

Ерофей Павлович умер в 1671 году от Рождества Христова в своей родовой деревне Хабаровке, что недалеко от Усть-Киренги. В тот год его старый товарищ и сподвижник иеромонах Гермоген основал на Амуре, неподалеку от заложенной Ерофеем Павловичем крепости, Албазин монастырь Всемилолюбивейшего Спаса, ставшего оплотом православия на Амуре.

4

Уезжая в Москву, Зиновьев поручил управление амурскими казаками Онуфрию Степанову Кузнецу. Имя этого человека вскоре прогремит по всей Руси после того, как в 1655 году он с небольшим отрядом ратных людей выстоял против десяти тысячного войска маньчжуров, пытавшихся захватить построенный еще Ерофеем Хабаровым на реке Хумаэрхэ Кумарский острог.

Чтобы закрепиться на Амуре, царь возымел намерение образовать особое Амурское воеводство. Устроителем его был назначен енисейский воевода Пашков. 18 июля 1656 года в сопровождении трехсот казаков тот выступил из Енисейска. Однако он пошел не тем путем, по которому ходили его предшественники, – не через Илимск, Олекму и Тугир, а отправился по Ангаре и через Байкал, вышел в Забайкалье, где за три года до него уже побывал отряд сотника Петра Бекетова, построившего там несколько русских острогов, в том числе у устья реки Нерчи – Нерчинский городок, который стал главной опорой для занятия и освоения Амура. Местное бурятское и тунгусское население добровольно признало власть московского царя и стало выплачивать ясак. В окрестностях Нерчинска казаки и прибывшие следом за ними переселенцы-крестьяне начали поднимать пашню и сеять хлеб.

В 1658 году Пашков послал из Нерчинска на Амур тридцать ратников искать Степанова, чтобы объявить ему о своем назначении начальником Амурского края. Но тем так и не удалось с ним встретиться.

Однако вскоре отряд Бекетова, спустившись на Амур по Шилке, все же сумел установить связь со Степановым, после чего Приамурье от верховьев и до самого устья реки со всем его левобережным населением вошло в состав Русского государства.

Маньчжуров такое соседство не устраивало. Ведь они сами мечтали о широких завоеваниях. Попытались было помешать русским их продвижению на восток, но поражение в битве при Ачан-городке надолго охладило их пыл. Тогда они перешли к другой тактике – начали насильственное переселение дауров и дючеров в Маньчжурию. Сжигая их посеы, разрушая и уничтожая селения, маньчжуры стремились превратить Приамурье в пустыню. Не имея возможности добывать себе продовольствие, русские-де не смогут долго прожить на этой земле.

К 1657 году даурские и дючерские селения были полностью уничтожены. Амур обезлюдел. Не с кого царевым слугам стало брать ясак, и не у кого было получать продовольствие. Своих пашен покамест было мало, хлеба не хватало, и казаки Степанова вынуждены были совершать набеги на маньчжурские селения в низовьях Сунгари. В одном из таких походов в июне 1658 года отряд Степанова попал в засаду и был разбит. Часть его людей сумела прорвать вражеское кольцо и уйти в верховья Амура. Сам же Степанов, а с ним двести семьдесят казаков погибли в бою.

Почувяв силу, маньчжуры усилили свои набеги на русские городки, выросшие на берегу Амура. Некоторые из них им удалось взять приступом, а затем сжечь и разрушить. Среди этих городков были Албазинский и ближайший к нему Кумарский. Часть оставшихся в живых казаков вынуждена была вернуться на Лену, остальные ушли к Нерчинску.

Безлюдье воцарилось на амурских просторах. Лишь развалины поселений свидетельствовали о бывшей здесь некогда жизни.

Вот таким и увидели Амур Никифор Романович Черниговский и его товарищи, когда они в зиму с 1665 на 1666 год прибыли в эти края. Однако уходить отсюда они не собирались, ибо лучшего места для постройки крепости трудно было найти. Амур тут делает большую пологую излучину, прижимаясь главными водами к русскому берегу. Вдоль всей излучины стеною высится скалистый берег. На нижнем конце ее, где Амур плавно огибает скалистый выступ, и было решено возвести основные сооружения крепости. Отсюда река хорошо просматривалась во все стороны. Не случайно в свое время именно здесь люди Хабарова решили возводить свои фортеции.

Думали: вот наладят жизнь, а потом и пашенным делом займутся. Как это было до прихода на Амур, когда они и хлеб растили, и несли службу в низших чинах.

Начали с того, что стали восстанавливать подъездные дороги к Албазину. Очищали их от упавших деревьев, гатили топи, бутили ямы. Одновременно принялись возводить часовню – ну как без своего храма православному? Мудрить с архитектурой не стали – сделали все по-простому. Обыкновенный одноэтажный деревянный сруб на сваях из мореной лиственницы с деревянной колокольней. При часовенке – два дома. Тот, что попросторнее, – для батюшки, другой – для сторожа. Часовенку нарекли в честь Николая Чудотворца. Позже на территории острога была возведена Воскресенская церковь с приделами Богородицы Владимирской и Архангела Михаила.

Городок рос на глазах. Укреплялись и его стены, в коих появились две проезжие и три угловые подзорные башни, а также два ряда бойниц для верхнего и нижнего боя, что позволяло вести интенсивный огонь по врагу. Не забыли укрепить и подходы. Вокруг крепости был вырыт ров шириной в три сажени и глубиной в полторы. За рвом с двух сторон в два яруса были вбиты надолбы – стесанные в острый конец бревна.

В остроге помимо двух церквей находилась приказная изба с покрытой тесом крышей, где хранились войсковое камчатное знамя, приходные и расходные книги, челобитные и поручные казаков, а также войсковая казна. Помимо этого были служебные помещения и четыре жилых двора. Еще пятьдесят три жилых двора располагались за крепостной стеной. Избы в большинстве своем курные, рубленные, со всеми ухажями и хозяйством опричь жилья. Внутри – сермяжная простота: горенка с волоковым окном, дубовый стол со скамьями, лавка у стены, в углу печь.

В 1670 году мирная жизнь для Албазина закончилась, когда, переправившись через Амур, к острогу подошла многотысячная армия маньчжуров. Враги попытались взять крепость приступом. Опасность была настолько велика, что в Москву поспешили доложить, что Микифорка-де с товарищами побиты. Но только это все были враки. Атаману и его казакам удалось выдержать длительную вражескую осаду, так что на следующий год старец Гермоген с братией вышли из-под защиты крепостных стен и воздвигли более страшную для врага духовную защиту – они заложили первый камень в строительство монастыря Всемилоштивейшего Спаса близ Албазина. Его возводили на средства албазинских казаков, а также на мирские подаяния, ходя по миру с иконою.

Возле монастыря вскоре появилась крестьянская слобода в один посад – Монастырщина, построенная гулящими людьми и переселенцами, приписанными к Албазинскому острогу. Село как село – рубленные избы с огородами, плетневые сараи, овины. В черемуховую пору его не видать. Глянешь издали – одно сплошное белое облако. На въезде в него стоит оберег в

виде креста, на который какой-то озорник напялил рубаху с портками. То ли человек, то ли распятый Иисус.

Пашенные крестьяне обрабатывали монастырские земли, разводили скот, лошадей, занимались ремеслами. Следом возникло еще несколько крестьянских селений – ведь народ-то продолжал прибывать на Амур. Кто-то шел в поисках лучшей доли, кого-то сослали сюда за какую-то провинность и посадили на пашню, дав ссуду – старых лошадей и жеребят, которые ни в соху, ни в борону не годились. Ральниками¹⁹ их снабдили тоже старыми и негодными. Пришлось все это покупать у торговцев в долг.

Многие из переселенцев были людьми умелыми и работающими, оттого земли под Албазином уже скоро превратились в хлебородные пашни, и вышло так, что уезд стал полностью обеспечивать себя хлебом, а излишки его продавал. А когда и казаки занялись земледелием, то и вовсе наступила благодать. Сюда за мучицей да зерном ехали из Селенгинска, Якутска, Нерчинска и даже с далекого Енисея.

В отстроенном Гермогеном монастыре появились первые иноки, которые зарабатывали себе на пропитание тем, что мололи албазинцам и слободским на двух монастырских мельницах зерно.

Когда на монастырской земле был поставлен первый скит, сюда из острога перенесли чудотворные иконы, о которых в народе ходили разные легенды.

Их было три – Святителя Николая Чудотворца Можайского, Спаса Нерукотворного и икона Божьей Матери «Слово плоть бысть», впоследствии названная чудотворной Албазинской.

Все эти иконы привез в далекий край иеромонах Гермоген. А до того времени они находились в Киренском Свято-Троицком монастыре на Лене, который был основан старцем. Надо сказать, что Гермоген не любил рассказывать о себе. По слухам, он прибыл в Сибирь из Москвы, будучи уже иеромонахом. Что его сюда привело, неизвестно. Но дело тут видно вот в чем.

В 1620 году была учреждена Тобольская и Сибирская епархия, в духовное ведение которой входили все территории от Уральских гор до Тихого океана. У тобольских архиереев тут же возникли трудности, ибо легче было в сибирских условиях построить церковь, чем обеспечить новопостроенные храмы опытными священнослужителями и причетниками. «В Сибири теперь попами стала скудость великая», – сообщал в 1638 в одном из своих донесений в Москву архиепископ иркутский Нектарий. Решить этот вопрос церковные власти попытались при поддержке правительства. Предполагалось организовать добровольное переселение духовенства в Сибирь из епархий центральной России.

Архиереям в Казанской, Ростовской и Великопермской епархиях и в Москве предписывалось подобрать для отправки в Сибирь священников – «людей добрых, крепкожительных, духовных учителей, которые б были по преданию и по правилам святых апостолов и святых отцов, а не бражников». Однако пожелавших покинуть свои места нашлось немного – слишком опасным был путь на восток, да и необустроенность на новых местах была великая. Так что в 1640 году в Сибирь вместе с новым архиепископом Герасимом отправилось всего шестьдесят человек, включая домашних. Позже дело наладилось, и ряды духовенства стали пополняться усерднее. Однако потребность в священнослужителях здесь еще долго ощущалась.

Иеромонах Гермоген прибыл в Восточную Сибирь с одним из правящих тобольских архиереев и тут же принялся за строительство храмов. Первые зиждители сибирских монастырей были людьми грамотными и энергичными. Они отличались непоколебимой верой в Христа и благочестием. К таким людям относился и иеромонах Гермоген, за которым прочно закреп-

¹⁹ Ральник – режущая часть сохи, плуга и других сельскохозяйственных орудий, предназначенная для взрыхления почвы.

пилась слава ревностного поборника православия, талантливого проповедника, организатора и устроителя монастырской жизни.

Глава 3. Под сенью святых образов

1

Гермоген появился в окружении нескольких монахов и послушников. Завидев спускающуюся к реке процессию со святыми образами и хоругвями, вслед за ней бросилась толпа зевак, а бывшие в ожидании на берегу Амура настоятели обеих албазинских церквей и их служки как-то разом подобрались и стали ждать появления старца.

Это был невысокий человек с темной бородою на бледном, покрытом глубокими рытвинами изможденном лице вечно пребывающего в постах человека. На нем была обыкновенная монашеская ряса и старенькая скуфья на голове. Трое из его постников несли святые иконы. Впереди процессии шел рыжеволосый, долговязый монашек в клобуке, державший в руках икону, именуемую «Слово плоть бысть» с изображением Богоматери с ребенком во чреве. По обеим сторонам лика ее были видны два шестикрылых серафима.

Эта икона с некоторых пор стала символом защиты местного казачества в борьбе с врагом. Теперь всякий раз, когда маньчжуры подходили к стенам Албазинской крепости, монахи поднимали эту святыню высоко над головой и, молясь во славу победы русской, держали ее до тех пор, пока не заканчивалась битва и враг постыдно не отступал.

Вслед за долговязым монашком в ряске послушника не спеша и с чувством собственной значимости двигался круглолицый безбородый отрок, прижимавший к груди икону Святителя Николая Чудотворца Можайского. Спаса же Нерукотворного нес широкоплечий чернявый молодец со смоляными кудрями на голове. То был Шандор, цыганский сын, некогда сбежавший из своего родного табора, кочевавшего по Сибири с медведем. Однажды в Иркутске он случайно попал на воскресную службу в Благовещенский храм, откуда вышел совершенно другим человеком. Завороженный убранством церкви и всем, что увидел во время службы, он решил принять православную веру. А когда кто-то из святых отцов услышал, как он поет, то его тут же пригласили в церковный хор. Вопреки воле родных цыганский юноша целиком окунулся в православие и возмечтал служить диаконом.

Добрых и светлых людей на пути у цыгана встречалось немало. Первым его наставником стал отец Тихон, служивший настоятелем в одном из иркутских храмов. Тот помогал восемнадцатилетнему Шандору познавать законы Божьи. Еще тогда, когда он впервые переступил порог церкви, понял, что его жизненная стезя там, где храм. Постигать все приходилось с азов. Юноша ни дня не учился в школе, но, взявшись за алфавит, освоил его за три дня – настолько высока была его тяга к учению.

В таборе не одобрили выбор Шандора. Мать, испугавшись, что сын, став церковным служителем, теперь не женится, а, значит, не подарит ей внуков, грозила свести счеты с жизнью. С большим недоверием к выбору парня относились и его брат с сестрой. А у бабушки даже пропал дар к гаданию. Цыгане пытались выкрасть его и увезти с собой, однако не получилось. Так и остался парень при церкви.

А однажды старательного инок заметил старец Гермоген. К тому времени Шандора уже назначили помощником старосты одного из иркутских храмов – должность которую он исполнял с необыкновенным рвением. Гермоген поговорил с отроком, а потом вдруг предложил ему ехать с ним на реку Лену, где старцем был основан Киренский Свято-Троицкий монастырь.

Начало этому строительству положила челобитная священника Илимской Спасской церкви Амвросия Толстоухова, поданная по просьбе крестьян и промышленников Ленского Волока в марте 1663 года воеводе Обухову. Тот с пониманием отнесся к просьбе. В 1665 году

от Тобольского митрополита Симеона поступила благословенная грамота, предписывающая «монастырь построить, и церкви воздвигнуть со всяким церковным строением невозбранно».

По грамоте монастырю отводились земли по реке Киренге и Лене, заимка Скобельского и другие. До 1669 года обитель именовалась Усть-Киренскою пустынью, а затем Свято-Троицким Киренским монастырем.

Монастырь начал свою долгую и славную историю на том самом месте, где после возвращения из Москвы на Лену новоназванный управитель приленских земель сын боярский Ерофей Хабаров поставил большой деревянный крест как символ мирного присоединения обширного края к российской земле. Этот крест освящал «черный поп» Илимской Спасской церкви Ермоген, как его величали люди. Он же и стал первым строителем духовной обители Пресвятой и Животворящей Троицы, которая понесла в глухой край свет христианской истины.

В первые же годы монастырь стал обзаводиться хозяйством. Огромную поддержку монастырю оказал Ерофей Хабаров. В 1663 году он выделил деньги на строительство Троицкой церкви, позже передал монастырю за сто рублей мельницу стоимостью в тысячу рублей. Более того, он завещал монастырю свою деревню Хабаровку и близлежащие заимки, которые поступили в распоряжение обители в 1671 году. Пришло время, и монастырское хозяйство стало самым крупным в Прибайкалье – оно снабжало хлебом не только приленское население, но и жителей Камчатки, а затем и Аляски.

Шандор, послушав речи старца о житии приленских монахов, возгорелся желанием подвергнуть себя новым испытаниям на пути служению Богу. А когда в 1665 году несколько десятков казаков после убийства их предводителем Микифоркой Черниговским илимского воеводы Лаврентия Обухова подняли в Усть-Киренге бунт и отправились на вольный Амур, он безоговорочно последовал за старцем.

Теперь он был один из немногих, кто знал всю правду о том, почему Гермоген отправился вместе с бунтовщиками. Хотя нет – всю правду он знать не мог, разве что только его пытливый ум силится добраться до истины.

Вот люди, к примеру, говорили о том, что старца насильно атаман увез с собой на Амур. Но ведь Шандор помнил нечаянно подслушанный им разговор Гермогена с Хабаровым. А говорили они о том, как хорошо было бы наладить духовную жизнь в неизведанных, загадочных краях, коими они считали Приамурье. Нет, не смог бы старец без молитвенной подготовки и упования на промысел Божий уйти в дальние земли. Доказательством тому являлось то, что тот взял с собой на Амур три иконы, которые стали чудотворными святынями. Да-да, Гермоген вместе с Ерофеем Павловым давно обдумывали будущее Приамурья при духовном участии старца. А тут случай подвернулся.

А слух о том, что Гермоген был увезен насильно, скорее всего распространили сами духовные власти, чтобы обезопасить его и себя от обвинения в сочувствии разбойникам и убийцам.

Гермоген ревностно следил за тем, чтобы православные албазинцы посещали храмы. «Всем людям необходимо прибегать к помощи Божией и приходить в храм пред лицо Его, а вам – это он казакам, – по роду службы своей в особенности. Вы – казаки, и жизнь ваша боевая. Каждая пуля и удар сабли не смертоносны ли для вас? Если же вы останетесь целы, невредимы, то сим, несомненно, обязаны благодати и милости Божией, дивно охраняющей вас на бранном поле».

Старец был человеком умным и наблюдательным, и он видел, что наиболее ревностными христианами являлись не кто-нибудь, а женщины-казачки. Они и впрямь были глубоко набожны, так что местные святые отцы, используя их авторитет в казачьей семье, влияли через них на крепость веры мужей. Которые, надо сказать, порой отлынивали от посещения церкви. А все потому, что их религиозные убеждения подчас носили характер видимости, не затрагивали глубины чувств. Ведь народ-то на Амур приходил всякий. Так что были и такие, что и

без царя в голове, и без Бога в душе. Вот и приходилось Гермогену и его помощникам вселять в них веру Господню.

Чтобы закрепить эту веру, святые отцы не только настойчиво приглашали людей в церковь, но и пытались заставить поселенцев поклоняться священным некрополям, почитать иконы, праздновать дни святых угодников. Особым почитанием среди амурских казаков пользовались праздники святого великомученика и победоносца Георгия, вселяющего боевой дух в ратных людей, архистратига Михаила, который будто бы был невидимым покровителем храбрых казаков на войне, Николая-чудотворца – покровителя странствующих и путешествующих, что было близко казачеству. А еще день святого Алексея – человека Божьего. Не обходили казаки стороной и другие церковные даты. Так что порой праздники Святой Троицы, Рождества Христова, Святочные дни превращались в настоящие народные гуляния.

Гермоген следил за тем, чтобы и светские праздники проходили под неусыпным оком Господа. Молебны и литургии были обязательны во время таких торжеств, устраиваемых в Албазине и других амурских острогах и селениях, куда распространялось влияние старца. Они проводились в войсковые праздники, царские дни, в честь военных побед. Особо торжественно служили молебны в знаменательные для царской семьи дни – священного коронования, рождения престолонаследника, а также юбилейные годовщины царствования династии Романовых.

Согласно христианской вере, праздничными объявлялись воскресные дни, когда в местных церквях шли богослужения с проповедями добрых дел и духовного очищения. Именно церковь пыталась наставить православных амурцев на путь истинный – избавление от дурных привычек и неугодных Богу привязанностей. Старец хорошо знал эту публику, знал, что здесь тать²⁰ на тате сидит и татем погоняет, однако терпеливо пытался духовно переродить людей.

2

Спустившись с кручи и ступив на речной галечник, старец огляделся. От его взгляда не ушла ни одна деталь. Он хмыкнул довольно, увидев большую толпу любопытствующих, принарядившихся по случаю праздничка. Но больше всего его порадовали эти люди, что смиренно стояли у кромки воды. Сняв одежды и оставшись в одном исподнем, они терпеливо ожидали начала таинства. «Да будет так во веки веков, и пусть будет меньше заблудших чад и больше верующих в нашего Господа Бога», – прошелестели тонкие бесцветные губы Гермогена.

На берегу с криком и визгом бегали черные от солнца босоногие казачата.

– А ну брысь, окаянные! – прикрикнул на них один из послушников.

Старец с укором посмотрел на него:

– Да пусть поегозятся – дети ведь. Аль сам таким не был?

Помедлив немного, он вдруг негромко произнес:

– Чада мои, хочу вас спросить. Скажите, по доброй ли воле вы пришли сюда? Гнал ли вас кто аль по зову души и сердца вы решили приобщиться к святой вере?

Оцепеневший от волнения люд безмолвствовал. Не дождавшись ответа, старец продолжил:

– Хочу напомнить вам, братья и сестры, что крещение – есть таинство, в котором верующий умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. Если кто не рождается от воды и Духа, сказал Господь, тот не может войти в царство Божие. Крещение водою начал Предтеча Христов Иоанн. Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в грядущаго по нем, то бишь во Христа Иисуса. Потом Иисус Христос примером своим освятил крещение, приняв оное от Иоанна. Наконец по воскресении своем Он дал апостолам торжественное повеление: «Идите, научите все народы, крестя их во

²⁰ Тать – вор, грабитель.

имя Отца и Сына и святого Духа». От того, кто желает принять крещение, требуется покаяние и вера. Люди добрые, все ли вы покаяться пред крещением? – оглядев стоящих перед ним людей, спросил Гермоген.

– Все, батюшка! – вразнобой отвечали ему.

– А вера? Все ли пришли к таинству с верой во Всевышнего?

И снова нестройное «Да!»

И тогда он начал читать Символ веры: «Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа... Кто будет веровать и креститься, спасен будет...»

Когда он это произнес, сопровождавшие старца иноки стали молитвами освящать воду.

– Ну а теперича в ердан²¹! – произнес старец и указал перстом в направлении реки.

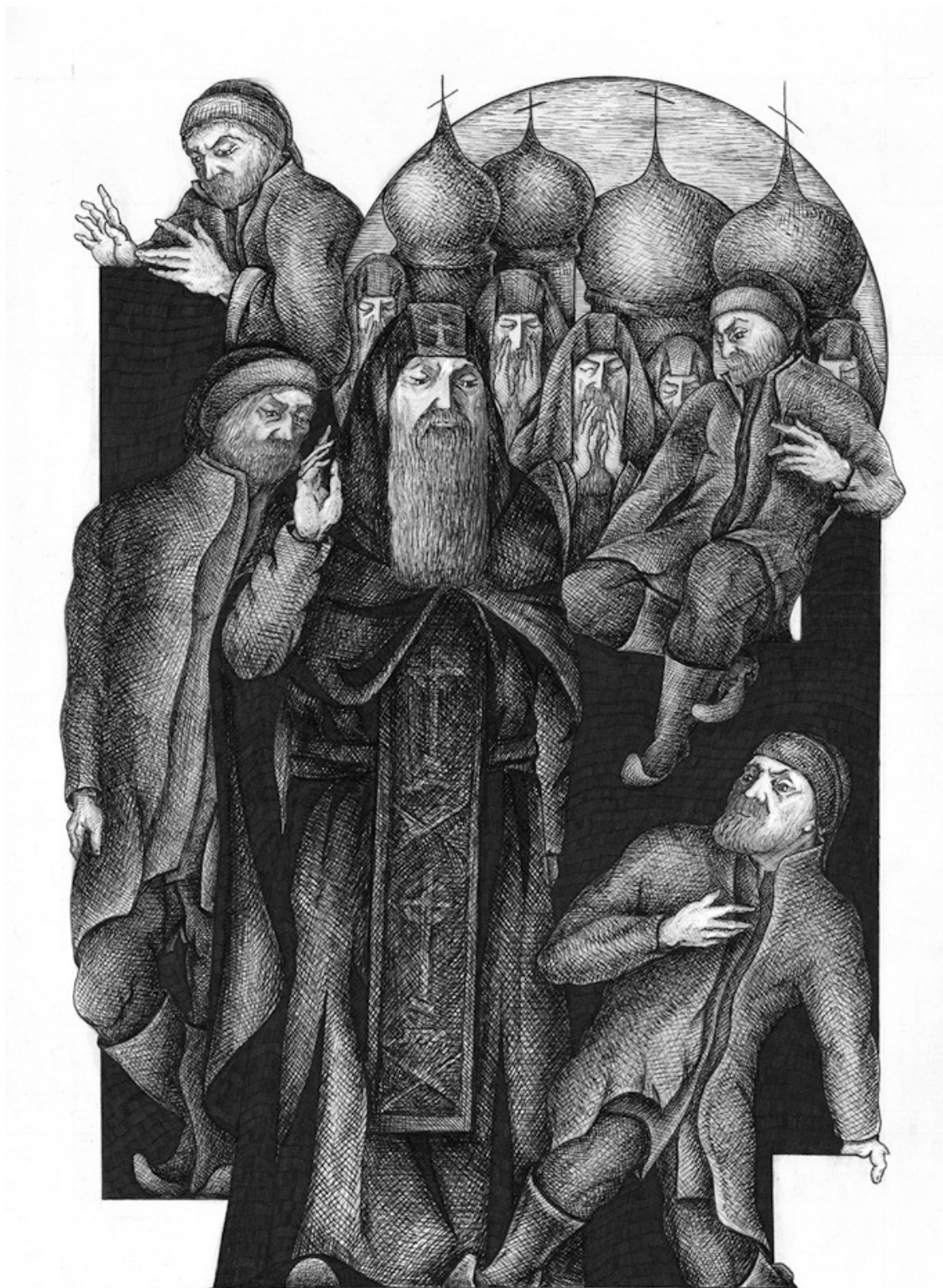
– И хлопчиков, хлопчиков своих уймите, – это он молодым бабам в длинных исподних рубашках, на руках которых веньгали²² разморенные на солнце голые младенцы.

– Ну, что встали? Гайда! Гайда!.. – глядя на то, с какой опаской люди входят в воду, настоятельно требовал он.

---

²¹ Ердан – иордань, прорубь.

²² Веньгать – хныкать.

– Эй, народ! А ну давай, слухай старца! Да не боись, не унесет вас вода – гляньте, какая тишь-то на реке, – пришел на помощь Гермогену дюжий диакон Воскресенской церкви Иона, прозванный казаками Кувалдой за то, что тот часто в спорах вместо слова употреблял кулак.

Это был бывший полковой священник, которого прибила к здешнему берегу все та же переселенческая волна. За какие-то там недобрые делишки ему было запрещено служение и

рясоношение, более того, его ждала тюрьма и отлучение от Церкви, но он сбежал и теперь чувствовал себя в безопасности в этом далеком диком краю.

Иона был известный бражник, и перепить его едва ли кто из казаков мог. Разве что Игнашка Рогоза, верный сподручник Черниговского. Человек он вроде на вид хлипкий, но пьет – будь здоров!

Впрочем, были и другие лихие бражники, которые могли претендовать на роль первых здешних пьяниц. Одни из них еще недавно пили мед да брагу с самим Стенькой Разиным, кочуя где на стругах, где на лошадях по бескрайним просторам Московии и грабя всех, кто попадал им под руку. Те же, к примеру, Гридя Бык, Иван Шишка по прозвищу Конокрад, Семен Антонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские... Те еще висельники и ярыги, сбежавшие на Амур от государева гнева.

И все же с Ионой тягаться было себе дороже. Иные казаки, чувствуя в себе силушку, не раз пытались на спор перепить его, после чего, охая и страдая, сутками отлеживались где-нибудь в тени под телегой, требуя загробным голосом от жен своих холодного кваса, а лучше огуречного рассола. А тому хоть бы что. Бывало, с вечера осилит вместе с товарищами баклагу – добрый бочонок ядреной браги, – а утром встанет, сорвет на огороде хряпы, изжует ее и на службу, на ходу отрывивая капустой и отравляя округу своим убийственным перегаром.

Когда кто-то выговаривал ему за его бесконечное пьянство, мол, побойся Бога, не пей как лошадь, он только смеялся тому в лицо. Дескать, не грози попу церковью, он от нея сыт живет! Разве вам не ведомо, что у нас и губка пьет, и растения, и трава, та же земля пьет? Так почему ж я не могу выпить? Чем я хуже? И вообще, мол, нечего на меня яриться – я ж вам ни какая-нибудь там загулявшая стрелецкая жонка. Я самый что ни на есть помощник настоятеля церкви, и меня не бранить, а слушать надобно, ибо я вещаю гласом Божиим.

Это он говорил с необыкновенно серьезным и важным видом, после чего склонявшему его к разуму человеку ничего не оставалось, как прикусить язык. С небом оно спорить и браниться небезопасно.

В общем, в отличие от многих своих товарищей, с похмелья он не страдал, тем более, не буянил. А вот в пьяном угаре он был страшен. За ночь мог столько дров наломать! А утром встанет как ни в чем не бывало и идет у людей прощения просить. И ничего, прощают. Ведь что ни говори, а пьяная драка – святая драка.

– Ну, чего встали? Хотя б по грудь зайдите! – заметив, что люди, войдя по щиколотку в воду, замерли в нерешительности, снова прогудел Иона. – Да не бойтесь, не утопнете. Святое дело – оно верное.

Молодые матери, а с ними тунгусы и другой разноперый люд покорно двинулись вперед, осторожно ощупывая под ногами каждый камешек и стараясь не споткнуться и не упасть в реку. Теплые водяные струи, забравшись под одежды, ласково коснулись их тел. Сделав несколько шагов, они снова остановились и повернулись лицом к берегу.

– Все, будя! – махнул им рукой Гермоген, после чего, назвав крестным осенением воду, велел молодым матерям троекратно погрузить своих чад в купель.

Следом он заставил окунуться в реку и тунгусов. Многие из них его не поняли, тогда на помощь старцу пришел Иона. Приподняв руками длинные полы своего старенького подрясника, он стремительно вошел в реку и стал с головой окунать бедолаг в воду. Те не сопротивлялись, только кротко глядели на него, полагая, что делает это он не по злему умыслу, а согласно каким-то тайным правилам.

Гермоген был доволен, ощущая благодать на душе. Ну как же – еще целый отряд праведников выйдет сейчас в мир преисполненным Господней благодати.

– Во имя Отца и сына и святого Духа! – при каждом погружении крестившихся вещал он слабым голосом и при этом осенял их крестным знамением.

Великий миг торжества! Все замерло вокруг в предчувствии чуда. И даже бегавшие до этого на берегу детки успокоились. Открыв рты, они глядели туда, где, погруженные в воду приобщались к вселенскому таинству люди. Примолкли очарованные происходящим и стоявшие вокруг святых образов зеваки, а также те из острожан, что не пожелали спуститься к воде и теперь взирали на все происходящее с высоты крутого обрыва.

3

Больше всех, наверное, в эту минуту был поглощен происходящим войсковой старшина Федька Опарин, высокий светлорылый казак в надвинутой на самые глаза бараньей шапке. Что у него творилось в душе, одному Богу известно, только его глаза выдавали радость.

Матерый. Тяжелая рука его лежала на красной широкой запояске, из-под которой поблескивала серебряная рукоять пистоля. Расстегнутая пуговица на рубахе выказывала его мощную жилистую шею. Лицо скуластое, все в шрамах, а когда он поворачивал голову, в правом ухе его блестело золотое османское кольцо с изумрудом. Косая сажень в плечах, он слыл среди здешних казаков лихим рубакой, а к тому же не последним силачом. Не мужик, а ветер, говорили о нем люди. И, в самом деле, он был похож на ветер – такой же резкий, своенравный и непредсказуемый. Стоя на песчаном поросшем татарником сугорке, он вместе со всеми жил происходящим.

Ай да молодец, девка! – глядя на стоящую по грудь в воде тоненькую и гибкую, словно прутик лозы, азиатку, державшую на руках младенца, радовался он. А сказывала, что ни за что креститься не будет и малыша нашего не покрестит. Ан нет, все вышло по-моему!

В избытке чувств он сорвал с головы шапку и с размаху ударил ею об колено.

– Вот так, мать вашу! – с чувством произнес он.

Это была его Сюй Пин, Санька, которую он год назад привез из похода. И не одну, а с молоденькой уйгуркой, буквально девочкой-подростком по имени Най-най, тут же ставшей для обитателей крепости Маняшкой. Эта девочка была Санькиной амой – служанкой, потому как сама Санька оказалась птицей высокого полета. Чуть ли не принцессой, потому как была дочерью большого военачальника, состоящего в родстве с самим богдыханом. Об этом сказывала казакам Маняшка, о том же поведали им и посланники чучарского дзяньдзюня²³, приезжавшие разыскивать Сюй Пин. Конечно же, никто им правды не сказал. Дескать, никакой маньчжурской полонянки, то бишь пленницы, в остроге нет, так что ищите вашу кралю в другом месте, но те, конечно же, не поверили. Потому за первыми посланниками последовали и другие. Но и они ушли ни с чем.

Видно, и впрямь знатная девонька, подумал тогда Федор. Дело приобретало крутой оборот. Мало того, что маньчжуры грозились силою выволить Саньку, они еще обещали жаловаться на казаков московскому царю. Но Опарин, успев привязаться к этой красивой богдойке, и думать не хотел о том, чтобы возвращать ее маньчурам.

Когда Наталья, жена Федора, поняла, что эта азиатка останется в их доме, более того, что муж Федька, этот ненасытный кобель, собирается сделать ее наложницей, тут же слегла. В доме переполох. Сыновья Федора Петр и Тимоха в панике. Мамку лихоманка одолела! А все отец... И зачем он эту узкоглазую в доме приютил? Нехорошо это, не можно так жить при живой-то жене. А может, взять да порешить эту разлучницу? Почто она воду мутит! Все зло только в ней. Не будет ее – и мамка встанет на ноги.

– Только посмейте! – подслушав нечаянно разговор братьев, замышлявших убийство его наложницы, грозно предупредил их отец. – И не посмотрю, что вы мои сыновья. Обоим ноги повыдергаю.

²³ Дзяньдзюнь – высокий чин в древнем Китае.

Старший восемнадцатилетний Петруха, услышав это, вскипел и даже вгорячах бросился на Федора, но тут же получил такую оплеуху, после которой он долго не мог оправиться.

– Я те покажу, как на отца руку поднимать! – весь бледный, говорил Федор. – Еще молоко на губах не высохло, а туда же. Лучше побереги силенки для ратных дел.

Сыновья-то у Федора все в него пошли. И Петька, и погодок его Тимофей. Но покамест у хозяина семейства еще хватает силушки, чтобы с ними справиться. Чай, не старик еще – в прошлом месяце только сорок пять годков стукнуло. Если учесть, что дед его до девяноста лет дожил, то это всего ничего. И батька бы дожил, но чума его свалила, это когда в Москву та страшная болезнь пришла с южной стороны. Может, купцы ее завезли, а может бродяги какие. Но народу тогда вымерло – жуть!

После крутого разговора с Федором сыновья его больше не пытались строить козни азиатке, однако в душе не простили и ей, и отцу материнских страданий. Глядели на тятку исподлобья, да и наложницу его не жаловали ласковым взглядом. В общем, с некоторых пор в доме воцарилась непогода. Видя, что так продолжаться долго не может, Федор нанял плотников, при этом самых лучших в округе, и те срубили почти что по соседству с его избой просторный теремок на подрубке с резными подзорами над окнами и на крыше. Место для постройки Опарин выбирал сам – чтоб недалеко было до крепостных ворот. Это на случай, если вдруг на горизонте появится враг – тогда меньше времени потребуется, чтобы увести Саньку с Маняшкой под защиту крепостных стен.

Строительный материал для хором и искать не надо было. Вот она тайга-то перед глазами с ее вековыми могучими соснами, лиственницей да березой. Срубленные на корню деревья можно тут же пускать в дело.

Опарин спешил, поэтому строители поначалу решили рубить обычную курную избу, какие были у многих здешних переселенцев. Обтесанные стволы они укладывали плашмя на «пошву», – прямо на землю. Но тут Федька вдруг вспомнил, что строит-то он не для кого-нибудь, а для знатной барыньки, и потому приказал ставить дом на подклеть, чтобы жилая его часть не зарывалась зимой в снег, а весной не тонула среди луж. Негоже такой девке жить в простой избе – надобно, чтобы было все, как в городе.

А плотникам что – им бы только платили, а уж они-то сделают все, что им прикажут. У Федьки, который в последние годы только и делал, что грабил бояр да купцов, денег была, и потому дело шло споро. Терем рос прямо на глазах. Закончив рубить подклеть, где можно было поместить домашний скот и птицу, ремесленные мужики принялись за строительство над нею горниц. Они укладывали бревна «в клеть» – вперекрестку, а углы с выпущенными концами крепили, врубая одно бревно в другое, чтобы эти углы не промерзали зимой. Чтобы бревна лежали плотно одно над другим, между ними прокладывали сухой мох, который мягким пушистым ковром расстился в тайге прямо под ногами.

На верхний этаж, в красный ярус, можно было подняться по лестнице через высокое крылечко, а по накату по сходням спуститься в хозяйственные склады – сени, в которых могли свободно уместиться телега и сани.

Крышу теремка мужики сделали так, чтобы на ней не задерживались ни снег, ни дождевая вода. Покрывали же гонтом – щепой, отчего та стала похожа на еловую шишку. В итоге теремок, построенный без единого гвоздя, получился крепким, красивым и, что очень важно, без щелей.

Когда дом был готов, Опарин заставил плотников вырубить топорами украшения на потолочных балках, на наличниках окон и на широком просторном крыльце. Только после этого он привел сюда азиаток.

Посмотреть на чудо люди шли даже из дальних деревень. Сколько судов да пересудов было! Особливо не жалели Федькин слух бабы. Уж они-то позубоскалили, уж они-то поиздевались над человеком! Мол, жене своей таких хором не отстроил, а этой узкоглазой фре –

пожалуйста! И где он только деньги взял на все это? Не иначе как воровал всю жизнь, а еще хуже – грабил честной народ.

Что до мужиков, то эти Федьку и не думали осуждать. Они деловито обошли теремок и похвалили хозяина. Лепо! Что ж, мол, такому терему и Москва бы позавидовала. А вот им никогда таких хором не видать. Это ж сколько соболей нужно продать, чтобы построить такой вот сказочный чертог?

После того, как строительство было закончено, Опарин стал жить, как говорится, на два дома. День в одном поживет, день в другом. И ни один из этих домов войсковой старшина без куска хлеба не оставлял. Коль, как говорится, взялся за гуж...

...Федька даже крикнул от восторга, когда Санька вместе со Степкой в третий раз окунулась в реку с головой.

– Ну, молодцом, молодцом! – вырвалось у него из груди.

Вот так, теперь и Санька со Степкой у него крещенные. А это означает, что они навеки повязаны через русского Бога и с ним. И это радовало войскового старшину.

Будто бы почуяв его взгляд, азиатка пристально посмотрела в сторону берега. Отыскав глазами Федора, кротко улыбнулась и зарделась румянцем. Это даже видно было издали. Привыкает, девонька, потихоньку к своему положению, удовлетворенно подумал Федор. Даже лепетать по-русски начала. А ведь поначалу все брыкалась. И кричала на него на своем языке, и царапалась, и кусалась. Было, что и с кинжалом на хозяина своего бросалась. Ну прямо дикарка какая-то! Но он-то верил, что в конце концов обломает ей крылья. Чай, не в первой ему с пленными наложницами возякаться. Когда они с Разиным ходили на Персию, то многие тогда казаки привезли с собой полонянок. Среди них тоже были отчаянные. И дрались, как Санька, и кусались, и с кинжалом на казачков бросались. Однако потихоньку свыклись со своей участью, а иные даже и полюбить сумели разбойников. У Федора тоже была одна такая, Фарюзой звали. Месяц позабавился с ней, а потом в Самаре обменял ее на бочонок браги.

Последней была цыганка Дуся. Красавица, но больно уж дерзкая и взбалмошная. Она родила Федору сына, но когда он ушел в очередной поход, сбежала от него вместе с дитем, прихватив с собой все имевшиеся в доме драгоценности. Искать ее Федор не стал. А зачем? У казака своя доля, у цыган своя. И никогда им не быть вместе.

4

Те веселые дни Федор вспоминал с чувством. Конечно, все тогда плохо кончилось, но зато как погуляли! После этого ни дыба была не страшна казакам, ни виселица. Потому и умирали с улыбкою на губах, бесстрашно глядя в глаза палачам.

Внебрачного сына Федор решил назвать Степкой – в честь Степана Разина, с которым он когда-то ходил разорять боярские гнезда и за что чуть не поплатился жизнью. Малыш был живой, шустрый. И крупный – в отца. Ему всего-то от роду четыре месяца, а он уже дошлый такой – кулачком батьку тычет. А ну мол, подожди, вот вырасту – всем задам.

Федор – человек суровый, но при виде Степки душа его сахарной становится. Последыш, так сказать, любимый сын. Не все в остроге понимают веселый настрой старшины, не все разделяют его чувства.

– Безбожник! – часто слышит Федька за своей спиной. Божьи законы, сукин сын, нарушает. Что Иисус наш говорил? Правильно, не прелюбодействуй, а он что?

В основном, конечно, его осуждали бабы, жалея Наталью. Но что с этими злыднями поделаешь? Бабы они и есть бабы. Другое дело их мужья, которые в большинстве своем были на его стороне, понимая, что все они на этом свете не святые. Остальные же не осмеливались осуждать его в глаза. Слишком у Федора крутой нрав, а еще – темное прошлое. Ведь, по слухам, с самим разбойником Степкой Разиным этот здоровяк якшался. Его б в кандалы заковать, а

он, понимаешь, на свободе брагу пьет да над людьми посмеивается. А Федор и впрямь тот еще вор! Похлеще, быть может, того же Гришки Отрепьева или Ваньки Каина. И, слава Богу, люди не знают всего, что он натворил за свою жизнь.

На Федора вдруг нахлынули воспоминания. Он вспомнил, как они с Натальей крестили своего первенца. Тот, пока шли в церкву, спал на руках матери, а тут вдруг, услышав чужие голоса, завелся. И так плакал, так плакал...

– Успокой, сестра, свое чадо, – мохнато глянул на Наталью длинный, словно жердь бельевая, диакон. – Не то батюшка осерчает.

Федька с Наташкой стали успокаивать малыша, а тем временем диакон поставил посредине церкви медную купель, рядом положил на столик серебряный ковчежец-мирницу, требник, свечи и белоснежное вышитое крестами полотенце.

Из алтаря вышел батюшка в эпитрахили²⁴ и стал совершать чин оглашения. В одной из молитв он назвал младенца новоизбранным воином Христа Бога и молил Господа дать ему Ангела Хранителя. Склонившись над ребенком, он трижды подул на него и произнес:

– Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его.

После этих слов хныкавший пред тем Петька вдруг примолк и, как показалось Федору, выразительно посмотрел на священника.

– Ангел его успокоил, – прошептала на ухо Федору Наталья.

– Теперь приготовьтесь к таинству крещения, – неожиданно шепнул молодым родителям диакон.

– Отреши его ветхость и обнови его в жизнь вечную, и исполни его Святого Твоего Духа, – проговорил батюшка.

Крестная мать, а это была Авдотья Семеновна, Наташкина бывшая соседка, положила Петьку на скамью и стала освобождать его от одеяла и пеленок. Малыш не издал ни единого звука. Только улыбался блаженно и что-то пытался говорить.

В знак душевной радости над чашеобразной купелью зажгли три свечи, и по одной свече дали восприемникам. Батюшка облачился в светлую ризу, опоясал руки серебряными поручами и стал читать молитву о неизреченном величии Божьем, бесконечной любви его к роду человеческому и наитию Святого Духа на крещенскую воду.

– Ты убо человеколюбче Царю, освяти воду сию!

Батюшка трижды благословил глядевшую на мир голубыми глазами ангелов воду, погрузил в нее пальцы, сложенные для благословения, и три раза подышал на нее, при этом приговаривая:

– Да сокрушатся под знаменем креста Твоего все сопротивныя силы!

Из серебряной мирницы батюшка взял тонкий помазок, обмакнул его в священный елей и начертал на воде троекратный крест.

– Благословен Бог, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир!

Следом, склонившись над Петькой, батюшка стал помазывать тело его крестом.

– Помазуются раб Божий Петр елеем радования, во имя Отца и Сына и святого Духа!

Голенького помазанника батюшка взял на руки и погрузил в купель.

– Крещается раб Божий Петр!

После этого Петьку облачили в белые ризки, повесили на шею крестик на светло-синей ленточке и пропели радостными голосами:

– Ризу мне подаждь светлу, одейся светом, яко ризою!

---

²⁴ Эпитрахиль – одно из облачений священника.

Потом было еще что-то... Кажется, батюшка читал Евангелие о прощальном заповедании Христа идти в мир и крестить всех людей во имя Его... Произносилась ектиния²⁵ о милости, жизни, мире, здравии и спасении новопросвещенного младенца Петра.

– Как пророк Самуил благословил царя Давида на царство, так благослови и главу раба Твоего Петра!

Это были последние слова священника, после чего он сделал постриг младенцу, отдав тем самым его в руки Божии.

Дома их уже ждали Федькины родители. Накрыли стол, выпили за новоокрещенного, порадовались за него – так и прошел славно день. А утром снова дела...

Кажется, недавно это было, а вот уже и сыновья выросли. Теперь вот этого маленького Чингисхана надо поднимать. Но ничего, подыдем, лишь бы войны не было, подумал Опарин.

– Что, на сына никак налюбоваться не можешь? – усмехнулся стоявший рядом с Федором бывший новгородский стрелец, а ныне знаменщик Васюк Дрязгин.

Его только чудо спасло от виселицы после того, как он встал на сторону бунтовщиков, призывавших народ не подчиняться царским указам, а вернуться к порядкам, какие были в Новгородской вечевой республике, где жилось вольготнее, потому как власть себе выбирали сами граждане города.

– Ты вот скажи мне, друг мой разлюбезный, как теперь жить-то собираешься? У тебя ж родная жонка есть, а ты... – Васюк покосился на стоящую поодаль Наталью.

– Непочто меня корить, – мельком взглянув на долговязого и узкотелого товарища, недовольно пробурчал Федор. – Детей я вырастил. А коль так – теперь могу и душу отвести.

Васюк усмехнулся.

– А то ты у Стеньки Разина ее не отвел! Гуляли так, что вся матушка Русь сотрясалась. Али не правду говорю?

Васюк был для Федора первый в крепости товарищ. Они столько вместе натерпелись, прежде чем оказались на Амуре. Считай, всю тайгу прошли от начала до конца в поисках вольного угла.

Тот был чуть постарше войскового старшины, однако до сей поры семью так и не завел. На вопрос Федора, почто тот бобылем живет, отвечал, что, мол, еще успеется. Хотя куда тянуть? Иные в такие лета уже с внуками нянчатся.

Федор привез тогда семью, считай, в чисто поле. Сердобольные люди поселили их в курене из соломы. Там же и Васюку нашелся угол. Вставали рано, ложились поздно. Впереди была зима – нужно было обустроиваться и заготавливать пищу. Сыновья помогали отцу рубить за крепостной стеной избу, тогда как жена Наталья с дочкой Аришкой солили в бочках грибы, собирали ягоды да травы от всяких болезней, шили из шкур, что выменяли у тунгусов на бусы и кольца, ергачи²⁶ и унты.

– А Наталья? Ты подумал о ней? – неожиданно спросил товарища Васюк.

– За Наталью не бойся... Я ее в обиду не дам, – нахмурил брови Опарин. – Чай, жена все ж она мне.

– Жена-то жена, да огнем обожжена, – нечаянно подслушав разговор товарищей, молвил неслышно подкравшийся к ним сзади хорунжий Ефим Верига, который пришел на Амур вместе с Черниговским.

Это была его привычка появляться внезапно. Ходит, будто лиса, говорил о нем Опарин. Станный, мол, это человек, и глаза его какие-то плутовские. А уж норова в нем! Короче, та еще заноза в заднице.

---

²⁵ Ектиния – моление, читаемое диаконом или священником.

²⁶ Ергач – меховая шуба.

В отличие от Федора, Верига не был богатырского сложения, однако ловкий такой – хоть черту в дядьки. Так что порой и местные богатыри бывали биты им. А еще он хорошо владел саблей, потому как был потомственным казаком. А то, что у него была темно-рыжая борода и карие глаза с раскосинкой, так это все оттого, что родила его оттоманка, которую отец, запорожский казак, привез из дальнего похода.

В Албазине поговаривали, что Ефим неровно дышит к Наталье Опариной, которая к своим годам не потеряла еще былую красу. Светлая, статная, голубоглазая, с длинной пшеничной косой, как бы нечаянно переброшенной на высокую грудь, она до сих пор привлекала внимание мужиков. Величавая славянка. Пройдет – словно солнцем осветит. Посмотрит – рублем одарит. Бывало, выйдет по воду с коромыслом на плечах, а казачки тут как тут. Смотрят ей вслед и крикают, поправляя не вдруг затопорщившийся ус. Хо-ро-ша!

О том, что Ефим был влюблен в его жену, Федор давно догадывался. Но он не злился на Веригу, понимал, что Наталья никогда не изменит ему. Потому вся эта история с Ефимовым увлечением лишь тешила его мужское самолюбие.

– А ты не лыбься, ведь через бабу все беды-то и бывают, – предостерегал его Васюк.

Ну, это для Федора не ново. Все он знал и про баб, и про то, как из-за них боем смертным дерутся. А тут еще его Санька, сама того не ведая, масла в огонь подлила. Ох, не простит ему Ефим того, что он не отдал ему эту восточную красулю. А ведь как просил! На коленях готов был умолять. Мол, у тебя есть и жена, и детки, а у меня никого. Отдай мне девку. Но разве Федор когда отдаст золото, что в руках у него лежит?

– Что, и ты, Ефим, вздумал меня судить? – зло посмотрел на хорунжего Федор.

– А ты-то сам рази не судишь себя? – ответил тот. – Такую бабу да на узкоглазую променять! Эх, жаль, не я ее муж...

Федор фыркнул.

– Сам себя не хаю, да и людей не хвалю, – жестко проговорил он. – Хваленый пуще хаянного. А что касается моей жонки... Так это не твоего ума дело, что у нас там в семье творится, понял? Вот заведи свою половину – тогда и лай...

У, дьявол, в самое сердце уколол, скрипнул зубами Ефим. Да была у него эта половинка, была! И детки были. Только их всех в полон османы проклятые увели. Это когда еще Верига за Днепровскими порогами жил, в Сечи Запорожской, где вместе с товарищами веру и земли христианские берег от басурман заморских. Он пытался искать своих родненьких – да куда там! Это то же самое, что иголку в стогу сена найти. Османия большая. Там и горы высокие, и пустыни необъятные. Пойди, обойди все это. Море переплыть оно можно, а потом куда? Было, рыскал он по этим горам да пустыням – все напрасно. Будто бы сквозь землю его детки с женою провалились.

– Ну-ну, – как-то нервно подергал за висящую у него в мочке левого уха золотую цыганскую серьгу Верига и отошел в сторону, оставив Федьку с Васюком одних.

Однако и после этого продолжал тянуть к ним ухо, чтобы услышать, о чем они там говорят. Но те больше молчали, попыхивая трубками.

5

Но вот обряд крещения завершился, и под пение псалмов, исполняемых монашками и послушниками, старец велел пастве выходить на берег. Люди не сразу откликнулись на его призыв. Они стояли по пояс в воде, из-за торжества момента не в силах прийти в себя. Даже младенцы не плакали на руках своих матерей – будто бы чья-то невидимая ласковая рука успокоила их. Не Божия ли то Мать была, чей лик блаженно светился в лучах восходящего солнца на одной из святых икон?

Наконец обретя себя, люди начали выбираться из воды. Чутьочку растерянные, но просветленные. Мамаши тут же принялись менять у своих чад мокрые пеленки. Часть окрещенных, как и подобает в таких случаях, надели на себя белые длинные рубахи, остальные же, у кого по каким-то причинам таковых не оказалось, обошлись и так.

– Чада мои, а теперь послушайте, что я вам скажу – дождавшись, когда его помощники обнесут всех окрещенных гайтанами²⁷ с медными крестиками, заговорил вдруг Гермоген. – Вы только что приобщились к святому таинству и приняли православие. Честь вам и хвала! Пройдут годы, и вся эта земля, на которой мы с вами стоим, все люди, населяющие ее, вольются в ряды православного братства. Но вы будете первыми, кто понесет свет Господний по этой стороне. Это есть великое предназначение православия. От Востока звезда сия засияет. Так что в путь добрый, православные! Внуки не забудут вашего подвига духовного.

Эти слова произвели впечатление на людей. И на тех, кто только что принял обряд крещения, и на стоящих вокруг зевак. «Во как! Во как! – говорили они. – Выходит, мы свет Господний несем по этой земле. Однако!»

Старец, исполнив службу, уже хотел было повернуться и покинуть берег, когда к нему подошел Никифор Черниговский в сопровождении своего сподручника Игнашки Рогозы.

– Отче, благослови, – наклонившись и поцеловав руку старцу, попросил атаман.

Тот дотронулся до его чела и осенил крестным знаменем. Никифор расправил плечи. Кряжистый, чернобородый, остроглазый, он был похож на матерого ястреба, зорко и одновременно недоверчиво глядящего на этот суровый мир. Хотя что ему теперь бояться? Царь Алексей Михайлович, в отличие от Ивана Грозного и иных своих предшественников, не желал выдавливать из своих подданных кровь и душу и потому часто прощал провинившихся. «Лучше слезами, усердием и смирением перед Богом промысел чинить, чем силой и надменностью», – говорил он.

Вот и Никифору повезло. В 1672 году опальный атаман со своими сподвижниками, благодаря их героическим делам на Амуре, был помилован и назначен царским приказным человеком в Албазине, после чего этот острог первым в Сибири из «воровского» превратился в державный. «И пусть Никифор Черниговский с казаками те рубежи на Амуре-реке сторожит и на тех рубежах стоит насмерть», – наказал царь. А ведь незадолго до этого «беглый поляк» вместе с главными сообщниками, всего семнадцать человек, были приговорены к смертной казни, а сорок шесть человек остальных, приставших к шайке после убийства воеводы, к отсечению рук и наказанию кнутом. И вот теперь новый указ.

Никифор даже прослезился, когда ему прочли его. И так он проникся чувством к царю, которого еще недавно поносил на чем свет стоит, что ему тут же захотелось дел ратных во славу отечества. Чтобы угодить государю, чтобы тот понял, что не ошибся в нем, в Никифоре, даруя ему прощение.

Пред тем атаман не больно-то усердствовал, понимая, что все его добрые дела не будут замечены Москвой, потому больше бражничал, бывало закатывая по случаю и без такового великие пиры. А еще разбойничал на богдойских дорогах, грабя азийских купцов и устраивая сечу с отрядами попадавшихся на его пути маньчжуров. Гермоген часто выговаривал ему за это, когда тот возвращался из очередного похода с трофеями.

– Не то творишь! – говорил он ему. – Врагов себе наживаешь, а нам друзья на Амуре нужны.

Но что Никифору до его слов! Мол, святой отец, ну о чем ты говоришь? Мы люди вольные, посему творим все, что заблагорассудится. Что же касемо пьянства – но да ведь и Господь любил пображничать со своими апостолами. Али не сказано в Священном писании, что вино есть возбуждение духа человеческого?

---

²⁷ Гайтан – шнурок для крестика.

– И потеря ума, – тут же добавлял старец, для которого вино всегда было лишь высочайшим Таинством Тела и Крови Господней, и оно заповедано Господом лишь для святого причастия, а не для жбанства.

Атаман лишь горестно вздохнул. Он понимал, что Гермоген – государственный муж, вот он и радуется за державу, а он, Черниговский, – человек пропащий, можно сказать, обыкновенный висельник. Тогда на кой черт ему нужна эта праведная жизнь, о которой постоянно твердит ему старец? И он продолжал гулять и разбойничать на дорогах.

– Гордыня в тебе, гордыня сидит, – упорно стоял на своем Гермоген. – Оттого и все твои напасти. Ведь Господь гордым противится, а смиренным дает благодать.

Но теперь вроде бы все наладилось. Получив царское прощение, атаман все больше стал вникать в дела уезда. Он все чаще навещал соседние селения, стараясь помочь людям где словом, где делом, а если надо, то и устраивал кому-то нагоняй за лень, дебоши и другие проступки. Бывало, что и морды бил провинившимся, и нагайкой порол. Люди не обижались на него – на то он и атаман.

Лишь одну слабость Никифор для себя и для товарищей своих оставил. Как пили раньше его казаки, так и теперь без браги да горелки никуда. Гермогену это было не по нраву. Он злился, порой даже кричал на Никифора и, вспоминая слова Моисея, обливавшего в своих песнях пьянство, называл аспидом с полей Гоморрских. А Никифор только улыбался.

– Ну какой казак без буйного веселья? – спрашивал он старца.

Мол, читый, то бишь трезвый казак – это уже не казак, а баба. Тяжкая служба требует праздников, иначе иссохнет отчаянная душа. Оттого и зобают горелку да брагу казаки, находя в этом отдохновение. А еще черпая ярость и силу для будущих подвигов. Но Гермоген эти слова пропускал мимо ушей. Он так и считал, что пьянство – дело ледащее²⁸ и пагубное. И что напрасно атаман не бажит²⁹ слушать его – ведь он на путь истинный пытается его наставить. Но только вот пока не получается...

За благословением к старцу стали подходить и другие казаки. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...», – не переставая, шевелились губы Гермогена, старавшегося осенить крестом каждого, кто припадал к его руке.

– Солнышко маит ноне – аки чертова сковорода, – благословив толстозадую казачку, неожиданно произнес Гермоген и вытер рукавом разваренное на солнце потное лицо.

– Да уж!.. Отче, тут ко мне одна мыслишка пришла, – улучив момент, обратился Никифор к старцу. – Хочу на будущей недельке королевство свое объехать, по острожкам здешним да заимкам прогуляться. Скоро зима, вот я и погляжу, как там народ к ней готовится. Может, у людей жалобы какие имеются али просьбы. А еще я слыхал, что в иных весях вместо того, чтобы строить жилье и запасаться едой, люди баклушничают, а то и вовсе пребывают в сплошном пьянстве. Забывают, видно, горемычные, какие тут зимы лютые. Ну рази ж их переживешь без теплого крова да еды?

Старец согласно кивнул.

– Хорошее дело задумал, сын мой. Так что получай мое благословение и ступай себе с Богом, – сказал он. – А там сам смотри. Коль надобно будет, так и власть примени. Наша крепь державная – это вера и порядок. Так что давай, не тушуйся.

Он немного помедлил и вдруг:

– А ведь от тебя, братец, сивухой разит. Смерть как разит! – повторил он и поморщился. – Вижу, хорошо вчера ироды погуляли.

– Хорошо, отче. Лучше некуда, – склонив голову, виновато проговорил Никифор.

---

²⁸ Ледащий – дрянной, негодный.

²⁹ Бажить – желать.

– Ну и много крови-то было? – заметив, как поникла у того голова, спросил старец. – Вижу, по глазам твоим бесстыжим вижу, что и на этот раз без мордобоя не обошлось. Али я не прав?

Атаман поморщился.

– А не бери в голову, старче! Ведь никого ж не зашибли. Тада какой разговор? – сказал он. – Но это, поверь, в последний раз. Больше никаких раздоров у меня в праздники не будет. Не то я...

– Да иди уж, аника-воин! – махнул рукой Гермоген. – Я как погляжу, на словах ты и так, и сям, только на деле никак...

Атаман нахмурился.

– Обижаешь, старче. Я ведь казак, а ты меня с дерьмом смешать хочешь. А заслужил ли я этого?

Старец хмыкнул.

– Ишь как загоношился! Видать, пробрало. Ну так помни: живи по слову, да спасешься словом. Говорю, слово закон; держись за него, как за кол.

Глава 4. Богдойский берег

1

Федор тогда одним из первых узнал, что атаман собирается на несколько дней покинуть крепость. Ну вот теперь можно и душеньку отвести, подумал. Как только Никифор выедет за ворота, он возьмет с собой товарищей верных и махнет на богдойский берег. И пойдут они по чужим дороженькам гулять, нападая на богатые караваны торговцев. Жалованье-то у казаков до сей поры дуванное, правда в последнее время кое-что и Москва стала подбрасывать. Но это крохи. А у Федора молодая наложница, которую нужно одаривать дорогими подарками. Поди, привыкла в своих дворцах-теремах к роскоши. Но атамана в последнее время будто бы подменили. Сам не балует и другим на большую дорогу выходить не дает. Хорошо еще гульбища не запретил, а то бы вовсе можно было от скуки помереть. А казаку скучать вредно, потому как скука разъедает его нутро. Это еще им на Дону покойный Степан Тимофеев Разин, любимый атаман, говорил. А еще он говорил, мол, жизнь человечья короткая, так что нужно жить во всю прыть.

Федор уже и не помнил, когда в последний раз бывал за Амуром. Хватит, Федька, нагулялся, теперь делом займись, сказал ему Никифор вскоре после того, как Опарин привез в крепость Саньку. Вон, мол, сколь голытьбы прибывает, челдонов там всяких да бродяг – нужно их ратному делу учить. Не ровен час, маньчжуры встанут у стен крепости. Так что нам воины нужны, а не бродячие псы.

Вот и приходилось Федору весь день коротать в поле, обучая новичков ратному делу. Занимались джигитовкой, рубились на саблях, стреляли из мушкетов и пищалей. Кто был казацкого рода-племени, с теми было легче. Эти с детства к коням и к оружию приучены. Труднее было с деревенщиной и всеми этими бродягами, которых судьба прибила к далеким берегам. Те никогда не держали в руках ни сабли, ни секиры, разве что дровяник³⁰, что есть в каждом хозяйстве. Но да ведь и с ним нужно умеючи обращаться. Федор знает, как такие же вот упыри, вооруженные топорами да вилами, обращали в бегство целые хорошо вооруженные и обученные армии. Так было во время крестьянской войны Болотникова, а потом и разинского бунта. Так что все дело за выучкой.

Но мысль о том, чтобы погулять по маньчжурским просторам, не оставляла Федора. Годы, проведенные на Дону, не прошли даром. Вольная воля это великая сила. И кто однажды ее вкусил, тот уже никогда не сможет дышать иным воздухом.

Вот и Федька теперь не мог жить без воли, без быстрого коня, острой сабли и свиста ветра в ушах. Да подними его среди ночи и вели сесть в седло, он тут же про сон свой забудет и понесется судьбой неведомой к новым подвигам и приключениям.

Федор помнил, как возликовала его душа, когда год назад атаман вызвал его к себе в приказную избу и велел ехать за Амур к князьям даурским, дабы уговорить их вернуться со своими людьми на родные пепелища. И скажи им, говорил Никифор, чтобы они не слухали богдойцев, потому как те добру не научат. Пусть возвращаются под крыло русского богдыхана и пребывают с нами в мире и согласии. А то ведь негоже могилы своих предков оставлять, негоже землю непаханой бросать, превращая леса и поля в сплошную пустошь. Так, мол, и скажи: русские люди не жадные, они со всеми душа в душу жить хотят. А то ведь земель собрали много, а кто будет на них хозяйствовать? Живут же вместе с русскими ясашные народы на Волге и Урале – и ничего. Вот и вы, мол, присоединяйтесь к нашей большой семье.

---

³⁰ Дровяник – топор.

Для похода Федор отобрал самых надежных людей, вместе с которым ему не раз приходилось вступать в схватку с врагом. Разные пути привели их в этот край. Кто-то бежал сюда, спасая свою шкуру, кто-то пришел за волей, кого-то позвали рассказы о богатом крае.

В большинстве то были старые его товарищи – донские казаки, которым, как и Федору, удалось в свое время избежать виселицы и уйти на Амур. Это Гридя Бык, Иван Шишка, Семен Онтонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские. Всего двадцать сабель.

Был погожий сентябрьский денек, когда войсковой старшина во главе отряда казаков переправился с лошадьми через Амур и пошел плутать по незнакомой земле. Когда плутать надоело, нашли в одной ханьской деревушке человека, который знал, где находятся бежавшие из-за Амура даурские люди. Тот, как потом выяснилось, шибко не любил маньчжу, которые разоряют ханьские города и селения, убивают людей, не жалея даже женщин, стариков и детей.

Фан, а так звали этого невысокого сухонького проводника, сам видел, как маньчжурские воины бросали грудных детишек в огонь, насиловали их матерей и уводили в рабство их отцов. Потому он и хочет помочь элосы – русским, у которых свои счеты с маньчжурами. Вспомнить хотя бы то, как эти маньчжу несколько лет назад разрушили русские крепости, полностью опустошив земли на левом берегу Амура. Но теперь элосы вернулись. У них есть пушки и ружья и им не страшны воины богдыхана. Это им, ханьцам³¹, остается только уповать на небо. А вот собраться в один кулак и изгнать врага со своей земли им пока что не по силам. У маньчжу многотысячная, хорошо вооруженная армия, так что одолеть их очень сложно.

А ведь старики говорят, что и у них, ханьцев, когда-то было свое сильное и могущественное государство и звалось оно Мин. Власть китайского императора распространялась чуть ли не до самой Африки. Китайские товары – хлопковые ткани, шелк, чай, рис – хорошо расходились по миру и страна процветала. Но тут начались войны.

Вначале на север Китая вторглись монгольские полчища Алтан-хана, следом подверглась нападению Япония Корея, бывшая частью империи. Китайцам, развернувшим многомиллионную армию и большой флот, удалось отбросить врага со своих территорий. Однако потери империи были огромны. А тут еще эта чума, неурожай, голод, которые также унесли миллионы жизней.

Народ охватило отчаяние. По всей стране прокатились городские и крестьянские восстания. К середине семнадцатого века мятежные режимы возникли во всех уголках империи. Последний император династии Мин, Сы-цзун, покончил с собой, когда в 1644 году в Пекин вошли мятежные войска Ли Цзычэна. Маньчжуры в ответ на просьбу о помощи осажденной династии Мин выдворили из столицы Ли Цзычэна и установили собственную династию – Цин, создав самую великую империю со времен монголов.

С тех пор ханьцы уже не хозяева в своей стране, они – рабы чужеземного правителя Шэн-цзу. Теперь все главные посты в государстве занимают маньчжу, а во всех крупных городах и на границах империи стоят маньчжурские военные гарнизоны. Дошло до того, что завоеватели попытались изменить местные традиции и заставили учить ханьцев свой язык.

2

Фан поведал, что бывшие «русские» дауры ушли за Большой Хинган в долину Сунляо. Там, мол, на берегах реки Нонни их и надо искать.

Фану дали коня, и он повел отряд по своим только ему ведомым тропам. Тишина, и лишь слышно было, как лошади шевелят еще не успевшие пожухнуть высокие травы, да как трещат под их копытами сухие ветки. Глухой край. На десятки верст ни одного селенья. Одни только

³¹ Ханьцы, хани – титульный народ Поднебесной, китайцы.

сопки, покрытые монгольским дубняком, густые смешанные леса, перелески да ерники³². Иногда в долинах попадались ручьи и небольшие речушки, где всадники могли напоить своих усталых коней.

Однако, чем ближе была цель, тем все чаще на их пути стали встречаться мелкие гнезда хижин с пятнами огородов и даже целые деревни. На близость жилья указывали узкие дороги, которые белой пылью уходили через поля, рощи, леса и кустарники.

В яркий короткий полдень где-то вдали дрожала бледно-сизая дымка – будто бы то было море. И снова навстречу попадались хижины с огородами, рисовые чеки, на которых по колено в грязи копошились какие-то люди. Порою вдруг дорогу казакам преграждали огромные, словно серые скалы, волы, неторопливо тянувшие за собой груженные рисовой соломой повозки.

Чтобы не напороться на маньчжуров, Фан старался избегать наезженных дорог. Потому их путь постоянно пролегал то через горы и леса, то через заливные луга, а то и болота. Гуськом оно бы еще ничего – так всегда легче. Но Фан просил казаков, чтоб они не шли строем. Служивых это удивило, но только не Федора. Тот знал, что это была обычная уловка хунхузов, китайских татей, промышлявших грабежами. Так, двигаясь вразброд, они заматали свои следы. Иначе образуется тропинка, которая приведет любого врага к их лесной фанзе. Этот же манер был в ходу у маньчжуров, монголов и крымских татар, совершавших набеги на Русь.

– Ты что, хунхуз? – спросил Федор ханьца.

– Хо-фэй! – замотал тот головой, мол, он не хунхуз, давая понять, что просто знает их повадки.

Фан боялся, что какой-нибудь летучий маньчжурский отряд случайно заметит свежую тропу и пустится за ними в погоню. А он умирать не хотел, потому как в родной фанзе его ждала жена и целая куча детишек. Ну а маньчжуры обязательно его убьют, коль узнают, что он нанялся к русским проводником. А тут и без того его жизнь висит на волоске – ведь маньчжурский император в своем высочайшем указе запретил ханям селиться к северу от Великой Китайской стены. Но те часто нарушали этот указ, за что следовала неминуемая расплата. Застигнутые маньчжурскими воинами врасплох, они гибли от ударов острых мечей и ядовитых стрел, а на месте их жилищ оставались пепелища.

...Девственная пустынь. Казалось, в этот мир еще ни разу не ступала нога человека. Настолько здесь все было свежо и первобытно. Середина сентября, марфино лето, но природу покуда не тронула осенняя седина. Все также радуют глаз высокие буйные травы, и эта зеленая осока вокруг озер, и темно-изумрудные барашковые вершины высоких сопков. Хорошо и привольно на душе! Однако, несмотря на столь благодатное расположение духа, глаз казака постоянно блуждал по сторонам, пытаясь углядеть признаки внезапной беды, а острый слух его улавливал каждый посторонний звук.

На пятый день пути, миновав череду перелесков и обойдя стороной бескрайнюю болотистую кочку, казаки оказались в долине, окруженной с двух сторон высокими горными хребтами.

Вся она до горизонта была покрыта зарослями гаоляна. Опарин знал, что этот злак для китайцев был все равно, что для русского пшеничка или рожь. Его зерно они перерабатывали в крупу, в муку и спирт, а из соломы делали циновки, ей же крыли крыши фанз. Кроме того, гаолян шел на корм скоту.

– Чудеса! – подивился Федор. – На носу зима, а урожай до сих пор не убран. Али некому этим заняться?

Вскоре все прояснилось. Когда казакам наконец удалось выбраться из густых гаоляновых зарослей, их глазам открылась страшная картина. У края поля на взгорке, жалостливо постре-

---

³² Ерник – кустарниковая береза.

ливая и источая едкий дымок, догорали угли – все, что осталось от трех десятков бывших деревенских фанз. Здесь же валялись обезображенные трупы людей.

– Маньчжу! Маньчжу! – указывая на пепелище, со страхом пролепетал Фан.

– Это сделали манзуры, – пояснил толмач Егорша Комар, прибывший не так давно из Иркутского городка, который, по слухам, знал не только кянский³³, но и многие иные азийские языки и наречия, которым выучился, прислуживая в доме иркутского ламы.

Фан настолько был напуган увиденным, что не захотел оставаться в этом страшном месте и, стегнув хворостиной лошадь, помчался прочь.

И снова впереди были леса, овраги и косогоры, снова были усеянные голубыми цветами осенние поля и покрытые кочкой, высушенные недавним летним зноем болотца, пока наконец на десятый день пути, перевалив через невысокую сопку, всадники не вышли к какому-то селенью. Переехав вброд небольшой ручей, они слезли с лошадей и, взяв их под уздцы, пошли в сторону разбросанных среди деревьев жилищ, всем своим видом показывая, что пришли они с миром. Жители деревушки это, видно, поняли, потому стали без опаски выходить из своих лачуг.

Фан, отыскав глазами Егоршу, что-то быстро пролепетал.

– Дауры! – перевел тот Опарину.

Навстречу казакам вышел какой-то седовласый человек.

Фан снова что-то пролепетал.

– Это князь, – перевел его слова Егорша. – Самый главный здесь.

Князь был широкоскулый и малорослый азиат, бороду которому заменяли несколько редких длинных волосинок. Его узкие глаза, похожие на щелочки бойниц, настороженно глядели на мир из-под нависших седых бровей. Несмотря на теплую погоду он вышел к незнакомцам в наброшенной на плечи роскошной, подбитой драгоценными соболями шубе и остроконечном лисьем малахае на голове, какие носили степняки и лесные люди. Видно, это так полагалось князю, но, скорее всего, тот хотел показать, что именно он здесь самая важная птица. Морщинистое лицо его, украшенное шрамами, было похоже на старое истрепанное холодными ветрами боевое знамя. Широкий кинжал с оленьим рогом, заменявшим рукоять, торчал у него за широким поясом.

3

Князь был стар, но, как всякий старый воин, старался держаться молодцом. Мгновенно определив, кто из чужаков главный, он молча поприветствовал Федора поднятием руки. Тот в ответ отвесил ему глубокий земной поклон.

Некоторое время старик пристально глядел ему в глаза – будто бы пытался проникнуть к нему в душу. О, он знал, что не всегда русские приходят с миром. Бывают среди них и плохие люди, которые способны и обмануть тебя, и ограбить, а то и руку на тебя поднять. Вот и хочется старику понять, что за люди пожаловали к ним в улус.

– Что ищут оросы³⁴ в чужих землях? – все также пристально глядя Федору в глаза, наконец спросил он.

При этом не потребовался даже толмач, чтобы понять его, потому как он довольно сносно изъяснялся по-русски.

– Да вот с добрым словом к вам пришли, – подивившись умению князя говорить на чужом ему языке, обнажил в улыбке свои крепкие зубы Опарин. – Хотим просить дауров вернуться на родную землю.

---

³³ Кянский – китайский (кяны – древнерусское название китайцев).

³⁴ Оросы – так некоторые восточные народы называли русских.

Князь недоуменно посмотрел на него, но ничего не сказал. Однако щелки его лисьих глаз вдруг еще больше сомкнулись, будто бы он пытался примериться к словам казака. Так длилось несколько мгновений, пока вдруг старик не заговорил.

– А по чину ли тебе, чужак, вести такие разговоры? Ведь ты даже не сказал, кто ты есть таков.

Федор понял, что оплошал.

– Вообще-то зовут меня Федором Петровым Опариным, но для тебя проще будет Федька, – поторопился исправить он свою ошибку. – А чин у меня простой – я личный посланник атамана Черниговского.

Князь покачал головой:

– Не слышал о таком атамане. Вот Поярка знаю и Хабару знаю, а этого нет.

– Ну то когда было! А ноне Микифорка Черниговский самый главный человек на Амуре – он царский приказчик в Албазине, – просветил князя казак. – И говорить я буду от его имени. Ну а его слова – это воля самого нашего царя-батюшки.

Он немного помолчал, давая старику возможность переварить его слова.

– Ну а ты? Уж не княже ли даурский, случаем, будешь? – спросил он старика.

Тот сделал важное лицо и кивнул головой.

– Вот и славно! – воскликнул казак. – С тобой-то мне и велели говорить.

Нельзя сказать, что появление русских обрадовало Лавкая, только обычай требовал, чтобы он пригласил чужака в свой дом.

Привязав своего коня к старому карагачу, возле которого трое двугорбых верблюдов, а по-даурски тэ-тэ, смачно жевали сено, Опарин проследовал за князем.

– Яшка, слышь?! Киргиза на тебя оставляю. – напоследок крикнул он своему сподручнику Яшке Попову.

И, заметив неподалеку стайку черноголовых карапузов, слетевшихся со всех сторон поглазеть на казаков, приказал:

– И смотри, чтоб детвора к нему под копыта не лезла. А то, не дай Бог, зашибет кого.

Этого статного, рыжего аргамака с черной гривой Федор купил у одного цыгана за десять золотых монет, дав в придачу еще богатую турецкую брошь. С норовом оказался конек. Да он и теперь недоверчив к людям, хотя нового хозяина признает. Ну разве что еще Яшке позволяет кормить его да водить на водопой. А так и лягнуть может.

Федор-то думал, что князь приведет его в богатый терем, но то оказалась обыкновенная рубленая изба. Дауры, пожив в свое время бок о бок с русичами, многому у них научились. В том числе и рубке домов в клеть. А ведь до этого большинство из них ютилось в землянках да крытых звериными шкурами куренях, и только самые зажиточные ставили себе войлочные юрты, в каких жили их монгольские предки.

В доме князя было несколько комнат с окнами, затянутыми бычьими пузырями, тогда как в соседних избах вместо окон были дыры, которые хозяева на зиму затыкали чем придется. Живут как при царе-Горохе, усмехнулся старшина. Ведь на Руси уже давно ставят в окна слюду, ну разве что в самых бедных деревнях еще в ходу брюшинные окончины. Говорят же: где оконенки брюшинны, там и жители кручинны. И напротив: где оконницы стекляны, там и жители ветляны. То есть, счастливы, приветливы.

Князь ввел Федора и сопровождавшего его толмача Егоршу Комара в горницу, пол которой был устлан богатым тянцзиньским ковром. Здесь было два небольших окна, сквозь бычью плоть которых скупно пробивался снаружи дневной свет. На ковре – круглый низенький столик, рядом с ним – расшитые золотом атласные подушечки.

Стены тоже в коврах. На одном из них в окружении пистолетов, кинжалов и сабель висели два ружья – дульнозарядная фитильная аркебуза и кремневая фузея, какие были на вооруже-

нии русской армии. Здесь же находился кан, который зимой служил для подогрева помещения и где любил возлежать Лавкай.

Князь усадил гостей за круглый столик, следом опустился на ковер сам и что-то сказал стоявшим у дверей двум молодым вооруженным кинжалами охранникам. Тут же один из них юркнул в проем, и уже скоро в горницу стали по очереди входить княжеские слуги с угощениями. Первым выставили хмельное. Это был глиняный кувшин с аракой и к нему три маленькие фарфоровые пиалы. Следом внесли фрукты, вяленое мясо конины, арсу – даурский сыр, восточные сладости, приготовленного на пару сазана, вконец прибыл большой медный казан с еще булькающим варевом, видно, только что снятым с огня. И тут же помещение наполнилось столь желанным съестным духом.

– Мне б людей своих накормить, – машинально сглотнув слюну, произнес Федор. – Да ты не бойся, княже, денга у нас имеется.

Он отстегнул от пояса мешочек с серебром. Князь остановил его взмахом руки. Спрячь, говорит, у нас с гостей денег не берут. А твоих людей и без того накормят, да и о лошадях позаботятся.

Федора его слова успокоили, и он с легким сердцем приступил к трапезе. Перед тем, как поднять чванец³⁵ с водкой, он в мыслях пославил Отца и Сына и святого Духа, потом деву Богородицу. Вслух же пожелал здоровья хозяину дома и его родне. Ели в благоговейном молчании, и только Егорша-толмач уплетал за обе щеки так, что за ушами трещало.

Федора тяготила такая обстановка. За последние вольные годы он привык к бурным дружеским застольям с грубыми и бесстыдными речами, непристойным срамословием, к смеху за столом, песням и хмельным пляскам. Было, что по пьяному делу и бесчинствовали за игрой в кости, и колотили друг друга, пугая стоящих за их плечами ангелов Божьих. Хотя прекрасно знали, что все это им припомнится на Страшном суде, потому как бесы записывают их дела и поступки и передают сатане. «Побойтесь Бога! – не раз повторял Гермоген, когда видел, что ему не под силу обуздать этих людей, отравленных бесконечной волей. – Когда иудеи стали в пустыне есть и пить и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их».

Изредка Федор, опрокинув очередной чванец, все же открывал рот, чтобы похвалить угощение. Знал, что тогда Бог придает пище благоухание и превращает ее в сладость.

Последним поставили перед гостями байдару – большой глиняный кувшин со слеваном. Этот даурский напиток уже и в Албазине успели полюбить. Дело нехитрое: кирпичный зеленый китайский чай, на крайний случай, разбор черного чая, шелунгу, истолочь в ступе, потом заварить в байдаре кипятком, влить туда кобылье молоко, положить несколько ложек сливочного масла и все это посолить по вкусу. Какое-то время напиток выдерживается, пока не станет темным. Бывает, что вместо молока в чай кладут сметану или сырые взбитые яйца. Для большой компании такой напиток готовится в деревянных кадушках, куда опускают раскаленные на огне камни, которые русские в шутку называют «жеребчиками».

– Добрый слеван, – отхлебнув из глиняной чашки завару, похвалил Федор, чем вызвал у Лавкая довольную улыбку.

Наевшись и отвалившись от стола, завели разговор. Но прежде Федор спросил разрешения выкурить трубку.

– Ты говоришь, Хабара нашего знавал? – заряжая чубук ядреным табачком, спросил он князя.

– А как же – встречались, – вытерев рукавом халата измазанные бараньим жиром губы, произнес старик. – Хороший воин был и человек душевный.

---

³⁵ Чванец – сосуд, посудина.

– А вот мне не довелось с ним встретиться, – признался Опарин. – Хотя наслышан о нем немало. Говорят, помер недавно. Где-то в Сибири, в своей вотчине.

Лавкая это известие явно огорчило.

– Как помер? – не поверил он. – Такой был богатырь. Может, отравил кто? Я слышал, у него в Москве враги были. Не они ль это его? Эх, люди-люди, и что это им неймется?

– Это все оттого, что слишком много ледащих людишек на свете развелось, – скал Федор, доставая из кармана своих широких шаровар огниво.

Подкурив, он сделал глубокую затяжку, и на его щеках появилась розовая печать блаженства.

– Ты б рассказал, княже, как с Хабаровом-то познакомился, – выпустив из легких клуб едкого дыма, попросил он вдруг хозяина.

Князь на мгновение прикрыл глаза – будто бы что-то пытался вспомнить.

– Я сказал тебе, что это был хороший человек? – спросил он казака.

И, получив в ответ утвердительный кивок, продолжил:

– Чудно, конечно, так говорить о своем заклятом враге.

– Да неужто он был твоим врагом? – удивился Опарин. – И чем же он так насолил тебе? Я слышал, он хотел жить с тобой в мире и согласии. А ты к манзурам утек.

Князь покачал головой.

– Ты ничего не знаешь, о, раб белого богдыхана, – сытная еда, видно, разморила Лавкаю, и он прилег на подушки, подперев голову рукой. – Мой народ очень маленький. А теперь представь, каково ему было жить в одной клетке с двумя могучими и свирепыми тиграми. Один неверный шаг – тут же попадешь в пасть. Не тому, так другому. В таких случаях приходится выбирать себе покровителя. Мы выбрали маньчжу. Они рядом и у них большое войско. Много, много тысяч воинов – тебе понятно? Ну а что ваша Москва! Она далеко. Ее и с самой высокой горы не увидеть. Тогда можно ли было на нее надеяться?

Федор даже поперхнулся, услышав эти слова.

– Глупый ты старик! – не удержавшись, воскликнул он. – Ты глянь: уже почти вся Европа лежит у ног нашего государя, а что твои манзуры? Да мы с нашими пушками такое можем сотворить – мало не покажется!

Лавкай как-то хитро посмотрел на него.

– Слово – это еще не дело, – усмехнувшись, произнес он. – Вот ты говоришь: пушки... Отчего ж вы тогда сдали маньчжу Албазин? Отчего сдали Кумарскую крепость? Я сам видел, как гибли ваши люди, как воины императора жгли и разрушали ваши селенья. И ничего твои хваленые пушки не смогли сделать.

Федор нахмурил брови.

– Ну, что было, то было, – проговорил он. – Но ведь тогда и время было другое. Сегодня Русь уже не та, понимаешь, старик? Скоро на Амур прибудет огромное войско, которое встанет гарнизонами по всей границе. Хотя прежде надо эти границы установить. Ты вот, княже, человек бывалый, но и ты, поди, не знаешь, где тут есть граница. Так ведь?

– Не знаю, – согласился тот.

– Ну вот, закон нужен, тогда и порядок будет. А пока же мы с манзуром к друг другу безнаказанно гуляем. Да было б хоть с миром ходили. А то ведь... – Федор вдруг внимательно посмотрел на старика. – Разве ты, княже, не чувствуешь, что порохом запахло?

– Чую, чую, – кивнул тот. – Коль оросы вернулись на Амур, обязательно война будет. И кто в ней победит, неизвестно. Был бы жив ваш Хабаров, – тогда другое дело. Шибко храбрый был атаман! Жаль, врагами расстались, а то бы друзьями были верными. Ты просил меня рассказать о нем? Ну так слушай...

4

Лавкай никогда не забудет ту зиму 1652 года. Тогда Ярко Хабаров со своими людьми уже овладел крепостями даурскими и велел даурам платить ясак русскому царю. Те упрямылись. Пытались договориться с атаманом. А у того одно слово: коритесь! Иначе худо будет. Ну и где надо силу применил. Многие князья вконец перестали сопротивляться и приняли власть белого царя. Но только не Лавкай. Не хотел он быть под пятою московского богдыхана. Думал, задобрит Хабару (кто ж откажется от дорогих подарков?), и тот оставит его в покое. Вот и повез ему два мешка мягкой рухляди.

– Воро-о-та! Эй! Гой! Гой! Гой! – ранним морозным утром послышался громкий гортанный голос у крепостных стен Ачан-городка.

На высоком земляном валу тут же показался бородатый стрелец в зипуне и островерхой лисьей шапке с тяжелым фитильным мушкетом в руках.

– Кто такие? Что надоть? – сонно спросил он.

Разглядев внизу пару саней, запряженных по две лохматых лошади гусем, снова спросил:

– Говорю, кто такие и с чем прибыли?

– Ну открывай же, орус! Князь едет. Шибко большой князь. Хабару атамана говорить, ясак ему дарить, грамота писать, – послышалось в ответ.

Стрелец наконец понял, что это за люди. Почесал заиндевелую бороду, пробурчал недовольно что-то себе под нос и пошел отворять ворота. Заскрипели полозья, и вот уже в клубах потного пара, шедшего от лошадей, в крепость въехали сани. Впереди бежал посыльный, чтобы доложить атаману о прибытии гостей.

В это время Ерофей находился в приказной избе. Он только что славно позавтракал и теперь пребывал в хорошем расположении духа. Усевшись за большой, сбитый из струганных сосновых досок стол, служивший одновременно и для обедов и для казенной работы, он стал писать письмо якутскому воеводе. Делал это Ерофей часто, дабы держать начальство в курсе всех своих дел. Время от времени он брал в руки стоящий перед ним кубок с брагой и делал небольшой глоток. Брага была крепкой, круто заправленной лесными травами, и атаман довольно покрывивал.

Поодаль от него, у зятянутого бычьим пузырем окна, молодая девица Фрося, служившая при атамане кухаркой, серыми влюбленными глазами смотрела на хозяина. Широкоплечий и осанистый, с рыжей курчавою бородой, он выглядел моложе своих сорока двух лет. Может, порода такая, а может все дело в сибирском морозе, который не дает состариться. Люб, ох, и люб был Ерофей Фроське. Только все это зряшное. Ну разве мог он низойти до нее, дочери простого ленского плотогона? Да и жена у него где-то там в Сибири есть, а Фроську же он считает почти ребенком. Коли б было не так, то не звал бы он ее дочкой.

– И сам Лавкай с ними, атаманушка! – сообщив Хабарову о прибытии гостей, добавил вбежавший в приказную избу караульный.

– Ну так води его ко мне! – приказал атаман. – Буду рад принять такого высокого гостя.

Может, наконец, опомнился, княже, и по примеру других даурских правителей тоже решил принять власть нашего царя? – подумал он.

Вскоре тяжелая сосновая дверь вновь отворилась, и в избу вместе с клубами морозного воздуха ворвался чужой дух. Это был Лавкай, явившийся в сопровождении двух молодых сподручников.

– Ну, здорово, князь! – вставая с широкой березовой скамьи, поприветствовал его Ерофей и отвесил ему земной поклон. – Давненько мы с тобою не виделись.

– Да как же? На прошлой неделе и виделись, – приложив правую руку к сердцу и чуть склонив голову, произнес князь.

Он уже давно жил рядом с русскими и потихоньку выучил их язык. Правда порой ему не хватало чужих слов, чтобы что-то выразить, и тогда он пытался объяснить все жестами.

А ведь он прав, этот хитрый лис, подумал атаман. Не далее как на прошлой неделе они случайно встретились на лесной тропе, когда Ерофей с отрядом казаков на лошадях возвращался из Кумарского острога. Князь тоже был не один, с ним была его небольшая конная дружина.

– Ну что, князь, будешь платить ясак? – в который уже раз спросил Лавкай Хабаров. – Ведь, почитай, уже все ваши князцы покорились русскому царю. И только ты упрямисься. Смотри, рассердится наш государь, и тогда пеняй на себя.

Может, хоть на этот раз они договорятся, подумал атаман, предлагая князю отдохнуть с дороги и принять угощение.

– Фроська! А ну быстро распорядись со жратвой! – приказал он стряпухе, и та заметалась по избе.

– Вот сейчас мы с вами бражки-то ядреной и отведаем, – потирая руки, весело проговорил Ерофей, усаживая гостей за стол. – Я ведь, Лавкай, еще никогда тебя ею не угощал, так ведь?

– Не надо бражка, – попытался остановить атамана Лавкай. – Моя не кушай приехал – моя подарки привез.

Лавкай сделал знак, и его сподручники вытряхнули на тесовый пол содержимое двух мешков. То были шкурки серебристого и черного соболя, маленькие стального отлива – белки, шелковистые – горностая, рыжеватые – колонка. А еще были две шкуры чернобурки и большая – медведя.

У Ерофея загорелись глаза, когда он увидел это богатство. Перед ним была та самая мягкая рухлядь, которая ценилась во всем мире наравне с золотом.

– Тебе, атаман, подарки прими. Шибко моя тебя любит, – сверкнув хитрыми лисьими глазками, произнес Лавкай и низко поклонился Ерофею.

Атаман задумчиво огладил свою рыжую бороду.

– Спасибо, князь, – нахмурившись, сказал он. – Но мне таких подарков не надо. Понимаю тебя. Ты хочешь меня этим задобрить, чтобы не платить нашему царю ясак. Но не выйдет! Я государев человек и покупаться на твои цацки не намерен. Так что, коль не хочешь, чтоб я тебе, псу этакому, дал по морде, заberi свои шкуры назад.

В расстройстве Ерофей подхватил с письменного стола кубок с остатками браги и выплеснул ее себе в глотку, после чего, утерев бороду кулаком, начал ходить по горнице, размахивая полами поддевки.

Лавкай не знал, что делать. Он стоял посреди избы и растерянно глядел на атамана.

– Так ты будешь платить ясак, в который раз тебя спрашиваю? – схватив князя за грудки, зло проговорил Ерофей.

– Не буду, – послышалось в ответ. – Русский богдыхан – не наш богдыхан. Зачем ему платить?

Услышав это, Хабаров крепко выругался.

– Ах ты рожа паршивая! Да как ты смеешь так говорить? – с размаху хрястнул он своим тяжелым кулаком по столу. – Эта земля принадлежит нашему государю, значит, все, кто здесь живет, его подданные. Да, да, и ты, Лавкай, его раб. И не лыбься... Говорю тебе, грозу на себя навлечешь, коль будешь артачиться.

– Мы не боимся твой царь!. И тебя, атаман, не боимся! – неожиданно выказал свою прыть Лавкай. – Нас, даур, много. А еще есть дючер, есть ачан. Шибко много. Побьем мы тебя, атаман.

Лицо Ерофея побагровело.

– Значит, не хочешь с нашим царем-батюшкой жить в мире? А ведь мы к вам когда-то шли для торговли, – остановившись перед Лавкаем и подняв кверху указательный палец,

сказал он. – Земли нам вашей не надо было. А вы как нас встретили? Лучным боем! Тогда-то и решил наш государь взять вас под свою высокую руку. Дабы вы больше не воевали нас, а жили бы с нами миром.

Лавкай засопел:

– Мы на мир были согласны. И служить вашему царю были готовы. Только прежде вас приходил сюда казак Квашнин со своими людьми и сказал, что вы хотите всех нас побить, землю нашу пограбить, а жен и детей в полон взять.

– Врал вам этот Квашнин! Врал! – гневно протрубил атаман. – Один с вами хотел торговать, вот и пытался вас запугать. Вор он, тать! Коль поймаю его – суду придам...

Он перевел дыхание и вдруг:

– Ну что же мы стоим? Вон Фрося и стол накрыла. Садитесь, гости дорогие, отведайте нашего скромного угощения. Как говорится, чем богаты.

Лавкай покачал головой:

– Не сяду я с врагом за один стол.

Хабаров помрачнел:

– Вот как! Неужто врагами расстанемся? А я-то думал, мы с тобой дружить будем. Смотри, как бы манзуры вас не проглотили вместе с вашими соболиными шкурами. Они ж вам житья не дадут. Думаешь, я не знаю, что они вас за скотов держат? И ясак с вас берут большой, и девок ваших на разврат к себе уводят, а малых сыновей в евнухи отдают. Ну а когда взбрыкнете – они вас тут же огнем палят и головы рубят. Мы же вас защищать будем.

Князь усмехнулся:

– У нас есть наш бог Хаз, и он нас защитит. Так что берегись, атаман. Великий бог Хаз говорит, что скоро большая война будет. Ох, много будет крови! Велик бог Хаз, и велики его милости.

Хабаров опешил, услышав такое.

– Так ты что, угрожаешь нам? – нахмурил он брови.

– Ох, много будет крови! – вместо ответа пробормотал князь.

Он велел своим сподручникам собрать пушнину, после чего, даже не простившись, вышел из избы. Хабаров, не ожидавший такого оборота событий, лишь покачал головой и нервно поскреб свою рыжую бороду.

Он хотел было остановить князя. Даже выбежал за ним на мороз, но того уже и след простыл. Значит, не судьба, – подумал атаман.

Ранний час, но крепость уже проснулась, и над заснеженными крышами свежерубленых изб медленно курились белые печные дымы. Где-то на крепостном валу перекликались часовые...

И ведь правду говорил Лавкай. Летом того же года большой отряд дауров при поддержке богдойских людей напал на русский острог. Завязалась кровавая битва, которая длилась до самого рассвета.

– Если бы не ваш храбрый атаман Хабар, мы бы взяли крепость, – сказал Лавкай, закончив свой незатейливый рассказ.

И не понятно было Опарину, то ли он до сих пор об этом жалеет, то ли дело вовсе в другом. Может, он давно уже раскаялся, что не принял дружбу русских и покинул родную землю.

– Наверное, скучаешь по родным-то местам? – спросил князя Федор.

– Ну как не скучай? Скучай.

– Так давай, возвращайся! Будешь, как прежде, коней держать, рыбу ловить, охотиться – жить будешь! А тут, что? Разве тут жизнь? Кругом одни враги. А русские вас привечать будут. Я слышал, царь наш от ясака собирает вас освободить. Разве не чудо?

Лавкай усмехнулся:

– Царь ясак не будет брать, а худой человек будет. Я слышал, разбойник у вас много стал. Тунгус грабят, купцов грабят...

Федор помрачнел.

– Ты прав, этого народу у нас хватает. Только, придет час, переловим мы их всех.

– И Шайтана поймай? – спросил князь.

– Шайтана? А кто такой Шайтан? – удивленно посмотрел старшина.

– Как... ты не знай?! – в свою очередь удивился князь. – Две луны назад он наш конь воровать, людей убивать. Ты поймай его, а потом уж зови нас домой. А то Шайтан и его люди жить нам не давай.

– Поймаем! – твердо заявил старшина. – Вот вернусь домой – своими руками его задавлю. Только бы знать, где он прячется.

– Тайга прячется – где еще? – сказал Лавкай. – Ты тунгус спроси – он тебе скажет.

В общем, решили они возвратиться к разговору после того, как казаки Черниговского переловят всех татей, промышлявших на лесных дорогах. Без этого Лавкай наотрез отказался просить свой народ вернуться в родные улусы. Уж лучше, говорит, быть под пятой у богдойцев, чем пасть от рук разбойников.

Глава 5. Принцесса

1

Князь уговорил казаков остаться на ночлег в своем улусе. Ну куда, мол, вы на ночь глядя? Этак легко и на маньчжу напороться.

Остались казаки. Разбили бивак возле леса, выставили караул и заночевали. А утром, поблагодарив Лавкая за гостеприимство, Федор приказал товарищам седлать коней.

– Ну так что мне сказать атаману? – расставаясь с князем, спросил его Опарин. – Готов ты вертать свой народ на родную землю?

Тот ответа не дал. Сказал, что посоветуется со старейшинами и тогда уже решит, как ему поступить.

Долго князь вел под уздцы Федорова Киргиза – будто бы не желал расставаться с казаками. Напоследок вынул из-за пояса свой кинжал, лежавший у него в серебряных ножнах, и протянул Федору.

– Отдай его своему атаману. Скажи, подарок от старого Лавкая.

Уезжая, Федор и не знал, что уже больше никогда не увидит этого душевного человека, который поначалу показался ему хитрым и коварным лисом.

– Прощай, Лавкай! Может еще когда свидимся!

Федор помнил, как они с товарищами возвращались от князя. Сытые, хмельные, довольные. Где-то высоко над головой в голубой прозрачной дали висел жаворонок. Что он там делает? – подумал Федор. Хотя у каждой твари свое место на земле. Кто-то в тайге, кто-то в седле, кто-то на троне. Это у людей. А у козляков всяких, у птиц, у зверей тоже свои ниши. Одни в небе, другие ползают в земле, третьи жрут друг друга на суше или в море...

– Чтой-то бровь у меня чешется, – прищипывая своего коня, неожиданно сказал старшина ехавшему рядом дружку своему Васюку Дрязгину.

– Это к поклону, – ответил тот.

– Или к свиданию, – усмехнулся Егорша Комар.

– А может и к слезам, – хмыкнув, произнес Ефим Верига, который упробил Федора взять его с собой.

Старшина на это лишь ухмыльнулся.

– Не верю я, братцы, в приметы, – сказал он. – Ну хоть убейте меня! Бывалочи, нарочно рассыплю соль на столе и жду, когда меня жонка поругает. А та, ни слова не говоря, соберет эту соль в горстку, и на том все кончается. Али же вот кошку черную увижу на дороге. Нарочно пойду там, где она мне путь перешла. Потом жду, что будет. И вот приносит мне Наталка новый кисет, вышитый собственными руками. А там и жбанок с медом выставит на стол. Вот вам и беда...

Федор думал, что и на этот раз все обойдется. Но ошибался. Уже скоро с ним случится то, что перевернет всю его жизнь. Однако до поры все шло своим чередом. Кони уверенно несли их в сторону дома, похрапывая и легонько потряхивая гривами.

Обратный путь, говорят, он короче. Хорошо на душе у казаков – чай, домой возвращаются. Едут, весело переговариваются меж собой, трубками попыхивают. Так и пролетел день. А когда на небе высыпали звезды, и стало темно, решили остановиться на ночлег. Тут как раз на пути им подвернулся поемный лесок – урема, где можно было схорониться от чужого глаза. Сняв с лошадей справу, они отпустили их пастись на травах, а потом и сами решили перекусить. После вечери Федор велел казакам ложиться спать, не дав им даже поговорить на сон грядущий.

– Завтри подниму всех с зарей, так что почивайте, – сказал он им. – Ну а я покараулю вас. Казаки нехотя повиновались, и скоро вся округа огласилась сотрясающим воздух неистовым храпом. Ну а Федор так до утра и не сомкнул глаз. Лежал в траве, задравши голову, и наблюдал за звездами. Так он любил делать в детстве, когда в пору косьбы ему приходилось ночевать в стогу. Это были самые счастливые минуты в его жизни, оттого они и врезались ему в память.

2

А утром чуть свет они снова двинулись в путь. Не успели отъехать и полверсты, как навстречу им, поднимая пыль до небес, выскочил небольшой конный отряд маньчжур. Впереди знаменщики с развевающимися по ветру разноцветными воинскими стягами, следом – конники в доспехах, с мечами и копьями в руках. Все в лисьих малахаях, за спиной – луки с колчанами. Под ними были маленькие мохнатые и быстрые лошадки.

Увидев казаков, маньчжуры поначалу опешили. Однако быстро опомнились и с дикими воплями бросились вперед.

– Двадцать сабель у нас! – приподнявшись в седле, загудел старшина. – Так неужто, товарищи мои, мы не выстоим супротив этой желтой оравы?

– Выстоим, Федька! – выхватив сабли из кожаных ножен, ответили ему дружно казаки.

– Веди нас, разлюбезный наш старшина, в бой! Коль не умрем, то одолеем басурмана! Оп-оппа! Пошел, пошел! – встав на стремена, пришпорили они своих лошадей.

– Вперед, вперед, товарищи мои! – крикнул на скаку старшина, и в его руке блеснула булатная сталь клинка. – Не посраим казачье племя!

Его боевой клич подхватили казаки.

– Не посраим! Бей басурмана, бей!

Ох, и отвели казачки в тот день душу скрестив клинки с басурманами! Звон стали, крики раненых, кровь, стоны, проклятья – все это была их жизнь, суровая и веселая одновременно. Рубились так – будто бы в последний раз. И летели головы басурман наземь, и ничто – ни их воинственные вопли, ни копья, ни стрелы – не смогли рассеять по полю казаков.

– А ну скажите мне, братья-казаки, хорошо ль мы погуляли на Дону?! – сбросив с лошади очередного маньчжура, крикнул товарищам Федор.

– Хорошо, старшина!

– А как Астрахань брали, помните?

– Помним, Федька, помним!

– И Самару помните?

– И ее тоже!

– Неужто мы щас не одолеем этих узкоглазых?

– Одолеем, старшина! Дай только время...

И снова звон стали, крики раненых, кровь, стоны, проклятья.

– Гридя! Бык! Жив ли?! – прокладывая клинком себе путь, кликнул товарища старшина.

– Жив я, Федька, жив! Турка грозного били, тогда отчего ж с манзуrom нам не справиться?

– Любо! А ты, Семен? Хорошо ли держит тебя седло?

– Хорошо, друже! Лучше некуда!

– Карп! Живой ли? – взяв за шиворот маньчжура и сбросив его с лошади, не унимался старшина.

– И еще долго жить буду! – услышал он голос старого товарища.

– Хорошо говоришь! – натягивая поводья, чтобы сдержать коня, который, казалось, готов был в запале броситься на вражеское копьё, крикнул он ему. – А где Фома?! Что-то я не вижу его...

– Здесь я! – откликнулся Фома Волк.

– Жив, значит?

– Жив!

– А ты, Иван Шишка?..

– Здесь я, здесь!

– А как там братья Романовские?

– Живы мы, друже, живы! – услышал Федор голос Леонтия.

– Ну так давай кончать басурмана! Чтой-то мы долго с ним возякаемся.

И стали казаки еще шибче работать клинками, и уже скоро вся вражья дружина лежала порубленная на сырой земле.

– Добре, братцы! – когда казаки покончили с маньчжурами, похвалил товарищей старшина, глядя на густо залитое кровью поле брани. – И так будет со всеми, кто решится пойти супротив нас!

– Твоя правда, старшина! Всех побьем! Слава казакам! – звучали голоса еще не успевших остыть после битвы товарищей.

Федор отер рукавом кафтана пот с лица и спросил:

– А что у нас? Есть ли убитые?

– Есть! – ответили ему. – Митяй Суворин и Остап Сковорода.

– Жаль, – покачал головой старшина. – Что будем делать, товарищи мои? В чужой земле их похороним али домой повезем?

– Да неужто оставим? Домой, конечно, домой! А то жонки их нам не простят.

– Так и порешили, – сказал Федор. – Ну а врагов чужим воронам на съеденье оставим. Пусть попируют.

Привязав мертвых товарищей к седлам оставшихся сиротами лошадок, казаки отправились в путь. Вокруг такая лепота, что невозможно было глаз оторвать. Больше всего поражали окрестные горы, чьи вершины были укрыты прозрачной пеленой сизого тумана. Красивы были и леса у подножия гор, и травы в полях, усеянных поздними цветами. Только любуйся! И в этот самый момент, когда казаки стали потихоньку отходить от недавнего боя, раздался встревоженный возглас Фана:

– Маньчжу!

И снова руки казаков потянулись к оружию. Только напрасно так лихорадочно забились их сердца, ибо на этот раз никакой опасности не было. Вместо маньчжурских конников они увидели впереди каких-то странных людей, которые, заметив казаков, тут же повернули вспять.

– А ну, братцы, давай глянем, шо там таке! – предложил Фома.

Пришпорив коней, они бросились в погоню.

То были четверо молодых китайцев-кули с выбритыми до блеска лбами, одетых в синие мокрые от пота длиннополые халаты, на плечах которых покачивался украшенный разноцветными лентами паланкин. Двигаясь усталой рысцой, китайцы пытались оторваться от чужаков. Их голые грязные пятки, мелькавшие впереди, вызвали у казаков дружный смех.

– А ну, стой! – приказал Федор. – Кто такие?

Егорша Комар тут же перевел его слова.

Кули замерли, и в следующее мгновение шелковая занавеска паланкина отдернулась, и на казаков глянуло хорошенькое девичье личико.

– Охо! – увидев это хрупкое луноликое создание, почесал затылок Мишка Ворон. – Ничего себе краля!

– А ну, неча тебе на чужих девок пялиться – своя в Албазине ждет! – прикрикнул на него старшина.

Та, что ждала Мишку, была Федоровой дочкой Аришкой. Молодые гуляли уже почти год, и в крепости стали поговаривать об их скорой свадьбе. Старшина был не прочь иметь такого зятя. И сам недурен, и башка неплохо варит. И что важно – будущий зять его потомственный казак.

– А краля-то не из бедных, – подъехав к Федору, проговорил Иван. – У нее, поди, и цацки золотые имеются. Может, поживимся?

– Цыц! – строго глянул на него старшина и вдруг приказал ханьцам опустить тяжелую ношу. Когда они это сделали, он предложил девице выйти из паланкина, однако она наотрез отказалась. Тогда он силой вытащил ее оттуда. Она сопротивлялась, царапалась, кусалась, плевала казаку в лицо, а тот только весело смеялся и все время приговаривал:

– Ай, да девка, ай, да молодец! Ну-ну, хватит, хватит!

Это была молоденькая азиатка, одетая в атласный халат коричневого цвета, скромно украшенный незатейливым орнаментом и перетянутый в талии красным широким поясом. Маленькие ее ножки были обуты в расшитые бисером туфельки. Она была гибка, тонка в талии и легка на поступь. Длинные ее черные с синевою волосы были уложены в прическу и украшены золотой заколкой. Нос был тонкий и с маленькой горбинкой. Кожа белая и нежная, как персидский шелк. Ресницы пушистые, словно лебединый пух, брови же ее были похожи на крылья черной чайки, парящей над белым мраморным озером ее припудренного чела. Когда она взмахивала ими, сердце останавливалось у Федора. А губы!.. То даже не губы были, а розовые лепестки, волею случая занесенные ветром на эту утопающую в пыли дорогу.

Удивительными были и ее глаза. Черные, словно бархатное ночное небо, и с небольшой раскосинкой, они даже во гневе были хороши.

Наверное, дочь какого-нибудь знатного мандарина, решил Федор. Вон и герб родовой начертан на ее укутанном в тяжелые шелка теремке.

Он угадал. Это и в самом деле была дочь большого богдойского военачальника, отправившаяся в далекое путешествие к новому городу Чучару, где офицером служил ее старший брат. Она давно его не видела и вот решила проведать.

3

Сан-пин, а так звали девушку, родилась и выросла в долине Сунляо, в родовом поместье своего отца, что в десяти ли от древней столицы Маньчжурии Мукдена. Там, где высокие горы граничат с рисовыми полями, где бегут по распадкам холодные ручьи и небо такое синее, что в него больно смотреть. Она была внучатой племянницей первого цинского правителя хана Абахая, поэтому двери императорского дворца были всегда открыты для нее.

У нее были хорошие манеры, которым ее научили выписанные из Японии гувернантки. Она выучила все правила, которыми руководствуются женщины в Японии. Она знала, что приличная женщина должна быть здоровой, держать спину прямо, у нее должна быть культурная речь, она должна всегда с улыбкой говорить «Доброе утро», быть той, о ком говорят, что она всегда опрятна. Кроме того, приличная женщина не должна испытывать скуки и посвящать себя чему-то. Она должна говорить приятным голосом, отвечать на письма и послания, не говорить о том, чего не знает. Она должна иметь красивые зубы и сияющие блестящие волосы. Каждый вечер она обязана хорошо засыпать и рано вставать, часто говорить «спасибо», самостоятельно преодолевать страдания, не переносить в завтрашний день неприятности, которые случились сегодня, стараться не простужаться, иметь много приятелей для встреч, знать методы самолечения, красиво писать иероглифы, иметь любимое изречение, больше плакать о

других, чем о себе, думать, что сегодня ты красивее, чем вчера, быть счастливой и выглядеть счастливой, иметь хорошую кожу и еще многое, многое другое...

Сан-пин с детства знала, что все, что делается вокруг, делается именно для нее. Для нее ткнут знаменитые на весь мир тянцзиньские ковры, чеканят золотые монеты, идут в поля, держа на плечах тяжелые лопаты и мотыги, собирают ясак. Ради нее захватывают чужие земли, покоряют народы, строят большие города. Ее род один из самых древних и самых уважаемых в империи. И она гордится этим.

В жизни никто не смел не то чтобы сказать грубое слово – косо посмотреть на нее. А тут эти русские мужланы не только перебили ее охрану – они еще и норовят ее ограбить. Особую ненависть в ней вызывает этот огромный светлородый казак, который бесцеремонно вытащил ее из паланкина. Жаль, у нее нет с собой кинжала, не то бы она показала ему! Сам, небось, голь перекатная, а туда же. Хотя, если честно сказать, он недурен собой. Мало найдется в ее империи столь же сильных и красивых воинов, как он. Его бы взять к себе охранником и платить хорошие деньги – тогда б уж ей точно некого было бояться.

– Ты кто? – когда девушка немного успокоилась, спросил Федор через толмача.

Вместо ответа она фыркнула и отвернулась. Гордая, надменная, она всем своим видом показывала, насколько ей неприятна эта встреча.

– Ну так как, сама назовешься али я тебя пытать начну? – улыбнулся старшина и демонстративно разрезал воздух нагайкой.

– Не трогайте! Не трогайте мою госпожу! – неожиданно услышали казаки испуганный девичий голос, и в ту же минуту из украшенного цветами и богатой канчою паланкина выскочила невысокая узкоглазая девчушка, обернутая в камку. На голове у нее было множество тонких косичек, туго сплетенных из смоляных волос. В каждой из них звенело множество серебряных и золотых монет.

– Так у нас, оказывается, не одна, а две пленницы! – радостно воскликнул Федор.

Он обратился к девочке-подростку, пытавшейся заслонить собою ту, которую она назвала госпожой:

– Ну а ты, ты-то хоть скажешь, кто вы такие и куда держите путь?

Боясь, что казаки учинят им пытку, она с испугом что-то залепетала.

– Ну же, Егорша, перескажи, что она там прощбетала, – попросил толмача старшина.

Так казаки и узнали, кто такие эти две крали, как их зовут и куда они держат путь.

– Вот те на! Саму принцессу богдойскую в полон взяли! И что ж мы с ней будем делать? – восхищенно воскликнул Гридя Бык, обращаясь к старшине.

Тот мгновение подумал:

– А возьму-ка я ее, братцы, в наложницы! Пуцай у меня тесто для пирогов месит.

Услышав это, казаки весело заржали.

– Вот тебе Наташка-то покажет наложницу! Ведь ты ж эту девку, поди, не только тесто месить заставишь, а и на сеновал поведешь, – подначил его Карп, вызвав тем самым новую волну смеха.

– Послушай, Федька, отдай мне эту кралю, – подъехав к Федору вплотную на своей каурке, негромко попросил его Ефим Верига. – Ну на кой она тебе? У тебя жена, а у меня, сам знаешь, пустая изба. Отдай, прошу тебя! За это я тебе по гроб жизни благодарен буду.

Федор насупился.

– И не проси, – сказал. – Если хочешь, бери служанку.

– Так ведь она ж еще ребятишек! – в сердцах бросил Ефим.

– Ну и чиво? – усмехнулся старшина. – Поверь, и не заметишь, как она бабой станет. Девки ведь быстро растут. Вон взять мою Аришку. Тоже ведь, вроде, сопля, а уже женихается.

Девушкам дозволили сесть в паланкин, и Федор велел кули следовать в сторону русской границы.

– Куда это вы нас ведете? – выглянув из-за занавески, испуганно спросила Сан-пин казак.

– В полон, девонька, в полон! – ответил ей за всех Карп. – Не бывала еще за Амуром? Ну вот и побываешь.

Девушка была в отчаянье.

– Мой брат все равно вас догонит и убьет! – заливаясь слезами, предупредила она. – Я послала своего слугу в Чучар, так что ждите погони.

И ведь не врала девка-то. На следующее утро, когда казаки, позавтракав, снова двинулись в путь, они вдруг увидели далеко впереди на невысоком взлобке вооруженных конников. Их силуэты хорошо прорисовывались на фоне прозрачного осеннего неба.

– Маньчжу!

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – смачно выругавшись, с досадой произнес Федор.

Затем он обратился к товарищам:

– Что, братцы, делать-то будем? Богдойцев-то вона сколь – одолеем ли?

– Вряд ли, ведь их там сабель сто, не меньше, – напряженно вглядываясь вдаль, произнес Гридя. – Может, бросим этих краль? Тогда проще будет бежать.

Старшина нахмурил брови.

– Забудь!

– Ты что, хочешь на чужих холмах голову сложить? – удивился товарищ.

Федор покачал головой.

– Нет, помирать я не хочу, но и девонек не оставлю! Скажи, ну когда казак оставлял трофей? – как-то вымученно улыбнулся он.

А в это время богдойские конники, сорвавшись с места и выставив вперед копыта, уже мчались на казаков.

– Вот что, Мишка! – прокричал он молодому казаку Мишке Ворону. – Ты давай сажай в седло малявку, а эту принцессу я к себе посажу. Давай, давай, поторапливайся, а то у нас времени нет.

Мишка быстро спрыгнул с коня и бросился к паланкину.

– А ну опускай носила! – скомандовал он китаец.

Те тут же подчинились ему. Подхватив на руки испуганную служанку, он усадил ее в свое седло. С «принцессой», как называл ее Федор, вышла осечка. Она не стала дожидаться, когда ее вслед за служанкой вытащат из убежища, а выскочила сама. Она побежала по дороге навстречу маньчжурам, крича и махая руками.

– Я здесь! Здесь! Спасите меня!

Федор какое-то время стоял в нерешительности. А нужна ли ему эта девка? – спросил он себя. – И стоит ли из-за нее так рисковать?

Но что-то вдруг в нем зыграло. Нет, не дам этой красавице уйти! – скрипнул он зубами и, с силою стегнув плетью коня, помчался вслед за беглянкой. Миг, и вот она уже сидит у него в седле, подхваченная на скаку его сильными руками. Девушка кричит, отбивается, пытается вырваться, да куда там!

– А ну, гайда, братцы, за мной! – повернув Киргиза, повелел старшина казакам.

И вот они уже мчатся на своих быстрых конях, пытаясь скрыться от погони.

– Давай, давай, товарищи мои! – кричит Федор. – Швыдче! Швыдче!

Где-то далеко позади осталась пыльная дорога с кянами-кули и паланкином. Упав грудью на крупы коней, казаки вихрем неслись над землей, минуя луга, невысокие релки, кустарники и дубравы, взбирались на крутые сопки и снова, не оглядываясь, скакали вперед. Никто, ни Федор, ни его товарищи, не знали, куда они скачут. Даже Фан ничего не мог сказать. Только кричал что-то на своем и все пытался не отстать. Ведь если маньчжу его поймает, то обяза-

тельно убьют. Это русских или там монголов они берут иногда в полон, а ханям только смерть. Потому что их они не считают за людей.

...Точно звери рыскали они по чужой земле, прячась то в высоких травах, то в лесах и среди распадков, но всюду их взгляд натыкался на преследовавших их маньчжуров. Даже по ночам, укрывшись где-нибудь в горном ущелье, они не чувствовали себя в безопасности. Позже, сидя ночью у костра в родном острожке, Федор с товарищами все дивились, как это им тогда удалось убежать. Страх ли им придал силы, а может, это их молитвы дошли до ушей Господа, только чудо свершилось. Обхитрили-таки они маньчжура, запутали следы. И теперь вот веселятся, поднимая кубки за благополучное возвращение.

И только один Ефим Верига был невесел. Все думы его о молодой богдойской крале, которую Федор взял в наложницы. Мечется душа казака, зло его разбирает. Не раз уже подумывал он о том, чтобы украсть девку и сбежать с ней из острога. Но куда побежишь? На Урал? На Дон? Так ведь туда еще надо добраться. А может, уйти к богдойцам? Говорят, у них есть особое войско, куда берут всех, кого не лень. Есть там и русские, и монголы, даже ливонцы есть и германцы. И платят-то им, сказывают, золотом, а кто желает, может открыть собственное дело. Ефим, коль выпало бы ему такое счастье, открыл бы корчму. Дело не хитрое, но прибыльное. Может, и, правда, стоит подумать?

С этой мыслью он и жил теперь. Казаки удивлялись – что это с их товарищем стало? Живет, точно бирюк. Закрылся в себе и угрюмо молчит. Но разве он скажет правду! Ведь эта правда может стоять ему головы...

Глава 6. Сборный день

1

Но не суждено было Федору вновь погулять по маньчжурским пыльным дороженькам. Он-то думал, атаман оставит его за главного в крепости, пока сам будет мотаться по полям да долам, а тот возьми да прикажи ему собираться вместе с ним в дорогу. «Да людей понадежнее подбери, – сказал он ему. – Чай, не к теще на блины едем».

Ну вот, как что, так Федор. Нет, не может атаман обойтись без старшины. Видно, надежу в нем видит. А тут дорога дальняя – всякое может случиться. Ну а с Федором оно веселее. Тому ни Бог, ни черт не страшен. Да и фартовый он – из любой оказины выход найдет.

Погоревал Федор, погоревал, но делать нечего. Собрал он своих старых и верных товарищей – Гридю Быка, Ивана Шишку, Семена Онтонова, Карпа Олексина, Фому Волка, Григория и Леонтия Романовских – и велел им тоже готовиться в путь.

Теперь надо было просить Наталью собрать ему дорожную суму и чтоб не забыла про торбу с овсом для Киргиза. Трава одно, а овес совсем другое, любил повторять Опарин. От овса у лошади рубашка закладывается, подкожное сало, и ей легче бывает и зиму пережить, да и лето скоротать. Тем более, если речь идет о дальней дороге, где животине требуются силы.

Дав жене указания, Федор отправился к Саньке. Та встретила его холодно.

– Что с тобой? – заволновался казак. – *Уж* не случилось ли чего?

Она ухмыльнулась.

– Почему, орос, ты не сказал мне, что завтра уезжай?

Это ее «орос» означало, что она на него рассержена. Так она звала Федора в первые месяцы после того, как он привез ее в крепость. «Орос» да «орос»! Он ей: «Зови меня Федором. Федор мое имя». А она все равно: «Орос!» Будто бы издевалась над ним. Или не хотела признавать его. Даже после того, как он однажды ночью в порыве страсти силою взял ее.

А до этого долго примерялся к ней. И обнимет бывало, и за ушко легонько потреплет, а то и в губы чмокнет невзначай. Она морщится, кричит на него, а он все равно гнет свое. Потихоньку она смирилась с его ласками. Даже отвечать на них стала. Но дальше этого не шло. Но однажды Федор пришел к ней пьяненький и сделал то, о чем он подспудно мечтал.

Несколько дней она волком смотрела на него, даже на шаг подойти к себе не позволяла. Но женскую плоть не обманешь. Однажды она сама притянула его к себе, и это был самый счастливый день в его жизни.

С тех пор он уже не стеснялся своих чувств. Ох, и солоший³⁶ был до ласок! Так бывало зацелует, так истерзает в страсти, что она потом едва живую просыпалась на утро. Видно, это ее сводило с ума, потому она злилась, если он долго к ней не заглядывал. Но ведь ему, бедняге, на части приходилось разрываться. Не бросит же он просто так Наталью – чай, венчанные. Да и Гермоген ему не раз выговаривал за его шалости. Смотри, мол, от греховного корени зол плод бывает. И он приводил в пример Святополка. Зверь-братоубийца. А все потому, мол, что от греховной связи не по браку своего отца Володимира с вывезенной из грек черницею родился.

Но разве Федора остановишь. Он по-прежнему был ласков с Санькой, хотя в глубине души понимал, что она не любит его. Более того, вряд ли когда и полюбит.

---

³⁶ Солоший (здесь) – жадный.

– Ты-то откуда узнала о моем отъезде? – спросил Саньку Федор и тут же понял, что это его сподручник Яшка Попов проболтался. Но что с этим баламошкой поделаешь? Да его хлебом не корми – дай только побахорить³⁷.

Когда Федор построил за крепостной стеной этот дом и поселил в нем Саньку с Маняшкой, он велел Яшке стеречь их, дабы те не сбежали. Парень, думал, он не женатый, да и угла своего покуда нет, так что пусть пока поживет в теремке. Место отвел ему в передней, чтобы не маячил у девок на глазах. Там Яшка и ночевал, а вот столоваться ходил в казенную избу к холостым казакам, потому как стеснялся садиться за один стол с «принцессой». Да и ходить по коврам он не привык. А они в доме были повсюду. Так пожелал Федор, который все делал для того, чтобы угодить знатной полонянке. За богатым товаром он даже специально ездил на торжок, что под Нерчинском.

– Сегодня ночевать к тебе приду – жди. Надо попрощаться, – обняв Саньку и поцеловав ее в висок, сказал старшина.

А ей не привыкать было ждать. Ведь большую часть времени Федор проводил все-таки с семьей. Однако после того, как родился Степка, все изменилось. Теперь уже Наталье приходилось все реже и реже видеть мужа. Пыталась с помощью гадалки вернуть его в семью, да не получилось. Тогда она пошла в монастырь к Гермогену.

Изба, в которой находилась келья старца, представляла собой небольшой деревянный сруб с крыльцом о трех ступенях. У входа ее встретил послушник и проводил внутрь. Там, в прихожей, уже были люди, желавшие попасть к старцу. Отстояв свою очередь, Наталья вошла в горницу, где на широкой скамье возле стены, опершись на архиерейский посох, сидел Гермоген. На нем была обычная монашеская ряса и клобук, а впалую его грудь прикрывал огромный золоченый крест.

– Я, наверное, не ко времени? – перекрестившись на иконы в красном углу и попросив у старца благословения, робко произнесла она.

– Ничего, ничего. Садись вот, матушка, – указал он на скамью, что была у противоположной стены небольшой горенки.

Когда он села, произнес:

– Ну а теперь слушаю тебя.

– Отче, – зашевелились белые как снег губы Натальи. – Беда у меня великая приключилась...

Она вдруг всхлипнула, и из глаз ее потекли слезы.

– Успокойся, дочь моя, – ласково посмотрел на нее Гермоген. – Успокойся. Коль не можешь продолжать – не продолжай.

А у нее и впрямь не было сил говорить. Однако она все ж сумела взять себя в руки. Утерев слезы концами покрывавшего ее голову светлого платка, она снова заговорила.

– Батюшка, как мне жить? – И снова слезы хлынули из ее глаз. – Ты прости, туга ум полонит – не знаю, что и сказать.

– А ты говори, – попросил старец.

– Ну да, надо говорить, коль уж пришла, – вытирая слезы, согласилась женщина. – Отче, тут вот Федька мой...

– Федька? А что с ним? Анадясь я видел его – в Монастырскую слободу приезжал к кузнецу нашему. Неужто что случилось?

Наталья снова всхлипнула.

– Не любит он меня, – с трудом выдавила она из себя. – Все к этой узкоглазой по ночам бегаёт. А ведь у него семья.

Старец вздохнул.

---

³⁷ Бахорить – болтать, калякать, вести пустые разговоры.

– Да я уж говорил с ним. Только черного кобеля не вымоешь добела.

– А если я попрошу у Бога, чтоб он мне помог? – с надеждой посмотрела на старца Наталья. – Он же должен помогать несчастным...

– Должен, дочь, моя, конечно же, должен, – кивнул головой Гермоген. – Вот и обратись к нему. Али уже обращалась?

– Обращалась.

– А с молитвою ли? – спросил святой отец.

Наталья покачала головой.

– Да нет, вроде как по-бабы. Со слезами.

– А ты попроси Николая Чудотворца, заступника нашего, – посоветовал старец. – Он скорее до Господа нашего достучится. Глядишь, и помилует Господь тебя. Али же мужа твоего за все грехи его накажет.

Наталья испуганно посмотрела на старца.

– Накажет? Федьку?

Ну, этого ей не надо. Ей бы только вернуть мужа, а вот зла ему она не желает. А какая нормальная баба желает зла своему мужику?

Страх обуял бедную Наталью. Его, страх этот, она понимала по-своему. Это когда что-то непонятное собирается у тебя на затылке, а затем струйкой истекает вниз, к самым пяткам по спине. И это все обрушивается мгновенно. Точно такое же случилось сейчас и с ней.

– А можно сделать так, чтоб Господь его не наказывал? Просто пусть Федька покается и вернется ко мне, – с надеждою посмотрела женщина на старца.

Дело шло к вечеру, и келья стала наполняться сизой закатной мглой. По стенам забегали тени. Тогда старец велел молодому послушнику, все это время стоявшему за его спиной, зажечь лампадку, после чего в горнице стало светлее.

– Я вот что тебе скажу, матушка, – взглянув в озаренное горящим фитильком лампадки лицо Натальи, проговорил старец. – Ты слезы-то не лей – дело это пустое. Лучше иди и молись Господу, чтобы он образумил твоего кобеля. Веруй, что Бог тебя любит и не оставит в беде, как он не оставляет любого, кто обращается к нему с мольбой. А мужа продолжай любить, ибо любовью все искупается, все спасается.

На прощание Гермоген благословил Наталью и подарил ей небольшую бумажную иконку Николая Чудотворца, а к ней писанный чьей-то прилежной рукою «Акафест святителю Николаю».

– Поставь иконку на божницу среди иных Божьих угодников и молись, – сказал он ей. – Да с чувством молись, иначе не поможет. А то иные порой бубнят себе под нос молитву, а мысли их о другом. Сам на себе это испытал. Когда молишься с чувством, все случается, а когда бездумно, так и ничего. Все, иди. Да хранит тебя Господь!

Теперь, когда Федор сбегал ночью к богдойке, Наталья становилась на колени пред святым Чудотворцем и, приняв кроткое выражение лица, негромко, так, чтобы не разбудить детей, молилась: «Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов, миру всему источай многоценное милости миро, и неисчерпаемое чудес море, восхваляю тя любовью Святителю Николае: ты же яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких мя бед свободи, да зову ти: радуйся, Николае, великий Чудотворче». А от себя добавляла:

– Прошу тебя, отче священноначальниче, верни мне моего Федора. Упроси Господа нашего, чтобы он вразумил его...

2

Предупредив Саньку, что придет к ней ночевать, Федор вернулся домой и стал готовиться к походу. Первым делом привел в порядок оружие. Поточил клинок, прочистил шомполом

ствол фузеи, зарядил два пистолета, после чего отсыпал в железный коробок из запаса порошу, налил свинцовых пуль и уже хотел было заняться конской сбруей, когда к нему подлетели его сыновья.

– Тять, возьми меня с собой! – заканючил Петр.

– И меня тять, и меня, – следом стал напрашиваться и младший Тимоха.

Наверное, это им Наталья донесла, что уезжаю, ухмыльнулся Федор.

– Рано вам! – произнес он. – В дороге всякое может приключиться. Разбойных-то людей вон сколь развелось. А еще эти богдойцы проклятые. Так и рыщут, так и рыщут вокруг. То заимку где подожгут, то людей наших в полон уведут. А бывает, что и засаду устроят. Чуть зазевался – и поминай, как звали. Нет! Вот подрастете чуток – тогда и поговорим. А пока сидите дома и тюрю зобайте³⁸. А нет – ступайте заплот возле дома городить. Аль не бажите? Но это ж покаче будет, чем пасть от руки басурмана.

А Тимоха ему:

– Не хочу заплот городить – хочу богдойцам головы рубить.

Федор фыркнул.

– Вот щас как блябл³⁹ отвешу – будешь знать! – бросил он в сердцах. – Ишь, герой нашелся.

Заметив, что глаза младшего сына покрылись мокротой, он сказал примирительно:

– Ладно, не веньгай давай. Если хочешь врагам головы рубить, то вначале нужно научиться этому ремеслу. А то ведь и свою можно сложить.

Тут на выручку брату пришел Петр.

– Да что ты, тять! Ведь мы не хуже любого казака сабелькой-то махать умеем! – похвастался он. – Почитай, каждый день с дружками на пустыре рубимся.

– А где ж вы сабли-то взяли? – не понял Федор.

– Да у нас не настоящие – деревянные, – заморгал глазами Тимоха.

Федор вздохнул.

– Деревянные!.. – передразнил он его. – Это, сынки мои, не то. На деревянных взаправду биться не будешь. Да и коней у вас покуда нет.

– У соседей возьмем! – тут же нашелся Петр. – А сабли... Ну одна у тебя лишняя имеется, а другую мы уж как-нибудь отыщем.

Федор и не знал, как ему быть. До встречи с Санькой оставалась еще уйма времени. Вон и солнце говорит о том, что день только начинается. Однако ему нужно еще в Монастырской слободе побывать у бронного мастера Платона Кушакова. Тот обещал куяк ему залатать. А то в недавней стычке с богдойцами старшине его помяли маленько. Ну и заодно уж пусть кузнец и на подковы Киргиза глянет да на чалдарь. Дорога дальняя – все нужно предусмотреть.

– А ну пошли на задний двор, – неожиданно сказал Федор сыновьям и, сняв со стены обе хранившиеся в доме сабли, пошел к двери.

Те, забыв про все на свете, побежали следом. Наталья, слышавшая весь этот разговор, переполошилась. И что этому извергу в голову взбрело? (Это она о Федоре). Шел бы к своей узкоглазой красавице – почто в нелюбом доме трется? Аришка, заметив тревогу в глазах матери, решила ее успокоить.

– Да не кручинься, маманя, пусть себе побалуются, – сказала. – Чай, не часто тятка на детей своих время находит.

И то верно, решила мать. Только бы у Федора ума хватило не покалечить сыновей.

– Не дай Бог, тебе достанется такой же вот гулена, – вздохнула Наталья, пробуя на соль похлебку, которая у нее варилась в большом чугуне. – Народил детей, а сам в кусты... То он на

---

³⁸ Зобать – пить, хлебать.

³⁹ Блябл – оплеуха.

Дону где-то шлялся, заставляя меня по ночам слезы лить да молить Бога, чтобы с ним ничего не случилось. Ну вернулся – и что? Теперь вот он себе молодую нашел. И кого! Басурманку несчастную...

– Ты не справедлива, маманя, – выкладывая из печи подовый рыбный пирог, сказала Аришка. – Богдойка эта славная. Она даже меня привечать стала. А то вначале все шарахалась – будто бы я прокаженная какая.

Мать с упреком глянула на дочь.

– Вот-вот, все вы против матери...

– Да нет же, мамань, мы любим тебя, а богдойка... Ну не убивать же ее, в самом-то деле!

Коль уж Бог так распорядился – пусть будет как есть. Тятенька же не уходит к ней насовсем.

Наталя шмыгнула носом.

– А мне нужна такая жизнь? Вот станешь сама женой – тогда поймешь.

Аришка улыбнулась.

– Нет, мамань, у меня муж будет домовитый и верный.

– Не о Мишке ли Вороне ты говоришь? – спросила мать.

Дочь даже зарделась при этих словах и опустила глаза.

– А любит ли он тебя?

– Ой, мамань, любит! Да как любит! – радостно воскликнула девушка. – Он такой добрый, такой заботливый.

– Ну хорошо, коли так, – ласково взглянула на дочь Наталя. – Пусть хоть тебе в жизни повезет. Только вот... Сама ведь знаешь, какая у казака жизнь. Нынче жив, а завтра...

Она махнула рукой. Дочь горестно вздохнула.

– Знаю, маманя, знаю, Но, может, Боженька смилостивится над нами, может, он не разлучит нас. Ну а коль разлучит – я все равно до конца жизни буду любить моего Мишеньку.

Эти слова растрогали Наталию. Вытерев о передник руки, она обняла дочь и стала нежно гладить ее по русой голове, приговаривая:

– Доченька ты моя ненаглядная, родненькая моя... Ну что ж, вот стукнет тебе шестнадцать годков – пусть жених твой сватов присылает.

3

Опарины жили, старясь не выделяться среди других казаков. А то скажут: напромышлял этот Федька где-то чужого добра – вот и жируют.

Дом себе поставили незатейливый, хотя и не самый последний в округе. Крепкий широкий сруб с терраскою, сенями и покоями – передней, гостиной, спальней и стряпной – так называемым бабьим углом, или прилупом. Слева от дверей – лаз в голобец⁴⁰. Супротив них – большая печь с подом и камином, который в долгие зимние вечера освещал кухню смоляными шишками. Между стеной и печкой – полати, на которых почивали Петр с Тимохой. Вдоль противоположной стены стояли лавки для кухонной утвари. Ближе к переплетенному окну у коника⁴¹ – большой обеденный стол с тяжелой столешницей, две скамьи и сундук. Между кутью⁴² и горницей – заборка⁴³.

Справа от дверей – куть с сельником, в котором стоят жернова, рядом – выдолбленная из целого куска дерева высокая ступица; тут же решето и сито. А зимой еще и кадушка с водой.

---

⁴⁰ Голобец – погреб.

⁴¹ Коник (здесь) – ларь для хранения зерна и муки.

⁴² Куть – сени.

⁴³ Заборка – тонкая стенка из досок.

Горенка под стать всему небольшая с одним окошком. Поначалу оно было затянуто бычьим пузырем, однако позже Федор зашил его слюдой, которую привез из Нерчинска. В красном углу – божничка с иконками, кодиленка, ладан, молитвенники, восковые церковные свечи и поминальные просвиры. Под божницей – небольшой столик-трехножка, на котором всегда лежало что-то церковное. В Пасху, к примеру, куличи и крашеные яйца, в вербное воскресенье – распутившаяся верба в горшке с водой. Но чаще всего – принесенные из храма свечи и ладанница с пахучей смолой.

Здесь же стол для занятия рукоделием, на нем целая гора тряпичных лоскутков, среди которых затерялся берестяной коробок с иглами, наперстками, нитками и пуговицами. Возле стола – два табурета. Против окна на стене – большое овальное зеркало в бронзовом окладе, которое Федор привез из Нерчинска. Под ним широкая скамья, покрытая овчиной шубой, – аришкино спальное место.

Была еще и небольшая светелка, смежная с горницей и отделенная от нее занавеской, где стояла родительская кровать.

Таким же незамысловатым выглядел и опаринский двор, огороженный заплотом из жердей. В нем амбар, стойка для коровы, поветь⁴⁴ для Киргиза, небольшой огородик; тут же баня «по черному», сарай, где у хозяина, мечтавшего когда-нибудь заняться пашенным делом, хранились сельхозорудия, конская сбруя, а еще стоял обыкновенный плотничий верстак. В конце огорода – одетый срубом копань⁴⁵ с ледяной прозрачной водой.

Вот возле этого колодца Федор и учинил испытание своим сыновьям. Чтобы не путаться в руках казацкого чапана⁴⁶, он снял его и набросил на колодезный ворот, оставшись в исподней тельнице. Петр же с Тимохой лишь освободили застежи своих косовороток да для удобства закатали штанины порток.

– Ну, кто первый? – протягивая саблю сыновьям, спросил отец.

– Дай, я! – подтянув штаны, выступил вперед Тимоха.

– Ты штаны-то не подтягивай, мотузком⁴⁷ их подвяжи – не то свалятся... И носом не шмыгай – не маленький, – беззлобно заметил отец.

Петр снял свою опояску с рубахи и протянул ее брату. Подвязав портки, Тимоха смело взял из рук родителя саблю, вынул ее из ножен и принял боевую стойку.

– Ну, что стоишь, давай наступай! – велел отец.

Тимоха, размахивая клинком, смело полетел вперед и тут же, выронив саблю, упал носом на землю.

– Так нечестно! – закричал парень. – Зачем ты мне, тять, ножку подставил?

– Ты давай не гунди, а дерись! – прикрикнул на него отец. – На ратном поле тебе не на кого будет пенять. Ну же, наступай!

На этот раз Тимоха был осторожен, опасаясь снова попасть впросак. Вместо того, чтобы смело идти вперед, он начал делать какие-то замысловатые движения, и это у него получалось так ловко, что отец был вынужден отступить.

– Ну-ну, давай-давай! – подбадривал Федор сына. – Кистью, кистью больше работай, а то у тебя лезо⁴⁸ будто мертвое. Так, недурно! А ну еще...

Тимоха был в ударе. Он снова и снова попытался загнать отца в угол, но в тот самый момент, когда уже готов был праздновать победу, Федор, изловчившись, выбил у него из рук саблю.

---

⁴⁴ Поветь – помещение под навесом на казачьем дворе.

⁴⁵ Копань – колодец.

⁴⁶ Чапан – полукафтан, жупан.

⁴⁷ Мотузок – шнурок.

⁴⁸ Лезо – клинок, лезвие.

– Вот так, браток, нужно воевать! – подхватив ее на лету, усмехнулся Федор. – Ну, еще что ли побалуем?

– Нет, теперь давай я! – сказал Петр.

Он взял из рук отца саблю и начал осторожно на него наступать. В отличие от брата, в его стойке присутствовало что-то звериное. Он не шел на противника грудью, а, пригнувшись к земле, мягко подкрадывался к нему, при этом зорко следя за каждым его движением. Саблю держал жестко, уверенно, но размахивать ею не пытался. Напротив, он будто бы выжидал, когда противник ошибется.

– Ну, давай, наступай, что крадешься, как волк! – рычал на него отец, но Петр его не слушал.

Его цель – победить. А если он будет спешить, тятка непременно расправится с ним, как с Тимохой.

Наконец отцу надоело наблюдать за волчьей поступью сына, и он пошел вперед. Его натиск был таким стремительным и неукротимым, что Петру пришлось нелегко. Он метался из стороны в сторону, делал волчьи прыжки, пытаясь увернуться от ударов. Однако Федор продолжал наступать. Сабля в его руке была будто бы живая. Она играла, делала невообразимые движения, запутывая противника и принуждая его сдаться.

Но Петр сдаваться не хотел. Заколдованный замысловатой игрой отцовской сабли, он вдруг встрепенулся, сделал волчий бросок вперед и достал бы Федора, коли б не его бойцовский опыт и природная ловкость. Сделав шаг вправо, он быстро развернулся и, схватив пробежавшего мимо него сына за шиворот посконной рубахи, бросил его наземь. Подставленный к горлу Петра клинок говорил о том, что он проиграл вчистую.

– Ну что, воины? Теперь вы поняли, что никуда не годитесь? – довольный собой, проговорил Федор. – А то возьми нас, тять, с собой. Нет, братцы, вначале воевать научиться, а уж потом просите.

4

Угрюмые и пристыженные стояли сыновья, не смея поднять глаза на отца. В это время мимо опаринского недостроенного заплота от приказной избы ехал на коне хорунжий Ефим Верига.

– Что, смену себе готовишь? – спросил он. – Давно пора! Эвон какие гарные хлопцы вымахали-то!

Федор развел руками. Мол, куда денешься, коли ратных людей в их албазинском войске шиш да маленько.

– Ну а ты что в такую-то рань на коне? – поинтересовался Опарин у товарища. – Никак у атамана был?

– У него, – кивнул головой Верига.

– Дела, что ль, какие были али как? – продолжил интересоваться Федор.

– Дела, Федя, дела...

– Ну а ты не забыл, что завтра в поход? – спросил Опарин.

– Да не еду я, Федя. Приболел вот что-то...

– Приболел? – удивленно посмотрел на него старшина. – В такую-то погоду?

– А хворь не спрашивает, какое ноне число, – усмехнулся Верига. – Придет тогда, когда и не думаешь.

– Это точно, – согласился Опарин. – Атаману-то хоть доложил?

– А как же! Он мне и распоряжения кой-какие дал. Пока, говорит, я хожу – будешь вместо меня в крепости за старшего.

– Вот как? – удивился Федор.

– А то, – погладил бороду Ефим.

Федор покачал головой.

– Напрасно, Фима, ты с нами не едешь. А то б погуляли, как бывалочи... Вокруг-то вон сколь вражых лазутчиков шастает. Встретим – вот тебе и кони дармовые, вот тебе и оружие. Неужто не завидно?

– Завидно, Федя, но что поделаешь? Грыжа, будь она неладна, замучила. Так что я вам только в тягость буду, – проговорил Ефим.

– Ты нас возьми, тять! – послышался за отцовской спиной голос Петра.

– А ну, робяты, шурло⁴⁹ отсель! – приказал он сыновьям. – Негоже слушать разговоры взрослых.

Понутив головы, те побрели домой.

– Ну ладно, Ефим, давай выздоравливай, – сказал на прощание Федор. – Когда вернемся – чтоб на ногах был. А то какой воин с грыжей?

Тот ухмыльнулся и стегнул коня.

– Поеду к бабке Устинье – говорят, она одна тут грыжу заговаривает, – сказал и умчался.

Однако ни к какой бабке он не поехал, а напрямик отправился в тайгу. Где-то там, в непроходимой чащобе, среди лиственниц и сосен с недавних пор раскинула свой табор подорожная вольница. Поначалу разбойные люди шибко-то не баловали – все присматривались да примеривались. А тут вдруг пошло-поехало. Теперь дня не проходило, чтобы они не причинили кому-то зла. Грабили обозы торговых и промышленных людей, воровали коней у пашенных крестьян и казаков, которых потом сбывали на богдойской стороне. Награбленный же у богдойцев скарб, в том числе скот с лошадьми, отдавали за бесценок русским барышникам. Так и жили.

Сватажились эти волки еще где-то под Иркутском, откуда вскоре ушли на Лену, где и промышляли до тех пор, пока тамошним людям не надоело нести от них урон. Наслали на них стрельцов да казаков – те и дали татым прикурить. И если бы не главарь этой шайки, то не миновать бы им виселицы. Тот взял и увел их на Амур, где больше было простора для их ремесла и где им ничего не грозило. Ведь здесь же была казачья вольница, а у вольных казаков у самих рыльце в пушку, так что они смотрели на проказы таежных татей сквозь пальцы.

Но это было до поры до времени, пока атаману Черниговскому вдруг не пришла в голову мысль переловить этих дьяволов и учинить им расправу. Об этом они узнали от одного казака, который согласился за определенную мзду помогать им.

Казакom этим был Ефим Верига. Раньше бы он и на пушечный выстрел не подпустил к себе этих убийц и разбойников, потому как сам был человеком сурьезным и богобоязненным, а тут с ним вдруг что-то случилось. Он стал не в меру обидчив, часто злился по пустякам, был груб и дерзок с товарищами. Видно, это все потому, что он чувствовал себя обделенным в этой жизни.

Но больше всего он был зол на атамана. Как ни старался Ефим, Черниговский так и не произвел его в ясаулы, не сделал своей правой рукой. А вот Федьку приблизил. За это Ефим и невзлюбил Опарина. А как иначе? Не успел приехать – тут же в атамановы любимчики попал.

Ох и завидовал же ему Ефимка. У того и должность высокая, и баба-красавица, и детей куча, а теперь еще и наложница эта в придачу. Ну почему одному все, а другому – ничего? Ведь это несправедливо. А коль так, нужно этому положить конец. Вот ежили бы убрать с дороги Никифора с Федькой, тогда бы вся власть в Албазине перешла к нему, Ефиму. Ведь он третий здесь по старшинству – не случайно в чине хорунжего ходит. Коль станет атаманом, то он и Наталью федорову заберет себе, и богдойку эту наложницу, а еще и все припрятанные

---

⁴⁹ Шурло – брысь.

Опариным богатства приберет к рукам. А помогут ему во всем этом разбойные люди, которые в будущем станут его первыми сподручниками.

На них он вышел случайно. Как-то июньским вечером, обходя караулы, выставленные вдоль ближних дорог, Ефим с двумя казаками попал в засаду. Тех-то сразу упыри уложили из мушкетов, а вот его взяли в полон.

– Почто я вам нужен? – когда убийцы тащили его на аркане в свой табор, спрашивал в страхе он. – Возьмите, дьяволы, мое оружие и коня, а меня отпустите.

Его притащили чуть живым. Весь избитый, в крови, глаза от боли мутные, как у пьяного.

Его освободили от веревок и поставили на колени. Услышав голоса, из шалаша, скрытого от чужих глаз молодым ельником, вышел какой-то человек в помятом чапане и мохнатой шапке. Он был невысок и худ, и его лицо было сплошь покрыто волосами, отчего он был похож на лешака.

– Вот, атаман, казачка в полон взяли, – сказал шороглазый⁵⁰ детина с длинной до пояса косматой бородой и квадратным черепом, который еще там, на дороге вместе с товарищами вязал Ефима пенькой.

– В полон, говорите? – наклонившись и внимательно всматриваясь в лицо пленного, спросил тот, кого называли атаманом. – И кто ж ты будешь?

У Ефима круги плыли перед глазами. Еще бы! Чай, по земле, бесовы дети, волокли. Как еще Богу душу не отдал?

– Ефим я. Верига. Хорунжий албазинского войска, – чуть слышно проговорил он.

Его слова вызвали громкий смех. Дюжины две татей стояли вокруг него и весело гоготали.

– Что гогочете? Так и есть, – обиженно проговорил Ефим.

Главарь поднял руку, и его люди тут же умолкли.

– Да мы тебе верим, казак, только войска-то у вас нет никакого, – усмехнулся он. – Сколь вас там? Сто, двести человек? А разве это войско? Потому мы и не боимся вас, дураков. Что хотим, то и воротим.

– Точно! – поддакнул шароглазый. – Слыхал небось про Шайтана? Так вот это он и есть.

Он кивнул на тщедушного своего жоака.

– Его ноне вся Сибирь боится, даже те, что на богдойской стороне.

Ефим взглянул на главаря и удивился. Вроде человек как человек, правда, косматый, что твой леший. А ведь люди считали его оборотнем. Вроде как бродит по ночам вместе со своими ведьмаками да пугачами и людей со скотом крадет. Албазинцы были уверены, что это кровосос, и чтобы угомонить его, надо раскопать его могилу и пробить труп осиновым колом. Только где эта могила? И кто в ней? Не иначе бывший упырь. Но как его звали-величали?

– Значит, вот ты каков, Шайтан? Слыхали, слыхали – как же не слышать? Помнится, даже даурский князь Лавкай о тебе говорил. Вроде как ты у него лошадей увел.

– Было дело, – усмехнулся главарь.

– Ну а я давно с тобой хотел познакомиться, – неожиданно проговорил казак.

Шайтан недоуменно посмотрел на него.

– И чиво это? Может, в полон хотел меня взять и на березе вздернуть?

– Да нет, – поморщился Ефим. – Напротив. Помощи хотел от тебя поиметь.

И он стал с жаром рассказывать татям о том, как его тяготит казацкая служба, как он ненавидит всех казаков и особенно тех, кто чинит ему обиду. Разбойные люди слушали его, не перебивая, а когда он кончил говорить, шороглазый сказал:

– Не верю я ему! Давай, атаман, я ему лучше кишки выпущу. Коль отпустим – он сюда казаков приведет.

Но главарь был человеком дошлым и имеющим дар глядеть в душу человека.

---

⁵⁰ Шороглазый – с широко расставленными глазами.

– Да нет, этот казак не врет. По глазам его вижу, что он такой же вор, как и мы. А то и хуже, – добавил он. – Вишь, глаза-то какие мутные. И душа такая же у него мутная. Этот будет нам служить.

С тех пор Шайтану было известно все, что творилось в Албазине. Вот и сейчас Верига ехал к разбойным людям, чтобы сообщить им о предстоящем отъезде атамана. А еще он будет просить главаря, чтобы тот со своими людьми устроил казакам засаду, дабы перебить их всех до одного.

«И тогда Амур будет наш, – скажет он при встрече Шайтану. – Всех татей с земли русской соберем и устроим здесь свое царство. Вот уж погуляем!»

5

Распрощавшись с Ефимом, Федор оседлал Киргиза и отправился в Монастырскую слободу. Он-то думал отыскать бронного мастера в кузнице, а увидел его бегущего по проселочной дороге мимо череды убогих крестьянских изб. Впереди, с криком и плачем, прихватив руками полы сарафанов, спасались бегством две его дочери – Любашка и Варька. Что они там натворили – лишь Богу известно, только Платон вконец все-таки догнал их. Содрав с Варьки плетеную опояску, он начал остервенело хлестать ею дочерей. Те визжали на всю слободу, просили пощады, но Платон был неумолим. И только рука Федора остановила его.

– Ты что это, Платон, разошелся? – вырвав из его рук опояску, спросил он. – Али прогневали тебя твои красавицы?

Тот засопел. Его огромные ноздри, словно кузнечные горны, стали бешено и широко раздуваться, обдавая огнем взлохмаченную рыжую бороду. Суровый он был, Платон, хотя, говорят, быстро отходчивый.

– Красавицы! – передразнил он казака. – Вот выпорю их как сидоровых коз, а потом в темном сельнике продержу до утра, тогда узнают, как по ночам блудить.

– Да неужто блудят? – усмехнулся казак и поглядел на Платоновых девок. Те стояли ни живы ни мертвы, боясь, как бы тятка снова не стал их бить.

– Еще как блудят! – сверкнул кузнец глазами. – Вот вымажут люди нам дегтем ворота – как будем жить?

Он обреченно посмотрел на дочерей.

Девки снова в слезы.

– Да не блудили мы, тятенька, ей-Богу, не блудили! – клялась старшенькая, шестнадцатилетняя Любашка. – Мы лишь на лавочке с парнями посидели.

Платон яростно тыкнул пальцем куда-то в сторону.

– А не я ль тебя там... на сеннике вчера вечером с казацким сыном застукал? Что, забыла? – во гневе спросил Платон.

Поразмыслив о чем-то немного, он перевел взгляд на Опарина:

– А ведь это твой паренек-то был! – сказал он ему. – Женихаться в Монастырщину с дружками бегают. Чай, своих-то девок мало – вот они к нам.

Федор не поверил ему.

– Да как же мой-то, когда они с товарищами целыми днями на пустыре играют? – сказал он.

– А ты спроси Любку-то – она тебе и скажет, – невесело проговорил кузнец.

Федор перевел взгляд на Платоновых дочерей.

– Ты что ль Любка? – указал он нагайкой на старшую.

Та шмыгнула носом.

– Я не Любка, я Любаша. Любкой только тятенька меня во гневе зовет, – сказала она.

– Ну Любаша, так Любаша, – согласился казак. – Ну так скажи мне, Любаша, правду твой отец говорит?

Та кивнула головой и опустила глаза.

– Ишь ты! – подивился Федор. – И кто ж из моих-то? Петр али Тимоха?

– Петя...

Федор покачал головой.

– Да, наш пострел везде поспел, – проговорил он. – Ну и давно это у вас?

– Давно, – ответила Любаша и как бы нечаянно уронила на высокую девичью грудь свою тяжелую пшеничную косу, выбившуюся из-под светлого ситцевого платка. – С прошлого лета. Тогда на Купалу и познакомились.

Федор посмотрел на Платона.

– Ну и что ж тут дурного, Платон Иванов? – сказал он ему. – Мы ведь тоже были с тобой молодыми. Чиво им мешать? Пусть женихаются. Надо ж когда-то начинать.

Платон сжал кулаки.

– Все равно не дам девкам по сенникам лазать. Не девичье это дело. Вот выйдут замуж – тогда другой разговор, – жестко изрек он.

Федор улыбнулся.

– Так ты, поди, и с завалинок их гоняешь, – мирно заявил он. – А где ж молодым тогда встречаться?

Любаша благодарно посмотрела на Федора. Глаза ее синие, словно здешнее небо, лучистые. Кость крепкая – в отца. Такая десятерых моему Петьке родит и глазом не моргнет, удивлительно подумал казак и погладил свою густую светлую бороду. Так он делал всегда, когда был чем-то доволен.

– Не хотел я девок рожать, да Бог сыновей не дал, – вздохнул Платон. – Ведь когда сучка в доме – все кобели округ собираются. Ты думаешь, только твой сынок возле нашей избы отирается? Как бы не так! У ей, – он кивнул на Любашу, – этих самых женихов пруд пруди.

– А вот и неправда! – вспыхнула Любаша. – Я только с Петей дружу, а остальных и не замечаю.

Платон фыркнул.

– Не замечает она! А Захарка, сын Демьянов? Не с ним ли я тебя в прошлый раз там же на сеннике прижучил? Что покраснела? Али не так все было?

У Любашы страх и отчаяние в глазах. Господи, что подумает о ней Петин отец?

– Тятя, как ты можешь! – в сердцах воскликнула она и тут же бросилась бежать. Варька за ней.

– Зря ты дочек-то обижаешь, – выговорил Платону казак. – Ведь это твоя надежда. Ну кто тебе в старости, кроме них, стакан воды поднесет?

Платон усмехнулся.

– Но пока-то я сам себе и меду налить могу, – произнес он. – Чай, не старик еще.

Что и говорить, до старости Платону было еще далеко. Здоровье, оно в глазах. А они у него живые, ясные. Лишь иногда затуманиваются грустью или же наливаются кровью, когда он бывает зол.

Вот и походка у него молодая, твердая. И сам он молод и крепок, словно тот могучий кедр, что растет у него на заднем дворе. Силой он не любил хвастать, однако иногда в минуты душевного подъема мог и продемонстрировать ее соседям. Брал, к примеру, кочергу и завязывал ее в узел, а потом просил, чтобы кто-нибудь этот узел развязал. Но кто ж развяжет? И тогда Платон сам брался за дело. Так что уже скоро кочерга принимала свой обычный вид.

У него было вечно опаленное печным жаром строгое лицо. Волосы пшеничные, опоясанные тонкой сыромятью. Одеву носил простую, несмотря на достаток. Ведь у кузнеца, говорят люди, что стукнул, то гривна. Летом – обыкновенная посконная рубаха навывпуск да холщевые

портки, засунутые в опорки⁵¹, по праздникам – ичиги⁵² с пришивными подпятниками. Зимой овчина, шапка волчья да унты.

– Ну, пошли, что ль, в ковальню⁵³, – сказал Федор. – А то времени-то у меня не ахти сколь.

Платон этак недовольно глянул на него из-под лохматых бровей и пробурчал:

– А коль нет времени, почто тогда примчался? А то будешь щас торопить – какая работа?

В отличие от многих своих соседей, ютившихся в ветхих куренях, семья бронного мастера жила в светлой большой красной избе с трубою. А то ведь тоже, как многие здесь, начинали с турлучного⁵⁴ сарая. Прибыли-то на подводах зимой. На дворе мороз лютует, птицы на лету дохнут от холода. Это вам не родная псковщина, где зимы мягкие да с оттепелями.

Надо было с чего-то начинать. Рубить клеть – занятие долгое. Пока поставишь избу – вечность пройдет. А мороз крепчает. Кто-то стал отогревать землю кострами и рыть землянки. Другие, в том числе и Кушаковы, решили строить временные жилища, которые и поныне кое-где стоят как напоминание о трудных временах. А вот плетневые сараи, овины и тыны и теперь служат людям, выглядывая из-за стоящих вразбежку изб.

– Ты б кваском меня, что ль, угостил, – въехав во двор и спрыгнув с лошади, попросил казак. – Жара-то вон какая – даже горло пересохло.

– Марфа, где ты там? – громко позвал жену кузнец. – Дай гостю квасу напиться.

Тут же на крылечке появилась невысокая юркая жонка с корецом в руке.

– Доброго тебе здоровьяца, барин, – поклонившись в пояс, произнесла она, чем смутила Федора.

– Да какой я тебе барин! – обиделся он. – Служивый я.

Она улыбнулась. Дескать, да вижу я, из каких ты людей, но дай, мол, уважить.

– Пей, казак, – протянула старшине березовый ковш.

Опорожнив его в несколько глотков, Федор вытер рукавом губы.

– Хорош квасок, ядреный, – сказал он. – Были б родней – каждый день бы у вас им угощался.

Марфа улыбнулась, а вот Платон, напротив, нахмурил брови.

– Ладно, гайда дело делать, – буркнул он. – Сам говорил, времени у тебя в обрез.

Кузня Платонова стояла в конце большого двора, огороженного тыном. Он ее срубил еще прошлой весной из листвяка. Простору здесь много – конь мог поместиться. В центре кузни, прямо напротив большой двери – горн с широким челом, поддувалом и мехами. Под горном – вытяжной зонт для сбора и отвода дыма из листового железа. Рядом наковальня, тяжелый молот, клещи и несколько молоточков. Ближе к двери – станок дляковки лошадей. В дальнем правом углу – груда металла. Кольца кольчужные, обломки железных лат, сломанные клинки, развороченные стволы пицалей. У слюдяного окна, под верстаком – готовое кузло⁵⁵: пазники⁵⁶ разной формы и величины, мотыги, кайлы, скобы, штыри, гвозди, подковы. Была и холоднаяковка – разная утварь, посуда, оклады. В слободе больше таких Платонов не было, потому он и коваль, и бронный мастер в одном лице.

– И давно с молотом-то дружишь? – наблюдая за тем, как Платон старательно раздувает мехами огонь в печи, спросил его казак.

---

⁵¹ Опорки – изношенные сапоги с отрезанными голенищами.

⁵² Ичиги – кожаные сапоги без каблуков.

⁵³ Ковальня – кузня.

⁵⁴ Турлучный – плетневой, обмазанный глиной.

⁵⁵ Кузло – кованые изделия.

⁵⁶ Пазник – плотницкий инструмент.

– С детства. А ну, подсоби! – попросил он Федора, протягивая ему клещи, в которых был зажат извлеченный из горнила кусок раскаленного металла. – Положишь железо на наковальню и будешь держать, пока я буду по нему стучать.

– И что, кто-то тебя учил этому ремеслу? – крепко держа в руках клещи, продолжал интересоваться Опарин.

– И дед учил, – споро работая молотком, произнес Платон, – и отец учил. Семейное это у нас. Мы и с выварными горнами работали, и с вагранными, с укладными и клинными тоже. Да и на разделительных приходилось.

– А это еще что такое? – не зная премудрости ковального мастерства, спросил Опарин.

– Это что? Это, брат, дело сурьезное. Здесь уже не с простым железом – с серебром дело имеешь. От руды его очищаешь, понятно?

– Ну, разве что маненько, – признался казак. – Я слышал, что под Нерчинском серебряную руду нашли. Не хочешь поехать? Хотя нет, мы тебя не отпустим. Больше-то у нас бронных мастеров нет. Да и пазники с подковами кому-то нужно делать. Ведь без вас, кузнецов, что без рук.

– Вот и я говорю о том же, – согласился Платон, вытирая потные руки о кожаный фартук. – Жаль, нет у меня сыновей, чтобы дело мое продолжили. Не девкам же своим молот в руки давать.

Он вздохнул. И было понятно, что этот вопрос его сильно мучает.

– А ты возьми любого из моих лощей да научи их своему ремеслу, – неожиданно предложил Федор. – Того же, к примеру, Петра.

Платон покачал головой.

– Не... Твои – казаки, а казаку зачем мужицкое ремесло? – сказал он. – Да я уже и присмотрел тут одного. Захарка, сынок Демьяна Рыбакова. Демьян-то давно просил взять его в подмастерья. У самого пять сыновей, так что и без Захарки будет кому в поле робить.

– Ну как знаешь, – повел плечами Опарин. – А то бы и моего взял.

– Двоих их нельзя держать вместе, – смахивая рукавом рубахи пот с лица, вымолвил он. – Они ж и без того постоянно дерутся.

– И чиво? – не понял казак.

– Ну как же – из-за Любки моей. Все никак поделить ее не могут.

Больше они в тот день этого вопроса не касались. Если говорили, то о пустяках. А когда Платон закончил работу, Федор расплатился с ним серебром и ускакал к себе в острог.

Глава 7. Темные ночи

1

Оставив за себя старшим в крепости Ефима Веригу, Черниговский рано утром увел свой небольшой отряд в двадцать сабель в поход.

– Ну чо, Тимоха, пойдешь со мной вечером в слободу? – проводив отца, спросил брата Петр.

– А чо я там забыл? – ухмыльнулся Тимофей.

– Ну как чо? Девочек будем щупать. У моей Любашки сеструха есть, Варькой зовут. Уж такая басенька!⁵⁷ Глянешь – и тут же влюбишься, – уговаривал брата Петр.

Тимоха лениво зевнул.

– Всех басей не устависся, всех не перецелуешь, – этак равнодушно проговорил он.

Петр стал злиться.

– Тебе старший брат чиво говорит? Вот и не упорствуй! – строго глянул он на Тимоху. – Тут ведь еще вот какое дело. Слободские-то не шибко нашего брата жалуют. Али не видал меня с синяками? То-то же. А вдвоем мы – сила. Возьмем с собой по крепкой сосновой бочине – и пусть только сунутся!

– Ну рази ж только для подмоги – тогда я согласен, – промолвил брат.

Что и говорить, не в отца пошел Тимофей. Это Петр все по девкам бегает, а этому что они есть, что их нет. Он больше подраться любит, в улыски⁵⁸ поиграть ножичком да постоять в воде с удочкой. А когда река мелела, мог целыми днями лазать с бредешком по отмелям, собирая со дна всю мелочь. Когда подрос, стал промышлять рыбу вместе с казаками, запасая ее на зиму. Ставили сети, черные снасти-самоловы с кованцами⁵⁹, переметы на живца. Река-то рыбистая, уловистая. И так до Семена-дня, пока вода в реке не остынет и рыба не ляжет зимовать в ямы.

Однако и зимою рыбакам не сиделось дома. Но тут были свои премудрости ловли. Тимоха с детства знал, какая снасть для чего годится, будь то лето или зима. Знал, что в зимние холода лучше всего рыба ловится там, где хорошее течение. В спокойной реке оно не так. А вот в больших, глубоких водоемах, прудах и озерах и того хуже. Там подводная жизнь почти останавливается до прихода весны.

И все ж даже в разгар глухозимья рыба не перестает гулять в поисках пищи, хотя и не так живо. Но для того, чтобы ее поймать, нужно хорошо знать ее повадки. Зимою ее надо искать возле подводных родников, впадающих речек или ручьев и на больших перекатах. Живца же можно словить и под самым берегом, даже в тех местах, где воды между льдом и дном меньше четверти аршина.

А вот Тимоха с наступлением холодов любил ставить снасти там, где под толщей льда находились свалы и коряжник, а также на перепадах глубин. Там ему больше всего везло на крупную рыбу. А вот в места, где на дне были отмирающие водоросли, он не ходил. Рыба эти участки избегает, потому как старая трава только и делает, что поглощает воздух, которого зимой и без того в воде недостаток.

Тайга тоже влекла Тимоху. В студеную пору он ставил петли на зайца да кулемы⁶⁰ на мелкого зверька, а, бывало, что взрослые брали его и на коз, а то и на медведя.

---

⁵⁷ Бася, басенька – милашка.

⁵⁸ Улыски – игра в ножички.

⁵⁹ Кованцы – большие рыболовные крючки.

⁶⁰ Кулемы – ловушки.

И все же больше всего он любил реку. Вот и сегодня он хотел вечером бросить сеточку, однако вместо этого ему придется пехом ковылять в слободу. Были бы хоть лошади. Но где их взять? Может, подговорить товарищей да прогуляться за Амур? Глядишь, и на конях вернутся домой. Главное, не робеть.

Как только начало вечереть, братья, прихватив на всякий случай по увесистой бочине, отправились в Монастырскую слободу. По уговору, Любашка должна была ждать Петра в небольшом лесочке, что за крайним тыном, однако ее там не оказалось.

– Забыла, что ли, об уговоре? – удивился Петр. – А может что случилось?

Решили еще немного подождать. А вдруг придет? Стали прислушиваться к каждому звуку.

Вот со стороны слободы донесся до них незлобный собачий брех. Это они на коров, которых пригнали с пастьбы.

– Ычь! Ычь! – кричал пастух и звонко хлопал плетью.

Следом послышался голос какой-то хозяйки, кликавшей своих гуляющих по улицам свиней:

– Чух-чух-чух! Чух-чух-чух!

Хозяйствуют слободские ладно. И овчарни здесь у них есть, и коровники с бычками и стельными коровами. Есть даже в одном дворе бычок, который гордо носит кличку Князец.

Ветряная мельница вот недавно здесь появилась, построенная по всем старым правилам. Правда, покуда жернова ее не притерлись, потому помол выходит чересчур грубый. Так что зерно со всей округи по-прежнему везут к монахам. У тех хоть меленки и небольшие, но зато работают справно.

Когда ждать братьям надоело, они решили идти на разведку. Главное было не нарваться на Любашкиного отца. Тот, как казалось Петру, недолюбливал его, потому даже на приветствия его не отвечал. Глянет порой исподлобья и пройдет мимо. И в чем же, интересно, я провинился перед ним? – думал парень. Но спрашивать коваля не решался. А вдруг рассердится. Ну а с ним шутить себе дороже. Рука-то у него тяжелая, как молот. Хряснет – мало не покажется.

На счастье Платон в это время работал в кузне. Это братья поняли, когда услышали, как тяжело ухает где-то в глубине двора молот. Подав условный сигнал, а это была трель, похожая на соловьиную, Петр стал с нетерпением ждать. Скоро скрипнула калитка, и следом показалось Любашкино лицо.

– А мы к вам, – широко улыбнулся Петруха, показывая два ряда крепких молодых зубов.

– Тише! – испуганно поднесла палец к губам Любаша. – Тятенька вчера так меня лупил, так лупил, что я чуть было чувств не лишилась. Вот и Варьке из-за меня досталось.

Петр выпучил глаза.

– Это из-за того, что он на сеновале нас застал? – спросил он.

– Ну да...

– Так не будем больше туда лазать, – сказал Петр. – Мест, что ли, мало?

Любаша покачала головой.

– Тятенька сказал, что ежели еще раз увидит с тобой, – обоим нам не поздоровится. Так что уходи, Петя, уходи! Не надо, чтобы он нас снова увидел вместе.

Петр в растерянности посмотрел на брата, а тот отвернул свою морду в сторону и ухмылялся.

– Да никуда я не уйду! – неожиданно заявил Петр. – Ты думаешь, я твоего отца боюсь? Да плевал я! Знай, казаки никого не боятся. А ну давай, вызывай Варьку. Хочу брата Тимоху с ней познакомить.

Однако брат был человеком стеснительным, несмотря на свою внешнюю браваду. Всегда губу-то поджимал, когда с ним заговаривала какая-нибудь девка. А то и покраснеть мог до самого пупа.

– Да я... – заморгал глазами он, но голос Петра остановил его:

– Цыц! Здесь я командую. Ну чо, Любашка, стоишь? Дуй за сестрой.

Любаша, поддавшись Петрухиным уговорам, уже было хотела бежать за сестрой, но в этот момент раздался громкий свист, и следом из-за плетней показалась босоногая ватага, которой верховодил известный деревенский озорь Захарка Рыбаков.

Это был кряжистый парешок, одетый в посконную рубаху навыпуск и закатанные до колен портки. Рыжая голова его была похожа на копешку сена. Раньше и Петра с Тимохой тятя также вот стриг. Наденет на голову горшок – и давай ножницами кромсать волосы вокруг головы. Но теперь они казацкие дети, а тем дозволено носить пышные шевелюры. Скоро, глядишь, и бороды отрастут. Но пока лишь пушок покрывал их розовые мальчишеские скулы.

Слободские остановились поодаль и, лузгая семечки, стали этак нахально глазеть на чужаков. Братья сделали вид, что не замечают их.

– Ну ты иди, Любаш, что встала? – сказал Петр, а у самого голос задрожал от волнения.

– Еще чего! Вы ж тут же драться начнете.

– Эй, мурло, а ну подь сюды! – неожиданно послышался Захаркин воинственный голос. Петр понял, что это он к нему обращается, но даже ухом не повел.

– Вот телепень-то, стоит и шары пучит, а ничево не понимает, – возмутился Захарка. – Говорю тебе, подь сюды, иначе худо будет!

– Не замай! – огрызнулся Петр, а тот уже разошелся.

И так его заденет, и этак. И тогда Петр не выдержал. Ну разве стерпишь, когда тебя оскорбляют в присутствии твоей девки? Он повернулся и, помахивая ослопиной, пошел на обидчика.

– Ну, чо тебе надобно от меня? – подойдя вплотную к Захарке, спросил Петр. – Или мало я тебе носопырку бил?

– Чиво? Это надо еще поглядеть, кто кому ее бил! – загоношился Захарка. – Ты лучше паяло свое закрой, не то выпросишь!

– А ты меня на харло-то не бери! – перешел в наступление Петр.

А Захарка ему:

– Короче, так, казак... Забирай своего брательника и дуй отсюда! И помни: если еще раз увижу тебя здесь, – прибью.

Петр вспыхнул.

– Ага, завтра, а нынче так обойдешься.

– Чо?!

– Да ничо! Кишка, говорю, у тебя тонка!

Серые захаркины глаза налились кровью.

– Ну, паря, и пентюх же ты, ничево тебе не растолмачишь, – сжал он кулаки. – А ну, чо стоите? Давай, бей его!

И он первым бросился на Петра. Казацкий сын даже глазом не успел моргнуть, как очутился на земле.

– Тимоха! – закричал он брату. – Наших бьют!

Тот рванулся ему на выручку, размахивая ослопиной. Завидев его, босоногая команда дунула врассыпную. Этим воспользовался Петр. Вскочив на ноги, он бросился с кулаками на Захарку. Завязалась драка. Петр был чуть повыше и покрепче, однако его противник был шустрее. Он ловко уходил от его ударов, а при удобном случае и сам бил кулаком. А тут и товарищи подоспели. Тимоха попытался было помочь брату, но куда против такой оравы? Вырвали из рук дубинку и тут же по зубам.

– Братуха, давай держись! Я с тобой! – умываясь кровью, кричал он Петру.

– И ты держись! – продолжая изо всех сил работать кулаками, отвечал брат.

Их крики и вопли слышала вся слобода. Самые любопытные выбежали на дорогу и с интересом наблюдали за дракой.

– Гады! Только толпою и можете! – кричал Петр. – А слабо один на один?

Но кто его слышал? В таком пылу про все на свете забываешь...

С ужасом наблюдавшая эту сцену Любаша не выдержала и побежала за отцом. Боялась, что слободские убьют ее Петю.

– А ну, кончай буяннить! – уже издали заорал Платон. – Силу что ли некуда девать? Вот сейчас как оттяну вожжами – будете знать!

Однако слова его потонули в общем гвалте побоища, и тогда он принялся растаскивать петухов. Кое-кому из самых драчливых пришлось даже по шеям дать. Особо сопротивлялся Петр, который все пытался добраться до Захаркиной рожи. Уже и куча-мала рассеялась, а он продолжал размахивать кулаками да браниться. Тогда Платон схватил его за шкуру и притянул к себе.

– Эх, ты! Отца-казака позоришь. Иди отсель, и чтоб я тебя боле не видал! – в запале прошипел он ему в самое ухо. – И помни, со мной шутки плохи. Я тебе покажу, как на чужой улице кулаками-то махать.

– Но, тятенька, он же не виноват! Не он драку-то затеял, – попыталась заступиться за Петра крутившаяся здесь же Любашка.

Но тот зыркнул на нее сердито, и она замолчала. Отойдя в сторонку, она с неукротимой бабьей жалостью смотрела на своего Петрушу, у которого все лицо было в крови. Да и брата его, Тимоху, ей было жалко. Ведь тому не меньше досталось.

– Ладно, мы пошли, – напоследок недобро взглянув на обидчиков, произнес Петр.

– Покедова, казак! Мало мы тебе наподдали – надо б было еще больше, – этак нахально посмотрел на него Захарка.

Петр сплюнул кровавую слюну.

– Ничо, мы еще встренимся! – угрожающе произнес он. – Наш тятя говорит: это гора с горой не сходится, а горшок с горшком уж точно когда-нибудь столкнутся!

– Давай-давай, топай! – победно бросил ему вслед Захарка. – А придешь – снова получишь.

– Петенька! – неожиданно подала голос Любаша. – Тебе очень больно?

Глядя на то, как тот волочит поврежденную ногу, спросила она и тут же получила от отца затрешину.

– Иди в дом! – приказал он ей.

А затем обратился к Захарке:

– А ты чтобы завтра утром был у меня в кузне. Хватит варлыжить⁶¹ по улице – пора делом заняться. Али передумал?

– Хорошо, дядька Платон! Завтра и приду, – произнес Захарка и многозначительно посмотрел на Любашу Мол, теперь-то я всегда буду рядом с тобой, а вот Петьке твоему дорога в слободу заказана...

2

Почти целый день Черниговский со своим людьми провел на Симоновской заимке. Прибыли туда в полдень, а дворы пусты.

– Где люди-то? – спросил атаман сидящего на лавочке древнего старичка с белой как снег бородой.

---

⁶¹ Варлыжить – шляться.

Тот подслеповато шурясь, попытался рассмотреть пришлых. Когда понял, что это не вражины какие-то, а свои, казаки, сказал:

– Так ить на косьбе все. Робят копотко. У нас как говорят? Петров день замаячил – ладь, паря, косы да серпы.

Трудится, значит, народ, удовлетворенно отметил про себя атаман. Это хорошо.

– Ну и как вам тут живется? – слезая с лошади и беря ее под уздцы, поинтересовался атаман. – Может, обижают кто?

Дедок призадумался.

– Да как тебе сказать, – опершись руками на сучковатый батог, как-то неопределенно отвечал он. – Всякое бывает. То лешаки из лесу с ружьями выйдут и весь запас отберут, то эти басурманы.

– М-да, – задумчиво проговорил Никифор. – Что лешаки – это плохо, а что басурманы – и того хуже. И часто они вас беспокоят?

– Чевось? – не расслышал старик и потянулся к атаману ухом.

Тот понял, что от этого старого глухаря толку мало.

– Говорю, в какой стороне сенокосы-то ваши?

– А-а... – протянул старик. – А оно почто тебе?

– Да вот хочу с народом потолковать. Может, какие просьбы у людей имеются, – пояснил казак. – Народу-то сколь у вас тут? Семьи две, три?

Оказалось, все четыре, при этом одной фамилии – Симоновы. Отсюда и Симоновская заимка.

А прибыли они прошлой весною на подводах откуда-то из-под Новгорода. Наскоро срубили избы, соорудили вокруг будущей пашни поскотину⁶² из жердей, поставили повесть для лошадей, покрыв ее сверху травой, и стали готовить привезенные с собою орудия для сева и зерно. У русских ведь как? Есть баба, квашня да топор – уже деревня.

Землица в этих местах не ахти какая – сыроматерая, нерушенная, ни песок тебе, ни камень, а то и глина сплошная. Одним словом, худородная. Да и немного ее здесь. В основном болотина, торфяники, заливные луга да ерники. Потому и пахотины вышли разбойные, там, где были сухие да без чапыжника места. Глянешь – то там клочок земли, то в другом месте лехи.

Но зато тут такое приволье! И все-то нехоженое, нетронутое. И эти поляны с цветами, и лугавье, и подступающая стеною к ним тайга. Такого в их краях не было. Там каждый клочок земли на вес золота. Тут же бери ее – не хочу. Ну разве не жизнь? Хотя, говорят, вниз по Амуру оно еще богаче. Правда, тайги там нет, зато полей с землицей плодородной немерено. Вот где пашенному-то развернуться! Однако там пока жить опасно. Здесь-то богдойцы житья не дают, а ниже по Амуру тем паче. Почитай, целое войско стоит возле новой их крепости Айгуны. Вот эти аспиды и совершают набеги на русский берег, и попробуй, останови их.

Землю готовили Симоновы основательно. В первый год сделали несколько пропашек, чтобы поднять целину, после чего тщательно боронили ее, пока она не превратилась в пух. Только потом стали сеять по помету. Посеяли рожь, пшеницу и овес. Год выдался скупой на влагу, оттого и урожай не порадовал. Вот так: сеяли рожь, а жнем лебеду, вздыхали Симоновы. Однако без хлеба не остались, хотя и урезать себя пришлось всю зиму.

Хотели попытать счастье на озимых, да люди с соседней заимки отговорили. Мол, тут ржаной посев не пройдет – только яровой.

В этот раз решили сеять пораньше, пока земля еще не обсохла. Боялись, морозом прихватит посевы, однако пронесло. Те пошли в рост, и теперь только надежда на то, чтобы дожди не зарядили да не залили пашню. А то, говорят, тут так: в один год солнце убьет урожай, в другой – вода. Весенних половодий, как на Руси, тут не бывает, зато ближе к августу вдруг

---

⁶² Поскотина – изгородь из жердей или хвороста вокруг пашни.

заплачет небо, а следом и Амур, выйдя из берегов, разбежится по пойме. Тогда какой уж тут урожай? Однако бывают и хорошие годы, когда и солнца в меру, и влаги – вот тогда пашенным приволье!

Сеять шли дружно, всем гуртом. Даже малых ребятишек брали с собой. Идут, бывало, песни распевают. Весело! Впереди всех – подростки, которым не терпится поскорее добраться до места. Следом – бабы с детками на руках, далее – подвода с семенным зерном в мешках, по обеим сторонам – взрослые мужики, один из которых ведет под уздцы лошадь.

Замыкают шествие старики, которым Бог еще дает возможность двигаться. Могли бы дома сидеть, но куда от крестьянской привычки денешься? Сев – это начало всему. Это тебе и работа, и праздник в одном числе. Время надежд и испытаний. Ведь, говорят же, что посеял, то и пожнешь.

Сеяли в две горсти, проходя по загону дважды с краев. В основном севальщиками трудились мужики и подростки. Повесят себе на шею сумы и верюшки⁶³ с зерном, а потом идут неторопко полем, жменями бросая семя на еще влажную землю. А в это время женщины – одни обед для работников на костре готовят, другие камни и мусор с пашни убирают. В общем, всем работы хватало.

Засеменя поля, устраивали небольшой праздник. Садились кружком на траву и хлебали из чашек щи, потом была пшеничная каша с коровьим маслом, которую запивали ядреным кваском.

Когда появлялись всходы, нужно было освобождать поле от сорняков. Чаше то была полынь или кислица, которую выламывали и выносили на межу. А еще были огороды, скотина, другие хозяйственные дела. Так что алырничать⁶⁴ не приходилось. Оно и для детворы дело находилось. Они целыми днями пропадали на выпасах. «Ычь! Ычь! Ычь!» – где-то вдалеке звучали их звонкие голоса, сопровождаемые хлесткими хлопками пастушьих плетей.

Но теперь вот подошла сенокосная пора, и все Симоновы трудились на покосах. Вставали рано, чтобы косить по росе, и, наскоро позавтракав, брали в руки литовки⁶⁵ и спешили на сенокосные угодья. Тяжела она такая жизнь. Да ведь, говорят же, поле муку любит.

...Поплутав по лесной дороге, казаки наконец вышли на простор. Вокруг луга в цветах, полянки среди ерников да пашенки.

С Петрова дня зарница хлеб зорит, увидев желтеющий хлебный клин вдоль дороги, вспомнил Никифор слова своего покойного отца-землепашца. Эта любовь к земле передалась и его сыну, только не суждено ему было стать хлеборобом.

– Не омманул старик-то, ить, вон оне! – указывая рукоятью нагайки куда-то вдаль, сказал атаману Мишка Ворон.

И точно. Выбравшись из зарослей лещинника, казаки увидели невдалеке косарей, которые, встав рядком, проходили литовками да горбушами поле. Поодаль трудились бабы. Они сгребали деревянными граблями подсыхшую кошенину в валки и сладывали в копны. Один лабазник – никакой тебе примеси осоки.

– Эх, хорошо работают черти! – глядя на косарей, восхищенно проговорил атаман. – Хотел бы я на их месте быть.

И он не лукавил. Никифор всю жизнь мечтал занять собственную заимку и заняться хозяйством. И у него всегда чесались руки, когда он видел работающих в поле крестьян.

– Ну а что, атаманушка! Меняй свою строевую лошадь на клячу, и дуй в пашенные! – с издевкой произнес его сподручник Игнашка Рогоза.

Тот только вздохнул.

---

⁶³ Верюшка – корзина из лозняка.

⁶⁴ Алырничать – лодырничать.

⁶⁵ Литовка – большая коса.

– Да кто ж мне даст-то? Чай, государеву волю выполняю – границу русскую стерегу. Вот уж когда дадут отставку, тогда...

Увлеченные работой пашенные даже не заметили, как подъехали казаки.

– Ну, здорово, что ли, мужики! – громко крикнул атаман.

Косари оставили работу и, глянув с любопытством на прибылых, поклонились им до земли.

– И вам всякого здоровьица, – за всех ответил стриженный под горшок крепкий мужик в мокрой от пота рубахе.

По правую руку от него работал такой же крепкий, похожий на него, чанкырый⁶⁶ паренек.

– Мотри-ка какой баской⁶⁷ – твой, что ли? – спросил косаря атаман. А тот широко по-крестьянски улыбался.

– Мой, – ответил тот не без гордости. – Еле успеваю за ним – вот дошлый-то!

– И как зовут?

– Его Колькой, меня Андрияном.

– Добре, – шевельнул усом атаман.

Он слез с лошади и окинул взглядом угодья. Эх, приволье какое! И тишина. Кажется, слышно, как трава растет. Вот в такую же пору они когда-то с отцом и дедом выходили на покосы. Травы высокие, налитые – так и брызжут, так и брызжут соком на острые лезвия кос. Память возвращает его в далекое детство. Палящее солнце, духота, темные полукружья пота на рубахах косарей. И этот духмяный запах сена! Да разве с ним что-то сравнится? Потом эти медленно ползущие пышные возы, оставляющие за собой по дороге клочки зеленого сена, которые так аппетитно подбирает мягкими губами из пыли тянущееся на закат стадо. А вечером парное молоко, вобравшее в себя весь аромат июньских трав. Пьешь его, и всю дневную усталость как рукой снимает...

Воспоминания детства, да эти пьянящие травяные запахи так подействовали на атамана, что он не смог устоять от соблазна взять в руки литовку да пройтись с нею по полю.

– Слышь, мужики, может, отдохнете чуток? – неожиданно обратился Никифор к косарям. – Ну а мы с товарищами поработаем за вас. А то в седле-то оно устаешь сидеть – вот и хочется спины поразмять.

– Эх, забодай меня коза! – пытаюсь удержать на месте молодого горячего жеребца, воскликнул Игнашка Рогоза. – Давайте, мужики, соглашайтесь, коль сам атаман Черниговский об этом вас просит!

Те пожали плечами. Ну, коль есть желание – Бога ради...

Атаман слез с коня и, отдав поводья своему порученцу Макейке Волошину, принял из рук Андрияна литовку.

– Ну а вы что же? – обратился он к своим товарищам. – Давай, тоже слезай с коней.

Несколько казаков тут же последовали его примеру, те же, кому не достались литовки, отвели лошадей в тень, к небольшому березовому островку, что зиял посреди покосов, где, сидя на траве, кормили грудничков две молодые мамашки.

Перед тем, как начать работу, Никифор оглядел поляну.

– А не рано ли, мужики, косьбу-то начали? – неожиданно обратился он к косарям. – Вроде и трава еще не встала.

– Да это она от жары такая, – сказал Андриян. – Ну, а косить надо, пока еще она не семенится.

– Ну, коли так, то с Богом, – атаман покрепче сжал литовку и сделал пробный укос.

---

⁶⁶ Чанкырый – белокрытый.

⁶⁷ Баской – симпатия.

– Что-то она у тебя не живая, – легонько проведя пальцем по лезвию, деловито произнес он.

– Да только что правил, – стал оправдываться Андриян.

– Э, нет, – покачал головой атаман. – Так дело не пойдет. А ну дай оселок.

Тот вынул из кармана точильный камень.

Поставив литовку на пятку, Никифор несколько раз дернул ее бруском.

– Вот теперь дело пойдет, – произнес он и передал точило товарищам. – А ну давай, и вы поправьте косы.

А людям-то его все это было не внове. Они наравне с пашенными когда-то и хлеба растили, и скот держали. Но вот позвали их ратные дела, и они бросили все и подались на Амур. Но и тут уже кое-кто из них не вытерпел и взялся за соху. Подняли целину, пашни да огороды разбили, живностью всякой дворы наполнили. Специально для этого гуляли за Амур, где покупали у ханей все до последнего цыпленка.

Встав как заправские косыри рядком, казаки начали валить траву.

– Эх, забодай меня коза! – сделав очередной широкий взмах косой, выразил свое удовольствие Рогоза.

– Давай-давай, казачки, не подкачай! А то люди думают, что мы только саблями и умеем махать.

– Это точно! – слышался голос Мишки Ворона.

– Уж куда точнее! – усмехнулся старшина.

Тот был человеком посадским, но и ему приходилось в молодости браться за косу. Родители держали корову, потому каждое лето Федька с отцом ездили заготавливать сено. Там вдоль Москвы-реки были богатые луговые покосы. Можно сказать, великое разнотравье.

Долго они трудились, пока не устали. Первым опустил руки Игнашка.

– Все, казаки, я сдох.

– Что-то больно быстро, – утирая рукавом пот со лба, сказал атаман.

Тот хмыкнул.

– Да ведь я ж человек отродясь служивый, так что больше по другой части, – сев задницей на отаву⁶⁸, устало произнес он.

– Ага, как те птицы небесные, – смахивая пот со лба, молвил атаман. – Те-то ведь не пахнут, не сеют, а сыты бывают. И не совестно?

Игнашка усмехнулся.

– Да и ты, Никифор, не шибко-то в мозолях, а вот скусно пожрать – это завсегда.

– А какой казак пожрать-то не любит? – делая очередной взмах косой, спросил Мишка. – Я вот тоже люблю.

– Ну все, кончай работу! – неожиданно остановил казаков атаман. – Поразмяли спины маненько, и буде. А то ведь нам еще нужно с народом потолковать – и в путь.

Подхватив косы, казаки поторопились в тенек. Под солнцем-то долго не наработаешь. А оно, поднявшись над горизонтом, жарит так, что жилы лопаются. Вот потому для косьбы только утро и годно, а днем лучше сидеть в теньке да квас попивать.

Храпят лошади, жарко им. Бросив щипать траву, лезут в тень.

– Ну, потерпите, милые, щас поговорим с людьми, и поведем вас на водопой, – ласково обратился к ним атаман.

Разговор с пашенными получился толковый. Те рассказали казакам о своем житье-бытье. На жизнь не жаловались – знали, мол, куда ехали. Вот только злых людей здесь тьма тьмущая. Так и норовят тебя ограбить. А возьмешься за топор или рожны – тут же пулю схлопочешь.

---

⁶⁸ Отава – молодая трава, выросшая на месте скошенной.

– Нам бы орудьишко какое-никакое – мы б сами с этими бесами справились, – заявил Андриян. – Мужиков у нас хватает, а ведь есть еще и отроки. К примеру, у меня, окромя Кольки, еще пятеро парнишей.

– Добре, – кивнул головой атаман. – Чем скорее мы заселим эти земли смелыми да сильными людьми, тем лучше. А то ведь богдойцы не шибко-то нас боятся. Мы-то их пытались силой несметной пужать, а тут видят, и нет этой силы. Вот и жгут нас, вот и убивают да в полон уводят. Смотрите, как бы и вас тут не пожгли.

– Да, дела-а, – протянул Андриян. – Вот я и говорю, орудьишко нам нужно.

– Что толку просить-то? Надобно самим его добыть! – встрял в разговор Колька, андриянов сын. – Я даже знаю, как это сделать. Устроим в лесу засаду – вот тебе и орудьишко.

Никифор с интересом посмотрел на парня.

– Башковитый он у тебя. Я б его к себе в войско забрал, да вам самим руки нужны. Ну а с орудьишком решайте сами. У нас тоже его не ахти сколь. А супротив нас на той стороне Амура огромное войско стоит. Тоже думаем, как быть. Царь-батюшка не шибко-то спешит нам помочь. Уж сколько просили его прислать к нам хотя бы парочку стрелецких дружин – не шлет. А ясак, вишь ли, велит собирать для казны. Неужто думает, что горстка храбрецов остановит богдойцев? Не остановит! Вот мы и нашли другой путь. Заманиваем к себе гулящих людей и делаем из них ратников. Ну а трофеи у врага берем. И коней, и оружие, и куяки. Так что прав Колька: нужно самим думать. Ну а коль война – бегите в тайгу, а лучше к нам. Нам ратные люди завсегда нужны...

3

Возвратились домой братья понурые. У одного глаз заплыл, у другого губа рассечена и ногу волочит.

– И аде ж вы это были-то, окаянные? – всплеснула руками Наталья. – Никак кто побил? Сыновья мялись. И врать не хочется, и правду говорить стыдно.

– Да это мы так. Баловались с дружками на пустыре – вот и... – пытался юлить старшой. Мать покачала головой.

– Им жениться пора, а они еще в цацки никак не могут наиграться. Вот приедет отец – он уж вам задаст. Хотя... – она махнула рукой. – До вас ли ему щас, когда у него малый басурманин растет? Не любы вы ему давно не любы. Да и любил ли он вас когда?

– Любил, мамань, любил! И теперь любит! – вступился за отца Тимоха.

– Ага, жди!

Когда речь заходила о богдойке, Наталья тут же начинала распаляться.

– Коли бы любил, не сбежал бы от вас малых на Дон. Да и тут вместо того, чтобы вас уму-разуму учить, он вечно пропадает у своей узкоглазой. И тут его нету...

– Дак ведь он, мамань, в поход ушел, – напомнил Петр.

Мать вздохнула.

– Вот-вот... Поехала кума неведомо куда.

Братьев такие разговоры сильно огорчали. Наскоро поужинав приготовленной матерью кулагой⁶⁹, они выскочили из дому и побежали к реке. Там по вечерам собиралась молодежь. Играли в побегушки, горелки, ловушки, рассказывали друг другу всякие небылицы. Про тех же леших и всякую другую нежить, что по ночам людей пугает.

Вот и на этот раз, наигравшись вдоволь, сели кружком у костра. Девки, парни. Сидят, ляды точат, друг над дружкой подтрунивают. А тут вдруг разговор о богдойцах зашел. И это

---

⁶⁹ Кулага – лакомое постное блюдо.

неспроста. В последнее время те все чаще стали нападать на русские селенья, грабя и убивая людей.

– Слышь, Петруха! Ты вот скажи нам, пойдет манзур на нас войной? – обратился к Петру длинный и худой, как кишка, Костка Болото.

Тот пожал плечами.

– А откелева мне знать? Я чо ли тебе амбань⁷⁰ богдойский?

– А я слышал, что пойдет, – произнес парень. – Все наши казаки только об этом и толкуют. Вот и батька мой, когда спать ложится, саблю возле себя кладет.

Петр ничего на это не ответил. Взяв хворостину, он стал ворошить уголья в костре.

– Гляньте, гляньте! Никак кто-то чапает к нам, – пытаюсь разглядеть в сумерках бегущего берегом человека, сказал Костка. – Может, Митяй? Он ведь давесь сказывал, что пойдет к Демидовской косе переметы ставить.

И точно, это был рыжий Митяй.

– Эй, братишки! Послушайте, чо я вами скажу! – еще издали закричал он.

Подлетел к костру, весь встрепанный какой-то и запыхавшийся. Руками машет, сказать что-то пытается, но от волнения или же от быстрого бега у него перехватило дыхание.

– Там, – наконец выговорил он, указывая на закат, – воровские людишки коней через реку хотят переводить. Гайда, отобьем табун!

Товарищи посмотрели на Петра. Он у них за жоака. Что тот скажет, то и станут делать.

– Да ладно свистеть-то! Какие еще воровские люди? – спросил Петр.

– Да брешет он, брешет! – загомонила сидевшая вокруг костра молодежь. – Ну признайся же, Митяй, что брешешь.

– Врать – не мякину жевать, не подавишься, – с усмешкой заметил Петр.

– Богом клянусь, Петь! – перекрестился Митяй. – Я их как тебя видал. Вместе с конями. Тогда ить светло еще было.

Петр этак хитро посмотрел на него.

– А что ж они до сих пор-то не перегнали этих коней? – с ехидцей спросил он.

– Видно, подмогу ждут с этого берега. Товарищей своих, – не растерялся Митяй. – Ну ей-Богу, Петь!

Он снова перекрестился.

Петька покачал головой.

– И все равно я тебе не верю, – продолжая ворошить уголья в костре, произнес он. – Если б это были вору, их бы давно наш дозор заметил и поднял тревогу. А тут тишина.

– Сам дивлюсь, – пожал плечами Митька. – Ведь был дозор-то. Но старшой почему-то быстро его увел. Хотя, мне думается, татей-то он видал. Долго так смотрел на ту сторону. И знаете, кто это был? Хорунжий Верига.

– Верига? – удивился Петр. – И что, он тебя видал?

– Не-а, я в траву спрятался, – шмыгнул носом Митяй.

– Чудно все это, – сказал Петр. – Не было, а сказка какая-то.

– Фу ты ну ты! – начал злиться рыжий.

– А что, братка, может, и впрямь Митька не врет? – подал голос Тимоха.

– Может, и не врет, но только отчего ж это он к нам-то побежал вместо того, чтобы поднять в ружье гарнизон? – подозрительно посмотрел на рыжего жоак.

Митька даже сплюнул с досады.

– А то ты не понимаешь? Да ведь я хотел, чтобы кони нам, а не старым казакам достались, – сказал он. – Нет коня – нет казака. Не твои ли это слова, а Петьк?

Он еще немного потоптался на месте и вдруг:

---

⁷⁰ Амбань – китайский сановник.

– Ну, смотрите. Не хотите иметь своих лошадок – так и быть, пойду подымать гарнизон. А то ведь убегут тати-то.

Казачьи дети примолкли. Что скажет им Петька?

Тимоха тоже выжидающе глядел на брата. Ну, что же это он? Ведь уйдут конокрады-то. И тогда нам-де не видать лошадей, как собственных ушей. А не мы ль так мечтали о них? Не мы ль даже во снах их своих видим?

И то сказать: кони – это свобода; это ощущение полета; это хлесткие гривы в лицо, копыта, отбивающие ритм галопа, и неведомое чувство – как это летать, не касаясь земли...

– Так аде, говоришь, эти баскаки Амур собрались перейти? – наконец прервав молчание, спросил Митяя Петр.

– Да там, аккурат против Демидовской косы.

– Версты две, однако, отсель, – вздохнул Петр. – Далече, можем и не поспеть. Да и неизвестно, сколь их этих лешаков будет. А то и порубать могут.

– Ну так мы отцов позовем! – нашелся кто-то из казацких сынов.

Но у Петьки другие мысли. Отдавать победу старшим? Да ни за что на свете! Сами с усами – как-нибудь справимся. Главное – это внезапно напасть на врага.

Он обвел взглядом товарищей. Те по-прежнему сидели и во все глаза глядели на жожака, выжидая, что он скажет.

– В общем так, робяты. Бегите домой и берите с собой кто что может. Нам все сгодится – и рожна, и топоры, и ослопины. Собираемся за околком у старой сосны.

Оставив девок у костра, парни бросились выполнять наказ жожака. Не все из них тогда пришли к старой сосне. Кого-то родители домой загнали, кто-то просто струхнул. Однако десятка два смельчаков все же набралось.

– Ну что, товарищи мои. Давайте, что ли, помолимся на удачу, – предложил Петр.

Те притихли, и было слышно в темноте, как шелестят в молитве их губы.

– Ну все, гайда на дело! – положив тяжелую балту⁷¹ на плечо, наконец сказал Петр. – Я пойду первым, остальные по одному за мной. И чтоб ни звука! Иначе... Иначе недобрые люди нас услышат и всех порубят. Так что тихо ступайте.

И они двинулись в путь.

Где-то далеко-далеко впереди догорал день, пылая верхушками сопков, отчего небо в той стороне оставалось еще живым и прозрачным, тогда как на востоке ночь осенила поля и зажгла звезды. Вот так, идешь на свет, неведомо на что ступая в темноте.

Пройдя с полверсты, они свернули с большака и стали пробираться лесом. В лесу-то оно спокойнее. Тут и деревья тебе, и кустарники – есть, где спрятаться.

Тишина. И лишь изредка где-то вдалеке прострекочет кузнечик или хлопнет крыльями ночная птица. Сторожко ступают по земле молодые казаки. И то, не в игры идут играть. Бывает, треснет под ногами сухая ветка или что-то живое зашевелится в кустах – тут же сердце замирает. И чем дальше, тем больше страхов. То им уже кажется, что кто-то следит за ними, то вдруг в темноте им почудится чья-то тень. Уж поскорее бы добраться до места!

Где-то совсем близко, пробиваясь через песчаные косы, угрюмо нес свои бурые воды Амур. Стоит выйти из лесочка и пройти чистым полем, и вот он, берег. А там где-то и Демидовская коса.

– Все, стой! – наконец поднял руку Петр. – Теперь лягай все на землю. Дальше нужно ползком до самого берега.

Он первым лег на землю и пополз. Остальные за ним. Чуть слышно шевелилась трава. Рядом будешь стоять – не увидишь. Так и ползли, пока не достигли берега. Внизу, в закатном свете, хорошо просматривалась Демидовская коса. Затаились и стали ждать.

---

⁷¹ Балта – топор.

Ждали долго, пока вдруг не услышали в стороне какой-то неясный шум. Кто-то пытался идти сторожко, но это не всегда получалось. Отсюда и эти нечаянные звуки, похожие на удары прикладов о землю, скрежет железа да конский храп.

Видно, то дружки конокрадов, – подумал Петр. – Дозорные так не ходят. Пришли, оканные, чтоб подмочь своим.

Скоро на поляну вышли какие-то люди. Одни были пешие, другие на лошадях. Их силуэты хорошо прорисовывались на фоне закатного неба.

Человек шесть – не меньше, отметил про себя Петр. Но где же дозорные? Почему их нет на месте? Не может же быть, чтобы хорунжий Верига был с ними заодно.

– Робяты! – прошептал в темноту Петр. – Слухай меня! Надо незаметно подползти к этой подорожной вольнице и напасть на них скопом. Давай, десять человек дуйте за Тимохой. Зайдете с другой стороны и подадите знак.

– Я крикну по утячи, – предложил Тимоха.

– Пойдет! А потом я крикну два раза, и тогда всем скопом бросаемся на них. Ты со своими, я со своими.

– А бить-то как? До смерти что ль? – спросил рыжий Митяй.

– До смерти! – твердо ответил вожак. – Иначе сами ляжем здесь же на берегу. Ну все, Тимоха, води людей.

Зашевелилась трава, и вот уже половина Петрухиной дружины исчезла в ночи.

– Надо и нам подползти поближе, – обратился к оставшимся Петр и, ухватившись поудобнее за рукоять топора, первым пополз вперед.

Так они проползли саженой десять. Дальше опасно, решил Петр. И так уже до врага рукой подать. Вон они, оканные, сбились в кучу и о чем-то совещаются. Сейчас бы и напасть на них. Однако по уговору нужно ждать Тимохиного знака.

Минуты ожидания... Сердце в груди у Петра бьется так громко, что, кажется, и вороги его слышат. Но где ж ты там, братуха? Отчего молчишь?

Но вот наконец в ночи прозвучал утиный крик.

– Ну, братцы, готовься к бою, – чуть дрогнувшим голосом произнес вожак. – И чтоб все тихо было. Не то варнаки⁷² на том берегу услышат шум и сбегут с лошадьми.

Он сложил вместе ладони и два раза крикнул в темноту.

– Все, але за мной! – скомандовал Петр и, пригнувшись к земле, устремился вперед. Товарищи за ним.

Застигнутые врасплох ледаки⁷³ даже ахнуть не успели, как оказались на земле, порубленные топорами. Никого в живых не оставили. Позже Петр сам удивлялся, как это у них все ловко вышло. Вроде бы и опыта в этом деле не было, а поди ж ты – бились как заправские. И неведомо ему было, что всех их вел страх, этот всеильный могучий страх, который способен рушить даже горы. Тут ведь как – или пан, или пропал.

Покончив со злодеями, казацкие дети отвели трофейных лошадок в тень и, привязав их к старой корявой лозе, вернулись на берег. Теперь нужно было ждать гостей из-за Амура.

«Но куда мы целый табун будем девать? – подумал Петр. – Может, стоит загнать его конским барышникам? Тогда и деньга появится».

Он давно мечтал купить дорогой подарок своей Любашке. Однако здравый смысл в нем взял верх. Нужно будет коней безлошадным казакам раздать, решил он. Казак на коне – это тебе не пеший. А в войске постоянно не хватает лошадок.

Ждать пришлось долго. Но вот на той стороне вдруг замелькали какие-то тени. Следом на берег выскочили из темноты три всадника. Они постояли какое-то время – видно, прислу-

---

⁷² Варнак – преступник, бандит, каторжник.

⁷³ Ледак – злодей.

шивались. А может, ждали сигнала? Если так, подумал Петр, то все пропало. Ведь ни он, ни его товарищи не знают, что это за знак. Эх, надо б было хоть одного варнака оставить в живых. Но кто ж знал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.